

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

М.Е. Ерин, Г.А. Хольный

ТРАГЕДИЯ
СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

**История шталага 326 (VI К) Зенне.
1941 - 1945 гг.**

Ярославль 2000

ББК Т 3(2)622.82
Е 71

Ерин М.Е., Хольный Г.А.
Трагедия советских военнопленных (история шталага 326
(VI К) Зенне. 1941 - 1945 гг.) / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2000. 138 с.
ISBN 5-8397-0068-1

В монографии впервые в отечественной историографии исследуется история одного из крупнейших лагерей советских военнопленных в «третьем рейхе» - шталага 326 (VI К) Зенне: от его возникновения в 1941 г. до роспуска в 1945 г. На достоверных источниках в книге подробно рассказывается о судьбе красноармейцев, оказавшихся в немецком плену. Авторы показывают всю трагичность положения военнопленных, их рабский труд, бесправие и беззащитность, произвол лагерных полицейских и охраны, бесчеловечность и жестокость нацистского режима. Результаты исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров по истории германского фашизма и второй мировой войны.

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; д-р ист. наук, проф. В.С. Павлов.

ISBN 5-8397-0068-1

© Ярославский
государственный
университет, 2000
© М.Е. Ерин,
Г.А. Хольный, 2000

*Советским солдатам
и офицерам, бывшим во-
еннопленным, авторы по-
свящают эту книгу.*

Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли замученные там, в лагерях, - сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать...

М. Шолохов. Судьба человека

А положение русских военнопленных в германском плену, во время минувшей войны, по своей трагичности в истории не знало себе равного.

К. Кромияди. Все забыли о пленных

Введение

Война без пленных не бывает. Плен, по мнению историка Х. Петерса, означает продолжение войны иными средствами¹. Во все времена у всех народов считалось, что самая тяжелая судьба, какая может выпасть на долю человека, - судьба пленного. В период второй мировой войны это трагическое явление приобрело поистине колоссальные масштабы. 35 млн. человек - такова численность военнопленных в 1939 - 1945 гг. Война сопровождалась чудовищными преступлениями национал-социализма в отношении пленных, особенно советских военнопленных в Германии. С такими фактами человечество столкнулось впервые.

Русские военнопленные превышали по численности всех остальных военнопленных, вместе взятых. В немецком плену оказалось 5 734 528 советских солдат, офицеров и генералов, из них 3,3 млн. были расстреляны, то есть 57,8%². Во время первой мировой войны смертность русских военнопленных составила около 5%. Некоторые авторы считают даже, что всего было захвачено в плен около 6 млн. красноармейцев, из них погибло 4 млн. человек³. По данным Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, пропало без вести, было захвачено или сдалось в плен 4 млн. 559 тыс.⁴ Это тоже спорная цифра и весьма занижена. Не совсем понятно, почему «пропавшие без вести» объединены с «попавшими в плен». Это разные вещи. Сейчас, видимо, трудно дать достоверные сведения о числе погибших в плену. Многие исследователи приводят разные цифры. В любом случае масштабы уничтожения советских пленных в гитлеровских лагерях огромны. В большом количестве советские воины попадали в плен в первые месяцы войны. К концу 1941 г. вермахтом было пленено, по различным данным, от 2,5 до 3,3 млн. красноармейцев и командиров. Большинство акций по уничтожению военнопленных падает на июль - декабрь 1941 г. С наступлением ранней зимы резко увеличилась смертность: в октябре 1941 г. в тыловом

прифронтовом районе умерли от 20 до 50 тыс. военнопленных, в ноябре - даже от 80 до 100 тыс. В Германию военнопленных транспортировали по железной дороге в открытых вагонах даже зимой. Каждый пятый из них умирал от обморожения⁵.

Тяжелейшее испытание выпало на их долю, у каждого в плену судьба сложилась по-разному. Одни умерли от холода, голода, болезней и непосильного труда, другие были убиты, уничтожены газом, замучены или забиты насмерть, третьи за побег и саботаж были расстреляны, заключены в тюрьмы, концентрационные и штрафные лагеря, четвертые, рискуя жизнью, даже в плену боролись против нацизма, используя различные формы и методы, пятые перешли на сторону врага, поступили на службу в вермахт, несли караульную службу, служили в лагерной полиции и разных военных и националистических формированиях, встав под чужие знамена.

Верно замечено, что судьба советских военнопленных в Германии не имеет параллелей в истории пленения солдат и офицеров других государств. Она глубже, трагичнее и неразрывно связана с историей народа. Ни одна армия, ни один народ в истории не пережил и не перенес ничего подобного. Для историков проблема плена до сих пор остается весьма актуальной. Интерес ученых и широкой общественности к ней возрос, стал более целенаправленным и разносторонним. Следует признать, что в последние годы у нас в стране появились интересные книги и статьи о судьбе плененных⁶. Для ученых стали доступны архивные материалы. Более того, проходят международные конференции, посвященные советскому и немецкому плену⁷.

В Германии данная тема уже давно находится в центре историко-политических дискуссий. В 70 - 90-е гг. в ФРГ опубликованы содержательные работы К. Штрайта, А. Штрайма, У. Херберта, Х. Вайшера, Г.-А. Якобсена, Р. Фоссера, Р. Келлера, В. Боргзена и К. Волланда, К. Хюзера и Р. Отто, М. Зиденханса, Б. Бонвеча, Ё. Остерлоха, Г. Моммзена, в которых достаточно глубоко и всесторонне исследуется судьба плененных красноармейцев в немецком плену, их печальная участь после окончания войны и возвращения на родину. Их исследования получили широкую известность и признание за рубежом. Особенно хотелось бы отметить, что в ряде германских городов были организованы выставки о судьбах советских и немецких военнопленных в годы второй мировой войны. На них были показаны предметы, фотографии, документы и фильмы. В некоторых городах ФРГ созданы также центры по сбору документального материала и по изучению истории лагерей военнопленных.

Тем не менее тема плена советских солдат и офицеров в «третьем рейхе» еще недостаточно изучена. В отечественной литературе больше всего писали и продолжают писать о пленных, оказавшихся в концлагерях. Однако мы до сих пор мало знаем о жизни и трагической судьбе пленных, которые находились в «шталагах» (Kriegsgefangenen - Mannschafsstammlager - стационарный лагерь для военнопленных) и «офлагах» (Offizierlager - офицерский лагерь), разбросанных на территории самой Германии. Сразу оговоримся, что нас пока интересует именно этот аспект темы. Таким образом, речь идет о мучениях и смерти сотен тысяч людей. Вряд ли история второй мировой войны может быть полной без знания и изучения всей правды о пленных.

В данной книге впервые в отечественной литературе исследуется история печально знаменитого и одного из крупнейших шталогов третьего рейха - шталага 326 (VI К) Зенне. В 1941 - 1945 гг. он был расположен на территории сегодняшней общины Шлос Хольте-Штукенброк (земля Северный Рейн - Вестфалия). Лагерь 326 в Зенне был открыт 23 апреля 1941 г. Через неделю (30 апреля) он впервые упоминается в официальных документах, в ежемесячном обзоре Верховного главнокомандования. С февраля 1943 г. и до конца войны он официально назывался «Шталаг 326 (VI К) Зенне». В некоторых документах делается приписка «под Падерборном». В годы войны его чаще называли «лагерь русских».

Эта книга - о жертвах нацистской лагерной системы, о преступлениях гитлеровской Германии в отношении военнопленных. Они явились одним из наиболее массовых злодеяний, совершенных фашистами. Жизнь пленных ценилась мало. Их рабочая сила бездушно эксплуатировалась, а смерть всегда идеологически оправдывалась. Шталаг 326 (VI К) часто ассоциируется с названием Штукенброк. Такая тесная связь шталага, Штукенброка и мемориального кладбища советских военнопленных для широкой общественности стала понятна в послевоенное время, в особенности с конца 60-х гг. Это связано с многогранной и бескорыстной деятельностью рабочего кружка «Цветы для Штукенброка», который был основан в 1967 г. в городе Лемго, неподалеку от лагеря.

Шталаг 326 (VI К) является символом незабываемости и сплочения всех людей доброй воли, которые не хотят войны и повторения страшных преступлений против человечества. Штукенброк - это знак бесчеловечности и жестокости фашизма. Штукенброк можно назвать символом шталогов для советских военнопленных, как Бухенвальд для концлагерей. История лагеря показывает, что здесь так же, как и в концлагерях третьего рейха, совершались в огромных масштабах преступления против людей. Уничтожение русских военнопленных в шталагах было ча-

стью войны на уничтожение России. К жертвам этой войны на уничтожение относятся солдаты и офицеры шталага 326 (VI K). Им и посвящается эта книга.

Это мрачная глава в немецкой истории и часть немецкого прошлого, отражающая повседневную практику национал-социализма. За реальным положением пленных просматривается зловещий образ циничного и надменного человека, презирающего других, уничтожающего людей с иным мировоззрением. Элементарные права человека нарушались, как, впрочем, и международное право. Уничтожение людей в лагерной системе было запрограммировано. Такая практика не могла быть скрыта от немецкого населения. То, что происходило в лагере 326 (VI K), как и в других лагерях знали и видели многие. Этот исторический факт не следует забывать.

О шталаге 326 (VI K) в Германии написано и сказано много, хотя исследование его истории началось только в 80-е гг. Даже в середине 80-х гг. тщетно было найти название лагеря Штукенброк в школьных учебниках земли Северный Рейн - Вестфалия. Теперь в Штукенброке ежегодно проходят антивоенные дни, в которых участвуют тысячи людей. Активную роль в этом играет упоминавшийся нами кружок «Цветы для Штукенброка». Его члены считают своим долгом сохранить славную память о погибших и замученных. Отметим, что к числу лучших книг о шталаге 326 относится исследование двух авторов: профессора Падерборнского университета К. Хюзера и учителя гимназии и историка, доктора Р. Отто⁸. Они собрали огромный материал об этом лагере. В их распоряжении оказались ранее неизвестные архивные источники, письма, воспоминания очевидцев и бывших пленных, карты, фотографии, статистика. Эти материалы отражают горе, страдание, борьбу и гибель многих людей. Авторы книги считают советских военнопленных «жертвами национал-социализма». Они справедливо пишут, что вермахт был соучастником национал-социалистической политики истребления людей, несет ответственность за массовые преступления и за создание системы лагерей для военнопленных⁹. В 80-е гг. историей шталага 326 (VI K) успешно занимался историк М. Зиденханс¹⁰. Им опубликовано несколько интересных статей и остался неопубликованным большой манускрипт об этом лагере. Серьезным подспорьем для нас послужили материалы о шталаге VI А. Хемер, тесно связанном с лагерем 326 (VI K), а также работа историка Ё. Остерлоха, в которой он подробно исследует проблему сопротивления в лагерях военнопленных, рассматривает различные взгляды историков по данному аспекту, тщательно анализирует причины побегов советских военнопленных и меры, принимаемые нацистским руководством для их предотвращения¹¹. Среди

советских военнопленных шталаг Хемер снискал печальную славу. В нем умерли десятки тысяч русских пленных.

Из воспоминаний бывших советских пленных особо хотелось бы упомянуть весьма содержательную книгу «Лагерь 326. Сообщения очевидцев. Фото. Документы»¹². Она издана в ФРГ в 1988 г. кружком «Цветы для Штукенборка» и, к сожалению, до сих пор не переведена на русский язык, и, таким образом, российский читатель не имеет доступа к ней. Эта книга воспоминаний рассказывает о всех аспектах жизни и борьбы военнопленных. Кстати, она служит одним из главных источников при изучении вопроса о сопротивлении военнопленных. Отдельной строкой следует выделить воспоминания бывшего пленного, а ныне писателя А.С. Васильева¹³. В 1989 г. они были опубликованы в ФРГ под названием «По возвращении в Штукенброк. Воспоминания русского военнопленного»¹⁴. Своеобразие его книги заключается в том, что 40 лет спустя после окончания войны он посетил те места, где был в плену. Лавина воспоминаний о прошлом, о злодеяниях фашистов и пережитом в плену переплетается с современностью, с острым взглядом писателя на Западную Германию 80-х гг., зримо показывая ее облик и нравственную атмосферу с позиций своего поколения. В книге много интересных факторов и наблюдений. Автор встречался со многими немцами, тепло отзывается об активистах кружка «Цветы для Штукенброка», о борьбе антифашистов того времени. Непринужденная и правдивая манера размышления и выводы автора придают воспоминаниям несомненную ценность. То же самое хочется сказать о мемуарах А. Асланова, бывшего офицера артиллерии. Тяжело раненный, он попал в плен под Сталинградом, а затем испытал на себе все тяготы и лишения фашистского плена в шталаге VI D Дортмунд¹⁵, находившемся в VI военном округе.

При написании книги были использованы немецкие архивные источники, в частности военного архива во Фрайбурге, а также частично документы Государственного архива Российской Федерации в Москве. В нем находятся документы трофейного архива шталага 326 (VI K), состоящие из нескольких десятков дел и насчитывающие 6 600 страниц. Бывшие военнопленные, работавшие в картотеке лагеря, в частности Д. Стариков, готовили материалы архива для того, чтобы после освобождения лагеря передать их советским органам и вывезти в Москву. В 1945 г. это было сделано. Архив этот, кстати, долгое время был закрыт от тех, благодаря кому он попал в соответствующие органы. В нем имеются не только показания, записи, воспоминания и сообщения бывших военнопленных, но и дела, связанные со строительством лагеря, рационом питания пленных, с приказами по комендатуре лагеря, протоколами

допросов пленных, их расстрелами, с материалами по учету военнопленных и их наказаний, и многими другими. Кстати, некоторые документы из указанного фонда были опубликованы в ФРГ историком Ф. Шокенхоффом. Он дал общую характеристику архивных источников и указал на некоторые новые моменты в истории шталага 326 (VI K), которые в трудах немецких историков недостаточно учитывались или неверно трактовались¹⁶. Нами внимательно изучены «Протоколы Штукенброк». Они служат дополнением к общему пониманию условий жизни и причин смерти военнопленных¹⁷. Эта небольшая книжка содержит не только выдержки из воспоминаний пленных, но и ряд фотографий, наглядно подтверждающих страшные злодеяния фашистов в отношении пленных. Аналогичный характер носит брошюра «50 лет спустя. Воспоминания о лагере военнопленных «Шталаг 326»¹⁸. Конечно, мы привлекли другие документы, в частности материалы Нюрнбергского процесса о военных преступлениях и мемуарную литературу по второй мировой войне. Нами учитывались также документальные публикации последних лет¹⁹. В этом плане огромное значение имеют материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Они дают возможность разобраться в причинах, технологии и результатах массовых репрессий в отношении бывших военнопленных, «окруженцев» и репатриантов не только в годы Отечественной войны, но и в послевоенный период, о попрании их гражданских прав²⁰. В этой связи хотелось напомнить, что киностудией «Центрнаучфильм» созданы документальные фильмы о шталаге 326 (VI K): «Цветы для Штукенброка» и «Две жизни доктора Алексеева». Его авторами являются бывшие узники лагеря Г.А. Хольный (режиссер) и А.С. Васильев (автор сценария). Сохранились подпольные рисунки лагерных художников, в частности А.С. Глинова, который пробыл в лагере с 1942 по 1945 г. Эти рисунки он делал, сильно рискуя собственной жизнью. Плен стал одной из главных тем белорусского художника М.А. Савицкого, создавшего потрясающую серию о героях за колючей проволокой. Савицкий сам прошел через лагерь 326 (VI K), увиденное и пережитое и послужило основой для его картин. И, последнее. В 1993 г. в Москве бывшие пленные шталага 326 создали общественную организацию - Ассоциацию бывших военнопленных «Штукенброк», со своим уставом и программой. Главной задачей Ассоциации было сохранение памяти о погибших военнопленных. Президентом Ассоциации был избран Г.А. Хольный, один из авторов этой книги. В ней мы также использовали его воспоминания, находящиеся в рукописном варианте. В них он рассказывает о тяжелой жизни пленного, о своих приключениях и побегах из плена. Судьба благоволила к нему: он все-таки остался жив, пройдя муки гитлеровского ада. По его собствен-

ному признанию, своей жизнью он обязан не только судьбе, но, может быть, главному - Сопротивлению. В 1996 г. преемником Ассоциации становится региональная общественная организация «Объединение бывших военнопленных». Свою основную задачу она видит в том, чтобы содействовать полной моральной и юридической реабилитации бывших военнопленных, увековечить память погибших в плену, оказывать всестороннюю помощь бывшим военнопленным.

Когда обсуждался проект данной книги, ее авторы пришли к мысли, что следует каким-то образом обязательно включить свидетельства самих участников плена, оставшихся в живых. На базе компьютерного банка анкетных данных на проживающих ныне в России «штукенбровцев» была разработана анкета, состоящая из более 30 вопросов. Они охватывали все стороны жизни красноармейцев, оказавшихся в плену. Анкета была разослана бывшим пленным лагеря 326, затем мы получили ответы на вопросы, они были тщательно обработаны и проанализированы. Показания и воспоминания бывших пленных, представляющие ценность и большой интерес, мы использовали при написании книги. Они объективно показывают всю трагичность судьбы советских военнопленных, страдания, выпавшие на их долю. Оказавшись в плену, они прошли через многие лагеря на оккупированной территории СССР, Польши и в самой Германии. Каждая анкета - это вся жизнь отдельного человека, связанная с прошлым и настоящим. Жизнь эта трагическая. Во всех анкетах чувствуется обида на прошлую и нынешнюю власть, которая несправедливо с ними обошлась и обходится.

Советские военнопленные. Лето 1941 г.

ГЛАВА I. «ЗАВОЕВАТЬ И УНИЧТОЖИТЬ»

Коммунист не был товарищем перед войной и не будет им после войны. Дело идет о войне на уничтожение.

А. Гитлер

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз. Эта агрессия означала явное нарушение всех договоров и международных прав. Речь шла о захватнической войне, о завоевании СССР в качестве «жизненного пространства» для Германии. Гитлер был решительно настроен разрушить советскую Россию. Уничтожение «еврейского большевизма» было краеугольным камнем в здании гитлеровской идеологии. Антибольшевизм был его самым глубоким эмоциональным убеждением. Гитлер целиком проникся идеей, что его главная миссия - ликвидировать марксизм и большевизм. Он рассматривал Россию как искусственное образование, которое не имеет какого-либо оправдания своего существования¹. По его мнению, «еврейский большевизм» полностью и до конца истребил германское ядро в высших слоях населения России. Но как «разрушительный фермент», евреи ослабили Россию, и это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства². Итак, Гитлер лично объявил войну «еврейско-большевистскому врагу». Соответственно нацистская пропаганда еще до войны с СССР формировала устрашающий образ «большевистского врага».

Война против СССР рассматривалась как «расово-идеологическая война на уничтожение», как решающая борьба двух идеологий и рас³. Исходя из этого, Гитлером была ясно сформулирована идея: «Нам не-

достаточно просто разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву и Кавказ, мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ»⁴. Большевизм объявлялся смертельным врагом национал-социалистической Германии. Это «расовая война» - не раз говорил Гитлер. Как видно, война против России была не просто войной, но ставилась задача решительного искоренения славян как низшей расы. Разработанный в Главном имперском управлении безопасности (РСХА) «Генеральный план ОСТ» предусматривал «окончательное решение» «славянского вопроса» в течение 30 лет после окончания войны и «германизацию» Востока вплоть до Урала, а может быть, и до Сибири⁵. «Славяне - рабы» - это было любимым выражением Г. Гимmlера. Их нужно использовать как рабов для немецкой культуры. Славяне должны были работать, работать и еще раз работать на немцев. Предполагалось уничтожить русских, поляков и полностью закрыть им доступ к образованию. Лишь немцы являлись господствующей расой. Эти преступные намерения в сущности поддерживались национально-консервативной элитой вермахта, промышленности и дипломатии. Кроме того, они опирались на широкое антикоммунистическое настроение немецкого населения. Гимmlер назвал войну против Советского Союза неизбежным результатом противоречий «между германским рейхом и недочеловеками». По его распоряжению была издана массовым тиражом брошюра «Унтерменш» («Недочеловек») - о русских. На ее обложке было изображено тупое и полуобезьянье лицо. «Недочеловек» в понимании национал-социалистов - это «страшная тварь ..., имеющая лишь черты лица, приближенные к человеку, а в духовном отношении стоящая ниже любого зверя. В душе этого существа царит ужасный хаос ..., инстинктивное желание уничтожения, примитивное вожделение, нескрываемая подлость». «Унтерменш» нацелен завоевать мир. «Недочеловек» - это также антисемитская брошюра, так как еврей изображался в ней в качестве главного руководителя недочеловеков. Русские всего-то являлись «инструментом в руках вечного жида». В брошюре их оскорбительно называли «грязными, скотскими ублюдками». «Унтерменш остается унтерменшем, еврей остается евреем». У. Черчилль и Ф. Рузвельт обзывались бранными словами. Они стоят за спиной Сталина, который является «унтерменшем № 1». Они союзники и товарищи по коалиции⁶. М. Борман заявлял, что у народов, населяющих Советский Союз, «недочеловеков», только одна альтернатива: «либо рабство, либо смерть». Расовая идеология нацизма, пренебрежение международных прав, война на уничтожение - все это создавало почву безграничного насилия.

16 июля 1941 г. на секретном совещании в ставке верховного главнокомандующего Гитлер так определил задачи национал-

социалистической оккупационной политики в России: «Основной принцип заключается в том, чтобы освоить огромный пирог, дабы мы, во-первых, могли им владеть, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать. Гигантское пространство, продолжал фюрер, естественно, нужно как можно скорее усмирить. Лучше всего этого можно достичь путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд на немца⁷. Как видно, речь шла о политике колонизации и физического уничтожения в отношении народов, проживавших на территории СССР. Только немцы, как раса господ, могли быть хозяевами жизни и смерти.

Следует отметить, что Гитлер потребовал от руководства вермахта отказаться от всех традиционных понятий о рыцарской войне и от общепринятых правил и обычаев ведения войны. Он предупреждал свое военное руководство, что война на Востоке будет вестись иначе и резко отличаться от войны на Западе. Война против России должна вестись с «неслыханной жестокостью». Итак, на Востоке жесткость и безжалостность объявлялись главными средствами обращения с противником. Жестокость рассматривалась как благо для будущего. Гитлер потребовал также не считать комиссаров и лиц, принадлежащих к ГПУ, солдатами и рассматривать их не как военнопленных, а как преступников, как «носителей большевистской идеологии» и самых опаснейших элементов фанатичного сопротивления, и потому немедленно убивать их, расстреливать на месте. Фюрер рекомендовал командирам пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания⁸. По существу, судьба советских военнопленных в нацистских лагерях была предreshена. С военнослужащих вермахта снимались все моральные ограничения, они освобождались от преследований за уголовные деяния в отношении советских пленных и гражданских лиц. Советские военнопленные рассматривались как большевики, и обращались с ними как с большевиками. Итак, красноармеец рассматривался как идеологический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма. Поэтому с самого начала к пленным относились с беспощадной строгостью. Большевистский солдат терял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г.⁹ Эта конвенция, как известно, предусматривала два важных момента: во-первых, об обращении с военнопленными и, во-вторых, об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Советский Союз не подписал эту конвенцию. Руководство гитлеровской Германии воспользовалось отказом Москвы подписать Женевскую конвенцию и не раз заявляло, что Германия не будет распространять на советских военнопленных международный правовой режим. Таким образом, это обстоятельство сыграло роковую роль в судьбе наших пленных, а внутренняя динамика войны на

уничтожение способствовала формированию менталитета жестокости у немецких солдат и офицеров. Руководство рейха и вермахта бесцеремонно попирало принципы международных прав человека.

Плен - это неволя, лишения и трагедия войны, но судьба советских военнопленных, как уже указывалось выше, была вдвойне трагичной. Имперский министр по делам оккупированных территорий, официальный ведущий нацистский идеолог А. Розенберг в письме В. Кейтелю от 28 февраля 1942 г. указывал, что судьба советских военнопленных в Германии является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 млн. военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными¹⁰. Поскольку по канонам национал-социалистической расовой идеологии они относились к представителям низшей расы, к славянским «недочеловекам», к «неарийцам», то их следовало уничтожать. А. Розенберг считал, что «русский человек должен быть выючным скотом при построении великой германской империи». Борман выражался более категорично: «Военнопленные - наши враги, их надо бить и расстреливать». Многие нацистские руководители заявляли: «Чем больше военнопленных умрет, тем лучше для нас». Подобные высказывания и отношение официальных лиц, выполнение «приказа о политических комиссарах», который называют документом нацистской расовой идеологии, «указания о поведении немецких войск в России», «распоряжение ОКВ о военной подсудности в районе операции "Барбаросса"» и других директив, тесное сотрудничество и координация действий ОКВ и Имперской службы безопасности в реализации этих директив, приказов, различных инструкций и распоряжений, все это представляло собой последовательную логическую систему принятия беспощадных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного искоренения любого активного и пассивного сопротивления. Немецкие солдаты в 1941 г. имели впечатление, что жизнь советских военнопленных или гражданских лиц стоит очень немного. Это было следствием не только пропаганды, которая представляла советский народ «недочеловеками». Такое впечатление усиливалось приказами Верховного командования вермахта. В. Кейтель в сентябре 1941 г. издал директиву о массовом уничтожении военнопленных. В каждом безоружном пленном солдаты вермахта видели жестокого противника, любое непослушание расценивалось как саботаж, любой разговор между пленными мог быть истолкован как начало заговора, любой шаг из колонны пленных означал попытку к бегству. В каждом случае солдаты могли применять огнестрельное оружие. Рекомендовалось в отношении советских военнопленных проявлять крайнюю бдительность, недоверие и большую осторожность¹¹. По сути дела, солдаты получали

приказы участвовать в «официальных» убийствах военнопленных. Преступная система национал-социализма порождала страшные преступления и их исполнителей. Вермахт, СС и СД, как показывают документы, действовали совместно, тесно сотрудничая между собой.

1941 - 1942 гг. представляли ужасную картину физического истребления советских военнопленных. Повсюду на оккупированной территории СССР создавались огромные лагеря: в России, Белоруссии, Прибалтике и на Украине. На всем протяжении фронта, от Балтики до Черного моря, обнаруживались трупы убитых советских военнопленных. Их находили у немцев в блиндажах, дерево-земляных точках, а также в многочисленных населенных пунктах. А сколько убитых остались лежать в канавах, на полях и обочинах дорог, в оврагах, в лесу, и сколько неизвестных захоронений - трудно сказать. Расстрелы, голод, истощение, многокилометровые пешие переходы, жажда и эпидемии: масштабность жертв поражает.

Гитлер еще до войны с СССР (12 мая 1941 г.) дал директиву расстреливать советских военнопленных, указав, что для этой цели будут созданы особые группы и за армией последует СД. В особенности подчеркивалось, что ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться. В тылу войск они передавались специальным командам (эйнзатцкомандам) полиции безопасности¹². Инструкция германского командования об обращении с советскими пленными под номером I/3058 содержала следующие наставления: «Против малейших признаков протеста, неповиновения и непослушания действовать энергично и беспощадно... В военнопленных, совершающих побег, стрелять без предупреждения и с твердым намерением попасть... Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, доказывает лишь слабость и не должна иметь места»¹³. Этого оказалось недостаточно, и изданный от имени Гитлера приказ Верховного командования германской армии от 14 января 1942 г. гласил (п. 2): «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному свое превосходство. Всякая задержка в применении оружия против пленного - опасна»¹⁴. Если кто-то пытался вести разговоры о «мягком отношении» к советским пленным, то это рассматривалось как распространение пораженческих настроений, и за разложение боеспособности виновные привлекались к судебной ответственности. Подвергаясь различным моральным унижениям, советские военнопленные были лишены права требовать, чтобы их судил суд. В ноябре 1943 г. Борман распорядился, чтобы гауляйтеры «сообщали ему

обо всех случаях слишком мягкого обращения с советскими военнопленными».

В свою очередь создание эйнзатцкоманд происходило по договоренности между начальником полиции безопасности, СД и ОКВ от 16 июля 1941 г. Команды поддерживали тесный контакт с каждым начальником лагеря и находящимся при нем офицером абвера. Задачей команд являлась политическая проверка всех заключенных лагеря, выделение из них и дальнейшая обработка: а) всех подозреваемых в политическом, уголовном и прочем отношении элементов; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий. Команды должны были стараться выискивать среди пленных лица кажущиеся надменными, причем все равно, коммунистов или нет, чтобы их использовать в качестве осведомителей внутри лагеря и, если допустимо, то и для службы в оккупированных областях.

Роковые последствия для советских военнопленных имел приказ № 8 начальника Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера СС Р. Гейдриха от 17 июля 1941 г., в котором речь шла об относительной чистке лагерей пленных, где содержались русские. Согласно этому приказу эйнзатцкоманды СД по согласованию с вермахтом проводили соответствующий отбор лиц (*Aussonderung*) в пересыльных лагерях и сборных пунктах для военнопленных. Они также должны были проводить экзекуции¹⁵. При этом указывалось, что экзекуции должны производиться не в самом лагере, а в непосредственной близости от него или концлагерях: они негласны и должны происходить по возможности незаметно. Каждую неделю начальник экзекуционной команды должен был давать короткий отчет по телеграфу или срочным письмом в адрес Главного управления имперской безопасности о проделанной работе. Специально подчеркивалось, что особой обязанностью начальника экзекуционной команды и его подчиненных является безупречное поведение на службе и вне ее, наилучшее взаимопонимание с начальником лагеря и тщательная работа по перепроверке пленных. При этом члены экзекуционных команд должны были постоянно осознавать особое значение поставленных перед ними задач. Руководителям этих команд было дано право решать, кого в соответствии с приказом следует рассматривать как человека, отравленного большевизмом, кого - нет. В результате отбора в шталагах в руки эйнзатцкоманд попадали десятки тысяч пленных. В первую очередь выявлялись все государственные и партийные функционеры, профессиональные революционеры, деятели Коминтерна, все крупные функционеры ВКП (б), бывшие политкомиссары Красной Армии, все евреи, азиаты, советская интеллигенция, установленные как подстрекатели и коммунистические фанатики. Наконец,

при отборе обращалось внимание на национальную принадлежность. Приказывалось азиатов отделять от солдат, имеющих европейский вид. А вообще-то Германии азиаты были не нужны, даже если они владели немецким языком. Следовало выделять офицеров как «особо вредоносных» и заблаговременно отделять их от рядовых. Проводилась политика разъединения военнопленных по группам национальностей, чтобы с некоторыми из них обращаться лучше и в то же время натравливать их друг на друга. Руководство лагерей всячески поддерживало национальную рознь и даже разжигало ее, чтобы не допустить прочного объединения военнопленных. Принцип «разделяй и властвуй» нашел широкое применение в политике эсэсовцев по отношению к узникам. Ведь не случайно некоторая часть пленных сотрудничала с руководством лагерей, участвуя во вспомогательной полиции (лагерной полиции) и особенно разжигая антирусские настроения. Появление приказа № 8 свидетельствовало о совершенствовании мероприятий по уничтожению противника по мотивам мировоззрения. Чтобы обосновать эти меры, распространялись слухи о том, что русские убивают на месте каждого немецкого солдата - члена НСДАП, особенно членов СС, а также, что политическим работникам Советской Армии приказано в случае, если они попадут в плен, сеять панику в лагерях для военнопленных и саботировать работу.

Приказ № 8 выполнялся быстро и эффективно. Вслед за ним последовал боевой приказ шефа гестапо Мюллера № 9 от 21 июля 1941 г., согласно которому, в лагеря для советских пленных, расположенные в отдельных районах территории Германии, в Восточной Пруссии и генерал-губернаторства Польши, откомандировывались «эйнзатцкоманды»¹⁶. Приказом № 9 была подготовлена почва для их акций в шталагах рейха. Он территориально расширял возможности проверок и отбора во вновь оборудованных «русских лагерях» в рейхе, так как туда прибывали первые транспорты с еще не проверенными пленными. Распоряжением Мюллера от 27 августа 1941 г. карательные отряды получали свободу действий во всех шталагах и во всех рабочих группах советских военнопленных¹⁷. И наконец, 12 сентября появилось новое распоряжение, в котором уточнялось понятие «интеллигент», рекомендовалось не истреблять их без разбора и констатировалось, что не всех военнопленных с высшим образованием следует рассматривать как «носителей коммунистических идей»¹⁸. Так была подготовлена база для массового уничтожения «нежелательных» элементов на территории рейха. С этих пор транспорты, в которых находились «нежелательные» и «подозреваемые» пленные, то есть политруки, комиссары, евреи, шли в концентрационные лагеря. Там их либо расстреливали, либо уничтожали при помощи газа

«циклон Б». Так, в 1941 г. расстреляно 43 офицера, а осенью 1941-го ядовитым газом было убито минимум 450 пленных из лагерей Фаллингбостеля и Оербке в концлагере Нойенгамме¹⁹. Страшным было то, что эксперимент газа «циклон Б» на советских военнопленных «подсказал» руководству СС, как и что сделать, какой газ и как его применить для предстоящего массового уничтожения евреев.

В концлагерь Освенцим специально в целях казни доставлялись комиссары и политруки. Их даже не брали на учет и умерщвляли непосредственно по прибытии в лагерь²⁰. Что касается шталага 326 (VI К), то, по высказыванию одного бывшего офицера абвера, в нем «отобрали» от 5 000 до 6 000 пленных и преимущественно отправили в концлагерь Бухенвальд. Там они были подвергнуты «особому обращению», то есть многие были убиты выстрелом в затылок²¹. Остальные, конечно, доставлялись на работу. Идентификация еврейских военнопленных происходила по прибытии транспорта в лагерь. Эсэсовцы тотчас отбирали людей с «еврейской внешностью». При этом каждый пленный должен был произнести 5 слов с буквой «Р» и пройти «еврейскую комиссию» со всеми замерами головы, проверкой глаз, ушей, члена и т.д. Этот отбор часто проходил произвольно, чтобы достичь заданного числа. В одном из барачных лагеря команда СС осуществляла пытки, чтобы узнать у пленных имена других «евреев» и прочих «подозрительных элементов»²². И все же в начальный период, как указывают Хюзер и Отто, со ссылкой на воспоминания коменданта концлагеря Бухенвальд Пистера, шталаг 326 был «главным поставщиком» пленных для убийства их выстрелом в затылок. Только до лета 1942 г. было убито более 1 000 советских военнопленных²³, хотя сами авторы считают, что еще остается выяснить вопрос об общем числе жертв, убитых выстрелом в затылок в концлагере Бухенвальд и «отобранных» в шталаге 326.

По свидетельству бывшего пленного В.С. Сильченко, в 1941 г. на советских военнопленных немецкие врачи проводили ужасные опыты. Они, например, ампутировали конечности без всякой на то необходимости²⁴. Однако после провала плана «Барбаросса» и концепции «блицкрига» в руководстве Германии возникла идея массового использования советских военнопленных в германской военной промышленности, где нехватка рабочей силы приняла угрожающий характер. Уже в ноябре 1941 г. последовали соответствующие приказы. В начале декабря Верховное командование вермахта предложило Имперской службе безопасности сократить «отборы», а специалистов с редкой профессией полностью исключить из мероприятий по «отбору». К такому выводу, конечно, привели не гуманные соображения, а внутривластный расчет немецкого руководства.

В этой связи хотелось бы высказать несогласие с утверждением историка В. Андреева о том, что «вряд ли есть основания утверждать, что германское командование сознательно проводило политику массового уничтожения пленных... Большинство мероприятий, осуществляемых немцами, сводилось к охране и предотвращению побегов. Эти меры, квалифицируемые обычно как «жестокое обращение», были вполне оправданными - нельзя было допустить на контролируемой германской администрацией территории бродяжничества значительного числа бежавших пленных»²⁵.

Более того, оказывается, по мнению автора, что не было и директивных документов, которые бы санкционировали уничтожение пленных. Подобные выводы и утверждения изначально неверны и искажают достоверные факты. Вообще-то, Андреев не оригинален и, по сути дела, обеляет вермахт. Он возрождает давно развенчанный миф о «чистом вермахте». Существуют многочисленные документы и работы историков ФРГ, которые показывают, что вермахт не был пассивным наблюдателем бесчинств, совершавшихся в оккупированных странах карательными органами третьего рейха, а являлся активным соучастником во всех преступлениях и даже в ряде случаев - инициатором и координатором. Командование вермахта разработало и ввело в действие серию приказов, преступный характер которых очевиден. Их содержание сводилось к «сознательному планированию убийств»²⁶. Генералы вермахта добровольно и без малейшего сопротивления подчинились правилам преступной войны. Военное командование полностью разделяло бесчеловечные планы Гитлера и активно участвовало в их реализации. Очень хотелось бы посоветовать В. Андрееву внимательно и критически прочитать опубликованные документы и познакомиться с весьма интересной, содержательной и фотодокументированной книгой о преступлениях вермахта в 1941 - 1944 гг.²⁷

ГЛАВА II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛАГЕРЯ, ЕГО ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ

В мае 1941 г. в деревню Штукенброк - Зенне прибыла группа немецких офицеров и солдат, разместилась на проживание у местных крестьян и священника. За время своего пребывания эта команда вермахта обнесла изгородью достаточно большую территорию размером 450 × 1 000 м на полигоне Зенне и установила там водяной насос. Жителей Зенне, конечно, не информировали о смысле и целях данного мероприятия. Только после нападения нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. им стало ясно, что эта обнесенная изгородью территория должна стать лагерем для русских военнопленных. Как видно, подготовка лагеря вермахтом, чтобы разместить здесь ожидаемых 50 тыс. пленных, ограничилась лишь установлением изгороди и водяного насоса. Бараки не были построены, на обозначенной территории не оказалось ни лагерьной кухни, ни водопровода, ни канализации, ни клозетов. Прибывшие в июле 1941 г. первые военнопленные увидели лишь поле, лес и пустошь. Только поздней осенью 1941 и зимой 1942 г. появились бараки, и лагерь стал приобретать ту внутреннюю структуру и организацию, которую мы увидим позднее.

Сразу отметим, что шталаги находились в ведении Верховного командования вермахта (ОКВ). В ОКВ имелся Отдел военнопленных, и он являлся частью Службы общего управления армии. Начальником Отдела был генерал Г. Рейнеке. Он составлял почти все важнейшие приказы по обращению с советскими военнопленными. В октябре 1944 г. Отдел по делам военнопленных был выведен из состава ОКВ и перепоручен рейхсфюреру СС Г. Гимmlеру. До конца войны во главе отдела стоял обергруппенфюрер СС Бергер. Шталаги имели для военной промышленности важнейшее значение, так как военнопленные привлекались на различные виды работ. Шталаги служили в качестве поставщика крайне необходимой рабочей силы и являлись базой всеобщей системы военнопленных. Любопытно, что первоначально лагеря в рейхе подготавлива-

.....
24

лись для приема всего лишь 790 тыс. военнопленных, и они не были
рассчитаны на миллионы пленных.

Вышка для охраны лагеря

Шталаг представлял собой довольно сложную внутреннюю командную и управленческую структуру, с его кадровым составом, в компетенцию которого входили общее управление шталагом и непосредственное общение с военнопленными и с земельным охранным батальоном, которому вменялась в обязанность охрана военнопленных. В конце войны охрану военнопленных взяли на себя почти исключительно члены «фольксштурма». Распоряжением от 1 сентября 1938 г. в шталаге предусматривалось на 10 000 военнопленных 131 человек персонала: 14 офицеров, 23 унтер-офицера, 61 человек рядового состава и 33 военных чиновника и служащих. Только в августе 1942 г. указанное распоряжение было изменено и приведено в соответствие с изменившимися условиями. После этого общая численность персонала шталага увеличилась до 314 человек. Дальнейшее его увеличение было возможно в том случае, если размещение превышало 30 000 военнопленных. Эти условия распространялись также на лагерь 326 (VI K).

Шталаг 326 (VI K) относился к VI военному округу, командование которого находилось в г. Мюнстере. Помимо него на территории этого округа существовали и другие крупные шталаги: VI A Хемер, VI B Нойе Ферзен, VI C Батхорн, VI D Дортмунд, VI F Бохольт, VI G Бонн-Дуйсдорф, VI H Арнольдсвайлер и VI J Фихтенхайн. С 1 декабря 1944 г. в VI военном округе осталось только шесть шталагов: VI A Хемер, VI B Дортмунд, VI F Мюнстер, VI G Бергнойштадт, VI J Дорстен и VI K (326) Зенне. В августе 1941 года в трех лагерях VI военного округа, включая шталаг 326, находилось 23 630 советских военнопленных. Кроме них имелись еще пять офицерских лагерей. Соответственно количеству лагерей в округе было создано 8 шталагов на оккупированной территории с обозначением трехзначных номеров арабскими цифрами: 306, 316, 326, 328, 336, 346, 356 и 358. Прифронтовые шталаги на востоке начинались с номера 300 и подчинялись Верховному командованию сухопутных войск. Позднее к шталагу 326 добавился знак VI K, указывающий на двойную функцию лагеря в немецкой системе военнопленных. Он служил не только как штаблагерь, но и как пересыльный лагерь (Durchgangslager - пересыльный, или временный, лагерь, дулаг). Такова была его центральная функция, и этим он принципиально отличался от других лагерей военнопленных в VI военном округе. Сроки пребывания в шталаге оказались самые разные, порой несколько дней. Римская цифра VI свидетельствовала о том, что лагерь находился в шестом военном округе и относился к штаблагерю «K». Большие буквы обозначали очередность расположения, например A, B, C, D и т.д. Из лагеря 326 (VI K) пленные, как правило, распределялись в другие лагеря данного военного округа, а также в концлагеря Германии. По воспоминаниям бывших

пленных, их отправляли на работу и в другие страны, оккупированные фашистской Германией. Происходило не только перебрасывание из лагеря в другие лагеря, но шталаг 326 сам пополнялся пленными из других военных округов и лагерей «своего» военного округа. Например, в середине февраля 1945 г., когда переброска пленных с востока на запад стала частым явлением, в шталаг прибыл транспорт из лагеря III С Кюстрин, в котором находилось 2 980 советских пленных. Только в августе 1944 г. с востока и из других военных округов рейха в шталаг 326 было направлено 14 400 советских военнопленных, а из VI военного округа - 1 650 человек¹. Лагерь 326, как уже упоминалось, располагался на территории земли Северный Рейн - Вестфалия, важнейшей и крупнейшей области рейха. Здесь находился центр промышленной области Рура. В военном округе VI имелось, пожалуй, больше всего шталагов и офлагов. Поскольку Рурская область имела огромный экономический и военный потенциал, вследствие этого она стала центральной областью использования труда военнопленных и насильственно угнанных рабочих.

Лагерь 326 (VI К) имел прямоугольный план и был разделен по оси лагерной улицы на две половины. Вблизи, юго-западнее от него, обособленно находился лагерь польских, французских, югославских, итальянских, бельгийских и голландских военнопленных. Структура лагеря состояла из следующих 4-х частей: немецкий лагерь, форлагерь, главный лагерь и палаточный лагерь (Zeltlager). Форлагерь имел большой больничный участок, ремесленные бараки: швейный цех, слесарную, сапожную и электроремонтную мастерскую, баню, прачечную, кухню, вещевой склад, дезинсекцию и тюрьму с одиночными камерами и темными холодными карцерами. К этому надо добавить бараки-общежития для так называемого «меньшинства». К ним относились, например, литовцы и украинцы, которые по действующему предписанию должны были размещаться отдельно от массы русских военнопленных². Таких барачков было шесть.

Настоящим «жизненным пространством» был главный лагерь. Окончательная его картина определилась лишь в 1944 г. На этой части лагеря располагался 51 барак и имелось еще 8 больших зданий. Каждые 3 барака были отделены от других дополнительной провололочной сеткой и создавали единый бокс. Всего было 18 боксов. Каждый бокс имел массивные двери, которые на ночь закрывались, а днем охранялись русскими и украинскими полицейскими. Боксы располагались параллельно: 9 - на одной стороне, 9 - на другой. Бокс № 16, например, считался штрафным, куда помещали в основном беглецов и тех, кто вступал в конфликт с полицией. В боксе № 3 немцы содержали советских офицеров, изолированных от остальных пленных. Это позволяло вести бо-

.....
более строгий контроль за командным составом. Из 18 боксов 15 планировались в качестве дулага, где пленные, находясь на карантине и восстановив трудоспособность, сортировались, регистрировались и их транспортировали дальше, в другие лагеря. Бокс № 9 считался «боксом СС», в котором проводили «отборы» среди советских военнопленных, подлежащих отправлению в концлагеря. В бараках было темно, сыро, а осенью и зимой холодно, так как они отапливались плохо. Весь лагерь, за исключением немецкого, был обнесен плотным двойным заграждением из колючей проволоки высотой в 3 метра. Кроме того, между рядами была набросана проволока в виде спирали и по всему периметру изгороди была натянута еще проволока в одну нитку. На каждом углу и в центре лагеря были установлены сторожевые вышки. Охранный батальон, несший службу, был вооружен тяжелыми пулеметами, направленными внутрь лагеря, на военнопленных. Охрана лагеря осуществлялась днем и ночью. Ночью лагерь освещался. Вокруг него патрулировали солдаты из караула, один солдат на 100 м³. По внешнему заграждению проходил электрический ток.

На участке немецкого лагеря располагались комендант, лагерное управление, бараки военного врача, службы безопасности, для рядового состава, продуктов питания, почтового надзора, хозяйственный блок, прачечная, караульное помещение, отдел по вопросам труда (лагерный арбайтсамт), который регулировал потребности в рабочей силе (рабская биржа труда), делал выбор требуемых профессий и распределял пленных по рабочим командам, письменная комната, или отдел учета, так называемая картотека, где регистрировались все военнопленные, хранились личные дела на всех прибывших в лагерь и покинувших его, столовая для офицерского и рядового состава. Персонал немецкого лагеря находился вне основного лагеря, обнесенного колючей проволокой. Всякий внеслужебный контакт с военнопленными был запрещен. Охрана лагеря и рабочих команд состояла из солдат старших возрастов (40 - 60 лет), входивших в так называемые охранные батальоны. Речь идет о солдатах, которые в силу своего возраста или состояния здоровья не могли быть призваны на фронт. Среди них были выздоравливавшие после ранения и уже негодные для строевой службы молодые солдаты. Состав комендатуры шталага, включая коменданта, был еще старше, туда входили участники первой мировой войны. В шталагах Германии свободная форма заменялась разнообразной военной одеждой из запасов первой мировой войны, выкрашенной в темно-синий или зеленый цвет. На ней были нанесены красной масляной краской большие буквы «SU».

Палаточный лагерь, незастроенная территория размером 400 × 100 м, находился рядом с главным лагерем и служил преимущественно для

размещения пленных, прошедших регистрацию, осмотр, дезинсекцию и направляемых на работу в промышленность, прежде всего в горную. Большие изменения в нем произошли между августом 1944 и мартом 1945 г. Здесь появились 10 бараков, которые по своему размеру значительно превосходили нормальные бараки. Они были построены для военнопленных, возвращавшихся с запада. Костяк лагеря составлял не более 1 000 - 1 200 человек, которые были нужны для функционирования всей системы лагеря. К их числу относились сапожники, портные, автомеханики, слесари, электрики, писари в картотеке, врачи, фельдшеры и санитары, а также группа музыкантов, певцов и танцоров, которые отбирались немцами из числа пленных. Эта группа ездила по другим лагерям и давала концерты. Музыканты, по мнению Д.Б. Старикова, исполняли одновременно функцию осведомителей. Они интересовались настроением и разговорами среди пленных⁴. Читая документы и воспоминания пленных, ловишь себя на мысли о том, сколько среди них было талантливых и способных людей. Многие пленные были мастерами своего дела, хорошими специалистами и организаторами, хорошо знали немецкий язык. Сколько молодых, подававших надежды людей унесла война и плен. Скольким они поломали судьбу и жизнь! Да, судьба в большинстве своем молодых людей, только начинавших сознательную жизнь, была беспримерно жестокой. Правда, молодость, жажда жизни, вера в победу, взаимоподдержка и стремление выжить помогли многим пережить плен, ведь военнопленным в основной массе в ту пору было 18 - 25 лет. Несомненно, проблема как выжить была главной для них. Проявлялись разные способы поведения, вплоть до предательства и измены.

ГЛАВА III.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Уже 10 июля 1941 г. в лагере появились первые военнопленные. Их насчитывалось более 7 000 человек. Они были привезены в вагонах для перевозки скота. В 5 км от лагеря находился небольшой вокзал Хефельхоф. Туда во время войны и приходили эшелоны с советскими военнопленными. До 30 июня прибыло 13 эшелонов. Затем пленных выгружали, строили в колонну и, охраняемые конвоирами, они медленно следовали в лагерь. Марш пешком от вокзала до лагеря для обессиленных, измученных голодом и жаждой пленных был настоящей пыткой. Этот путь тогда называли «дорогой смерти». Всего-то 5 километров, а пленным они казались бесконечными. За малейшее нарушение дисциплины они подвергались избиениям, иногда их убивали. За колонной шла повозка, которая подбирала тех, кто уже не мог более двигаться. Здесь уместно привести слова из лагерной песни:

*Увидишь ли ты дом родной свой,
Обнимешь ли ты любимую свою,
Или, забытый всеми на чужбине,
Окончишь жизнь бесславно ты в плену...*

В целом же путь страданий советских пленных от взятия в плен до шталагов в рейхе был необычайно труден. Многодневные, чаще недельные пешие марши, пребывание в дулагах, грубое обращение охранников, издевательства и расстрелы, недостаток пищи, воды, плохое размещение - все это приводило к истощению пленных, прежде чем они вообще пересекали границу рейха. Затем их везли несколько дней в холодных «телятниках» и в открытых переполненных вагонах по 60 - 70 человек. Во время пути давали всего 150 - 200 г хлеба, воду получали не каждый день. Раненым и травмированным не оказывалось медицинской помощи. Несомненно, это способствовало быстрому распространению эпидемии среди пленных, чаще всего сыпного тифа, дизентерии, холе-

ры. А. Васильев написал проникновенные стихи, что называется, на месте событий:

*Сегодня для них подвели эшелон.
Обыщут их, сунут в вагон,
И будет больных и страдающих стон
Размеренным стуком колес заглушен...*

*И думает пленный, прижавшись к стене
Вагона, склонившись устало,
Как будет он жить в незнакомой стране,
И холод от страха бежит по спине...*

К месту назначения пленные прибывали изможденные и истощенные от голода, больные, грязные, в обтрепанной и оборванной одежде. Это подтверждают многочисленные документы и фотографии. Зачастую транспортные поезда привозили военнопленных уже мертвыми, иногда их выносили по 10 человек из вагона¹. Особенно высока была смертность среди раненых и больных. Иные едва выходили из вагона и оставались лежать тут же, на железнодорожных путях. Мертвых зарывали, причем неглубоко. Только после сильного протеста соответствующих инстанций последовал приказ министра внутренних дел от 27 октября 1941 г., который обязывал управление общин немедленно хоронить трупы советских военнопленных². Вот как описывает момент встречи бывший пленный П.Т. Янковский, оказавшийся в лагере осенью 1942 г. На вокзале Хёфельхоф их встретили немецкие солдаты и русские лагерные полицейские в униформе. Пленные их считали предателями. После того как пленные вынесли из вагонов умерших и больных товарищей, их построили в колонну по 5 человек. Во главе ее оказался рыжий полицейский. Дальше произошло страшное. Умерших и больных пленных солдаты и полицейские побросали в повозку. Они стали бросать даже тех, кто не мог из-за физической слабости встать в колонну. Все оцепенели от увиденного, произошло всеобщее замешательство. Некоторые пленные начали истерически кричать. Рыжий полицейский приказал идти вперед, но колонна оставалась стоять на месте. Затем солдаты бросились на нее и стали хватать кричавших, чтобы закинуть их в автофургон. «Вперед, вперед!» - кричал рыжий полицейский. «Если вы не пойдете, то немецкая команда всех вас уничтожит как бунтарей». Солдаты прикладами винтовок начали толкать колонну вперед. После долгого пути пленные оказались на лагерной площади. Рыжий полицай вышел в центр площади и объявил, что с ними хочет говорить комендант лагеря.

Перед пленными появился офицер, с ним фельдфебель и переводчик. Офицер обратился к пленным и потребовал, чтобы вышли из строя коммунисты и евреи, но из колонны никто не вышел. Немец сделал паузу, затем обошел колонну, посмотрел в лица пленных и вернулся на свое место. Он вновь потребовал выйти коммунистов и евреев. Но опять никто не вышел³, Сцена, описанная Янковским, была типичной для других лагерей.

В воспоминаниях очевидцев, живших рядом с лагерем 326, констатируется следующее: «Русские шли от вокзала Хёфельхоф пешком. Они были острижены наголо, глаза из-за голода впалые. Многих охранники били прикладами винтовок, толкали в уличные канавы и траншеи, пока они еще были живыми»⁴. Сохранилась фотография того времени: в дорожной канаве - труп военнопленного с поднятой как бы для проклятия рукой. Первые военнопленные, прибывшие в лагерь в июле 1941 г., размещались под открытым небом, на голой земле. Они оказались незащищенными от непогоды: ветра, дождей и холода. У большинства военнопленных не было даже шинелей. Днем еще можно было как-то терпеть плохую погоду, а ночью замерзали от частых дождей и холода. За исключением двух-трех барачных, где находилось лагерное руководство, лагерь не был готов для приема пленным. Даже отхожих мест (уборных) было всего лишь несколько, которые не отвечали элементарным требованиям. Только в 1942 - 1943 гг. было оборудовано десять больших выгребных ям. Пленные жили в норах, пещерах, землянках, шалашах. Сооружение таких нор заканчивалось для многих трагически, так как ночью во время сна песок обваливался на несчастных, и они оказывались погребенными. Спали на голой, холодной и сырой земле. Молодой сосновый лес, находившийся на территории лагеря, пишет бывший военнопленный В.И. Шиманский, был немедленно использован как строительный материал для строительства землянок на два или три человека. Вскоре от соснового леса не осталось и следа. На всех сосняка не хватило, и тогда многие пленные начали рыть подходящие пещеры, чтобы хоть немного защитить себя от дождя⁵. По мнению самих военнопленных, тех, кто остался в живых, в первые месяцы плена преобладало гнетущее, шоковое состояние, тоска, апатия, какая-то безысходность. Затем, по мере общения друг с другом и закалки суровыми испытаниями лагерной жизни, к пленным постепенно пришло осознание и понимание своей безвинности в том, что произошло и что основная масса военнопленных имеет человеческое право на жизнь.

Землянки советских военнопленных.

Палатки для пленных. Осень 1941 г.

Регистрация военнопленных производилась путем заполнения индивидуальных карточек на немецком языке в специально отгороженных блоках форлагеря. Карточки заполняли несколько военнопленных-писарей из рабочей команды «картотека». На советских военнопленных в шталагах рейха заполнялась только карточка № 1. Она содержала все личные данные, включая фотографию, отпечатки пальцев и наказания во время плена. На обороте карточки ставился штамп с указанием первой, второй или третьей группы. Кроме того, согласно приказу ОКВ от 2 июля 1941 г., советские военнопленные, оказавшиеся на территории рейха, должны были сами заполнить небольшую карточку зеленого цвета утвержденного образца. При переводе в другой лагерь заполнение этой карточки повторялось на новом месте. После заполнения карточек пленные получали жетон, на котором были обозначены номер и шталаг. В конкретном случае речь шла сначала об отметке шталага 326, а затем 326 (VI K). Каждый пленный имел свой порядковый номер и был обязательно зарегистрирован. Жетон и карточка № 1 сопровождали военнопленного при всех перемещениях. После регистрации пленные проходили в другой отгороженный сектор форлагеря и таким образом были отделены от еще не зарегистрированных. Нумерация в каждом лагере начиналась с цифры 1. Лагерное руководство владело полной и точной информацией о военнопленных. В первые же дни пребывания в лагере выявились трудности при учете пленных из-за кириллицы. Это приводило к ошибкам при заполнении и неправильному написанию букв. Переводчики старались устранить ошибки, тем не менее военнопленные быстро уловили и использовали слабости системы учета в своих целях. Это особенно было использовано теми, кто хорошо знал немецкий язык и трудился в отделе «картотеки». При случае они могли внести фальшивую запись, чтобы помочь своим товарищам, облегчить их страдания и избежать преследования. Пожалуй, самым известным в отделе картотеки позднее стал Д.Б. Стариков - лейтенант Красной Армии, попавший в плен при выходе из окружения в мае 1942 г. В шталаг 326 (VI K) он прибыл с большой группой военнопленных в конце 1942 г. и оставался там до самого освобождения.

По номерам жетонов в шталаге 326 (VI K) было зарегистрировано 200 000 военнопленных. Все исследователи считают, что эта цифра сильно занижена. Историк В. Бейне назвал в свое время другую цифру - 2 млн. советских военнопленных, и с тех пор она повторяется во всех работах. Однако считается, что эта цифра слишком завышена. Последние данные, подтвержденные архивными документами, показывают иную картину. На 1 марта 1945 г. было зарегистрировано около 308 000

советских военнопленных⁶. Однако окончательное число до сих пор неизвестно.

В суровых условиях первые пленные должны были строить шталаг 326. Лагерное начальство старалось дать пленным простой строительный материал и примитивный инструмент для строительства шалашей. Но и этого не хватало. Начальство восхищалось ловкостью, мастерством и сноровкой пленных, которым приходилось рыть песчаную почву под жилье ложками, крышками кухонной посуды и другими металлическими изделиями, и даже голыми руками. Найденный кусок проволоки искусно превращался в пилу, благодаря чему пленным удавалось спиливать и толстые деревья. Даже корни не оставалось в земле. Лагерное руководство, пытаясь хоть немного облегчить участь пленных, дополнительно выделяло им палатки. Их поставляли готовыми конструкциями на вокзал Хёфельхоф, откуда пленные частями на себе доставляли в лагерь. Это была тяжелейшая работа. Сразу отметим, что только в 1942 г. военнопленными была построена узкоколейная железная дорога, связывающая вокзал Хёфельхоф и лагерь. Но она служила прежде всего для подвозки снабжения и только в исключительных случаях использовалась для транспортировки тяжелобольных пленных.

Так, на протяжении многих месяцев в шталаге рядом находились норы, землянки, палатки и бараки. С «переездом» в бараки пленные, что называется, получили крышу над головой, но в целом их положение улучшилось ненамного. Каждый барак внутри был разделен перегородками на три отделения и рассчитан на 140 пленных, а размещали по 400 - 500 - 600 человек. Крыши протекали. Постельные принадлежности не выдавались и пленные спали на жестких деревянных нарах в 2 и 3 яруса или на земляном полу⁷. В качестве подстилки служила солома. Такие условия размещения пленных решающим образом влияли на их смертность. Например, зимой, при очень холодной погоде, нередко происходили смертные случаи, пленные замерзали в бараках. На сутки на маленькую печку-буржуйку выделяли по два брикета угля, да и то не всегда. Кстати, бараки за все время существования лагеря не ремонтировались. По утверждению Хюзера и Отто, для советских военнопленных в шталаге 326 специально конструировались массивные бараки с размещением в них 840 или 1 200 человек в каждом⁸. Уборных в бараках не было. Плохо было и с водой. Правда, в каждом боксе поставили ручные помпы, но вода бралась из поверхностного слоя, она была мутная, с неприятным запахом и вкусом. Пить ее было опасно, она вызывала кишечные заболевания, но другой воды для пленных не было, хотя рядом за проволокой, в немецком лагере, был водопровод. Переход из одного бокса в другой по обоюдному согласию был возможен. Но сде-

.....

лать это было весьма трудно, так как нужно было согласие лагерного полицая, либо суметь отвлечь его каким-то образом, что не всегда удавалось. За неудачные перебежки из бокса в бокс военнопленные расплачивались побоями.

Необходимо отметить, что пленные, работавшие в окрестностях лагеря, возвращались в шталаг только переночевать, в то время как большинство размещалось в маленьких «рабочих лагерях» по месту работы. В шталаге постоянно находилось не более 2 000 пленных, одни из них лежали больными в санчасти, другие работали внутри лагеря. Настоящая теснота установилась с лета 1942 г., когда в шталаг 326 (VI К) стали поступать эшелоны с пленными. Временно в нем насчитывалось более 20 000 человек. Лагерное руководство размещало их либо на свободные места в бараках, либо в палатках. В таких же условиях содержались советские офицеры. Пленные офицеры получали такой же продуктовый рацион, как и солдаты, ходили в лохмотьях, подвергались издевательствам, их также привлекали на тяжелые физические работы. В некоторых боксах жили даже командиры, которые скрывали свое воинское звание и считались простыми солдатами. С первого дня плена они вели патриотическую работу. Большинство из них прошли 9-й бокс СС и были отправлены в лагерную тюрьму или концлагерь Бухенвальд⁹. По утверждению бывшего военнопленного И.Я. Жолобова, абвер обычно имел в каждом боксе своего осведомителя, который сообщал необходимые сведения, а также подслушивал разговоры пленных, осуждающие немцев. В 9 боксе СС был свой садист из числа пленных, Жорка-блондин. По его вине было загублено много жизней. Режим в этом боксе был более жестким, питание еще скуднее, а смертность в несколько раз выше, чем в общих боксах.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление и напомнить, что уже в конце июля 1941 г. в шталаге насчитывалось около 12 000 русских пленных¹⁰. К середине октября того же года, по сообщению командования VI военного округа, туда прибыло 48 000 военнопленных¹¹. В шталаге VI в Нойе Ферзен и VI С Батхорн на 1 сентября 1941 г. находился 22 641 пленный¹². Вскоре число отправленных из шталага 326 превзошло число прибывающих красноармейцев. С каждым разом сокращалось число поездов с пленными. С ноября 1941 до начала марта 1942 г. наблюдалась пауза. Самая низкая точка падает на 1 мая 1942 г. Число советских военнопленных составило 1 181 человек¹³. Из сказанного видно, что число размещенных из месяца в месяц сильно колебалось. Причины такого колебания коренились в отборе СС определенной части пленных для уничтожения, в массовой смертности, а оставшихся в живых распределяли в другие лагеря. Кроме того, провал «блицкрига» и

поражение германской армии под Москвой в начале декабря 1941 г. приостановили завоз пленных в военный округ. К тому же в этот период лагерь из-за эпидемии сыпного тифа находился на карантине.

Только с мая 1942 г. в шталаг стали снова поступать транспортные поезда с пленными. С июня по август число пленных увеличилось с 3 000 до 21 000. Такой резкий скачок объясняется большим успехом немецких войск на восточном фронте. Одновременно руководство вермахта заботилось о том, чтобы ввозить военнопленных в области рейха ввиду высокой потребности в рабочей силе намного быстрее, чем в 1941 г. Самая высокая цифра приходится на 1 сентября 1944 г. - 31 638 человек. До конца января 1945 г. число пленных колебалось между 26 982 и 24 327¹⁴. В неделю лагерь принимал по меньшей мере по два эшелона. При этом число пленных на состав поезда увеличилось с 1 тыс. человек осенью 1941 г. до 2,5 тыс. в конце 1942-го¹⁵. С ноября 1942 г. шталаг 326 (VI К) стал исполнять функции центрального премного лагеря для советских военнопленных, которые должны были трудиться в Рурской горной промышленности. Таким образом, шталаг дополнительно приобрел характер пересыльного лагеря. Из него пленные отправлялись в другие лагеря, чаще в шталаг VI А Хемер. Например, только за период с 20 сентября по 1 октября 1942 г. в Рурскую горную промышленность прибыло 9 эшелонов с общим количеством 22 000 советских пленных¹⁶. Мужчин, способных к работе в горной промышленности, регистрировали, отправляли на дезинсекцию и медицинское обследование, а затем распределяли на рудники и шахты. В конце мая 1943 г. в Рурскую область было отправлено 10 000 пленных. В начале июня того же года в шталаг 326 в рамках так называемой акции горной промышленности поступило 13 939 советских пленных, большинство из них находилось в страшном состоянии. Зимой 1942/43 г. началась эвакуация нетрудоспособных военнопленных из Рурской области, которые в шталаге 326, что называется, набирались сил, а затем их отправляли на работу. Правда, большинство из них умерли. Итак, через шталаг 326 были переправлены сотни тысяч русских пленных. В августе 1944 г. в шталаг стали прибывать первые транспорты с военнопленными из ликвидированных лагерей на востоке.

Пожалуй, самым страшным и самым тяжелым испытанием для военнопленных был голод. На всем протяжении войны голод преследовал их. Его пик падает на зиму 1941/42 г. и на весну 1945-го. Жизнь впроголодь была самым непереносимым чувством, доставляя огромные физические и физиологические страдания. Муки голода, пишет А.С. Васильев, ни с чем не сравнимы. Терзаясь ими, понимаешь, что человек ради куска хлеба готов пойти на бунт, на казнь¹⁷. В плену

А.С. Васильевым были написаны проникновенные стихи про шталаг 326: «Здесь горы прокляты, здесь доли прокляты людьми и солнцем...». Голод разъединял людей, делая их подозрительными и жадными, лишал порой остатков человечности. Людоедство было не редкостью среди пленных. Люди убивали друг друга, поедали умерших. Голод был одной из причин побегов и воровства. Он заставлял пленных воровать, хотя это было связано с большим риском, и совершать побеги, несмотря на строжайшую охрану. Голод, постоянные мысли о еде делали воровство неизбежным и повсеместным. Воровали все - иначе не выжить. Голод был причиной высокой смертности пленных. По мнению бывших пленных шталага 326, недостаток питания был одним из элементов физического уничтожения советских пленных¹⁸. Холод, голод и плохое питание приводили к эпидемии дизентерии. Люди умирали как мухи. И это могло случиться с каждым в следующую минуту, час, день, неделю¹⁹. Один из главных и сознательных методов уничтожения пленных, пишет В. Шиманский, был ежедневный голодный рацион, приводивший организм к истощению и смерти через нарушение пищеварения или дизентерию²⁰.

Питание для советских пленных было установлено ниже необходимого минимума и хуже, чем для пленных других стран. Нормы питания для советских военнопленных были занижены на 40 - 60%. Французские, английские, американские военнопленные питались лучше, и с ними обращались значительно лучше. Это подтверждают пленные в своих воспоминаниях. Французы и англичане, в отличие от русских, получали посылки Красного Креста, к тому же их кормили по более высокой «расовой норме». В августе 1941 г. распоряжением Верховного командования вермахта устанавливается для советских пленных единый рационный порядок. Работающий пленный должен был получать только 2 200 калорий в день, неработающий - 2 040 калорий. Согласно этому распоряжению, на 28 дней каждому из них полагалось 6 кг хлеба, 400 г мяса, 440 г жиров и 600 г сахара. В хлебе могло быть только 50% муки, остальное - разные добавки, лишённые какой-либо калорийности. Мясо - только конское, а жиры - искусственные. Даже если бы его не обкрадывали, советский военнопленный получал бы ежедневно всего лишь 515 калорий.

В октябре 1941 г. рацион был уже снижен. Прежде всего это касалось неработающих пленных, тех, кто был уже слаб. Они получали менее 1 500 калорий в день, то есть на 2/3 меньше абсолютного минимума существования²¹. Причем питание напрямую связывалось с трудовыми показателями. На совещании в министерстве снабжения 24 ноября 1941 г., где обсуждался вопрос о снабжении русских военнопленных, отмеча-

лось, что попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев²². При этом руководство нацисткой Германии не раз заявляло, что питание советских военнопленных ни в коем случае не должно отразиться на понижении рациона немецких войск и немецкого населения. Пленные, чтобы остаться в живых, прибегали к «стратегии выживания», требующей а) без разбора брать все, что может утолить голод или жажду; б) строго и солидарно распределять лагерную еду; в) кражи съедобного; г) добровольной помощи продуктами через третьих лиц; д) меновой торговли; е) интенсивного труда²³. Советские военнопленные вырезали из дерева или изготавливали из соломы различные изделия и предметы и обменивали их у охранников или мирного населения на хлеб и табак.

По воспоминаниям бывших пленных шталага 326 складывается довольно однозначная картина. Питание было очень скудным, а пища малокалорийная. 150 - 200 г эрзац-хлеба, который был съедобен. Он был испечен из сухих обрезков сахарной свеклы с примесью древесной муки. С отвращением вспоминают пленные об эрзац-кофе и о печально знаменитой баланде - водянистой похлебке (бурда), которую невозможно было есть. К тому же она невыносимо воняла. Как пишет Янковский, пленные вынуждены были ее есть, чтобы не стать животными²⁴. Бланду приготавливали из неочищенной полугнилой картошки, кормовой свеклы или только из брюквы. Иногда брюкву перемешивали с капустой или морковью. При этом брюква и картофель были вымыты плохо, резали их топором в корыте, как для скота, и поэтому в баланде всегда было много мусора, соломы и земли. По воспоминаниям В.А. Токарского, оказавшегося в шталаге уже в июле 1941 г., то есть в числе первых военнопленных, этот суп (бурда) приносили в больших бочках, каждая емкостью 20 литров на 20 человек. Но его всегда недоливали, поэтому пленным доставалось не более 0,7 литра. Ежедневный рацион, по утверждению В.С. Сильченко, составлял 800 - 850 калорий. Это была треть нормы, которая была необходима для сохранения человеческой жизни. При этом пленные работали с раннего утра до позднего вечера²⁵. По воспоминаниям С.М. Куш, он попал в шталаг в декабре 1943 г. и сразу был отправлен в режир. Влачил, как и другие, голодное существование, при росте 180 см, весил 47 кг, дистрофик. Летом 1941 г. в лагере не хватало полевых кухонь, чтобы готовить для массы пленных убогий рацион. Они сами были вынуждены заботиться о горячей еде. Первые пленные, чтобы не умереть с голоду, ели кору деревьев, листву и траву. Столовая посуда и приборы для советских военнопленных не преду-

смастривались, так что они становились ценнейшей собственностью, потеря которых влекла к смертельному исходу. Ложки, ножи пленные делали сами и носили всегда с собой в нагрудном кармане гимнастерки. Каски они переделывали в кастрюли. Нужда заставляла их приспособляться и пользоваться примитивными средствами. Прошел месяц пребывания в лагере, вспоминает В.И. Шиманский, пленным кормили два раза в день: баландой и эрзац-кофе. Рацион хлеба оставался тот же, но его качество было еще хуже. Иногда к хлебу давали 1 г маргарина и одну-две чайные ложки мармелада. Далее он пишет, что немцы не давали пленным продуктов в нужном количестве. Они проявляли злорадство и издевательство над каждым новым умершим²⁶. Тем не менее лагерное руководство пыталось помочь пленным, которым угрожала смерть от голода, дать им побольше калорий, особенно витамина «Б». Он широко применялся. В порядке дополнения к рациону пленные собирали съедобные дикорастущие растения (крапиву, щавель), к которым иногда добавлялись свежие овощи, чтобы таким образом компенсировать недостаток витаминов²⁷.

Любопытный эпизод из жизни пленным в лазарете Штаумюле описывает М.А. Кришнов. Больные пленные установили контакт с немецким санитаром ефрейтором Ф. Круппом. Он был корыстолюбивым человеком. Пленные использовали эту его черту характера. Для подкупа Круппа ему передавали часть немецких денег, заработанных пленными на шахтах, часть шла на приобретение продовольствия, часть - на подкуп караульного. Крупп проносил продовольствие через охрану. Он, конечно, рисковал своей жизнью. Ему удалось установить личный контакт с караульным и руководителем кухни, который тоже продавал пленным консервированную брюкву, эрзац-хлеб, иногда табак и баланду. Эти продукты делились между больными пленными, которых лечили в лазарете Штаумюле. Время от времени лазарет посещали высокопоставленные комиссии из Берлина, генералы со свитой. Они интересовались условиями жизни лагерных заключенных. Им стремились показать истощенных пленным. Однако после отъезда комиссии все оставалось по-старому, а с продовольствием становилось даже хуже²⁸.

Под Новый год военнопленные пели такую песню. Ее отрывок приводит в письме А.С. Лигунов, пробывший в шталаге с июня 1942 по февраль 1945 г. и работавший в ревире:

*Новый год, порядки новые
 Колючей проволокой наш лагерь окружен.
 Со всех сторон суровы лица смотрят
 И смерть голодная с надеждой стережет.*

*Мы будем пить вино кипучее
 За очи карие, за то, чтоб жить,
 За то, чтоб жизнь еще не кончилась
 И молодыми не пришлось нам умирать.*

Умерли от голода.

Массовое захоронение.

ГЛАВА IV.

ОТНОШЕНИЕ ЛАГЕРНОГО ПЕРСОНАЛА И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ К СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ

Многочисленные документы свидетельствуют, что советские военнопленные были жертвой расистской идеологии. Официальная пропаганда, как указывалось выше, убеждала немцев в расовой неполноценности русских пленных, внушала мысль об уничтожении «славянского недочеловечества», призывала к грубому обхождению с пленными, населению навязывалось антибольшевистское, антиславянское и антисемитское настроение. Она предупреждала немецких женщин от прямых контактов с русскими. Местные газеты писали о них самое плохое: обвиняли их в распущенности, неряшливости, в варварстве. Они рекомендовали смотреть на пленных как на «зверей в зоопарке», «чудовищ» и «извергов», как на заклятых врагов. Опасность идет с востока. Советский солдат - существо низшего порядка, он ближе стоит к животному, чем к человеку. Такая пропаганда несомненно способствовала безжалостному обращению с пленными и вела к произволу в отношении их.

Как уже говорилось, что с самого начала каждый советский пленный рассматривался как «носитель большевизма». Большевистский солдат считался весьма опасным, коварным и вероломным. Каждый немецкий солдат имел право проводить резкую грань между собой и советским военнопленным. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны русских пленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

В памятке об охране советских военнопленных содержались такие требования: 1) безжалостно применять оружие в случае сопротивления, по убегающим немедленно стрелять; 2) всякие разговоры с пленными строго запрещаются, в том числе во время передвижения к месту и с

.....

места работы; 3) пленным строго запрещается курить; 4) строго препятствовать всяким разговорам пленным с гражданскими лицами; 5) применение оружия против советских военнопленных, как правило, считалось «правомерным» и освобождало караульных от всякой обязанности разбираться в этом¹. Советские военнопленные подвергались разностороннему контролю и охране. По сути дела, их жизнь была поставлена вне закона.

Все пленные, прошедшие через шталаг 326, пишут в своих воспоминаниях о жестоком обращении, об издевательствах над ними и о враждебном отношении немцев. Этот лагерь приобрел печальную славу своей неблагоустроенностью, дикими порядками в обращении с военнопленными, зверством лагерной полиции, ее всевластием в блоках. В лагере господствовал особый режим, способствовавший быстрому уничтожению советских пленным. Чаще всего по отношению к ним применялись кнут, плеть, палка, дубина, «строевая» муштра, подвешивание к «столбу». Бывший пленный В.М. Ашаров оказался в шталаге весной 1943 г. В плен попал при защите Севастополя и как офицер прошел через многие концлагеря. Он испытывал страшные издевательства, мучения и несправедливость, пережил много гнусных преступлений, но лагерь 326, по утверждению Ашарова, остался в его воспоминаниях особенно жестоким. Его отличительная черта: полное бесправие советских пленным, невыносимые условия, голод, холод, унижения плохие санитарные условия и расстрелы. Эсэсовцы, продолжает автор, охотились на пленным и, если хотели, кнутом или палкой выгоняли на построение. При этом до смерти забивали тех пленным, которые не успевали достаточно быстро стать в строй перед блоком². Действительно, немецкая охрана в свободное время с удовольствием занималась так называемыми «играми в дикого кабана», немецкие солдаты стреляли по людям. В книге умерших отмечали: «убит при попытке к бегству»³. Их хоронили свои товарищи.

Особенно в начальный период в шталаге происходили жестокие и страшные эксцессы. Во время строительства лагеря караульные безжалостно относились к пленным, стреляя без всякого повода - для устрашения, сажали на острый кол, били их кулаками, кнутом, винтовочными прикладами, палками и резиновой дубинкой, зачастую до смерти, а в свидетельстве снова отмечалось «убит при попытке к бегству». Заставляли пленным ползать по грязи по-пластунски, копать яму, засыпать ее и снова копать. По общему мнению пленным, немцы, по-видимому, придавали битью особо важное значение. В книге К. Хюзера и Р. Отто приводятся свидетельства евангельского пастора Бангена о том, как немецкие охранники били русских кнутом, а затем вечером некоторые из них

хвастались, как много убили пленных⁴. Кстати, Банген осуждал отношение к русским солдатам как «недочеловекам». Недаром пленные заявляли, что лагерь 326 построен на их костях. Каждый кирпич, каждый барак, каждый метр изгороди из колючей проволоки полит русской кровью⁵. Многие пленные погибали, бросившись на колючую проволоку, по которой проходил электрический ток. Караульные хладнокровно их пропускали. Они беспричинно могли открыть огонь с вышек, убивая пленных. Когда транспорт с пленными прибывал на вокзал, многих выносили уже мертвыми. Караульные обычно говорили: «Из этих должны делать жидкое мыло»⁶. Абсолютное равнодушие проявляла охрана к пленным, умирающим от голода, болезней, истощения, или к их убийству. Как пишет В.С. Сильченко, убийство не влекло за собой ответственности и наказания, наоборот, скорее побуждало к дальнейшим злодеяниям⁷. Самым большим наказанием для пленных было петь «Катюшу» перед каким-нибудь приемом пищи.

*Я вдоль стенки иду, я за стенку держусь,
Я вот-вот упаду, и прощай, моя Русь.
Не пойду я в барак, лучше тут упаду,
Твердый делаю шаг у врагов на виду.*

Военнопленные имели право на существование до тех пор, пока они могли работать. Как только теряли работоспособность, немецкие врачи отправляли их в специальные лагеря «ДУ», где паек резко сокращался и пленные быстро погибали. Вот почему эти буквы «ДУ» военнопленные расшифровывали как «Дом умирающих». Из шталага 326 (VI K) нетрудоспособных военнопленных отправляли в Витмарш, лагерь, расположенный на границе с Голландией. Там умиравшие люди лежали на улице и в бараках. Кто мог еще ходить, бродили по лагерю в поисках отбросов и очисток.

Любое возникшее волнение, беспорядок или неповиновение жестоко подавлялось в зародыше. Для поддержания дисциплины провинившихся пленных содержали в карцере. «Совсем нормальным явлением» считалась часами длившаяся переключка на апельплацу как особая нечеловеческая форма пыток. При любой погоде пленные стояли по 3 - 4 часа, часто полураздетые. Кто падал, того страшно были. После такой «переключки» на апельплацу оставались лежать 10 - 15 пленных⁸. Для расправы с пленными охрана использовала злых сторожевых собак. И.В. Мамонтов, бывший офицер, пробывший несколько месяцев в лагере, рассказывает, как эсэсовцы натравливали на них собак. Все были слабые и исхудавшие. Сам Мамонтов весил только 45 кг. Когда собака

бросалась на пленного, он тотчас же падал на землю, и затем собака его раздирала. Таких случаев было очень много. Он сам был тому свидетелем⁹. Даже с теми, кто добровольно переходил на сторону немцев и сдавался в плен, имея специальное удостоверение немецкого командования (Passierschein - пассиршайн), офицеры и солдаты тоже обращались жестоко. Это ярко показано в воспоминаниях П.Т. Янковского¹⁰. А ведь всем, кто добровольно сдавался в плен, немецкое командование гарантировало жизнь, обещало хорошее обращение и достаточное питание. Небезынтересный случай рассказывает бывший пленный И.П. Аникеев. Он пробыл в лагере 326 с августа 1941 по сентябрь 1944 г., и за это время ему пришлось работать в бане, парикмахером, в душевой, проводил работу по дезинсекции и дезинфекции (чистил камеры). Аникеев неплохо рисовал и оставил памятные рисунки о лагере, несмотря на то, что офицеры СС запрещали пленным рисовать, отбирали у них рисунки, фото, карандаши и бумагу. Так вот, рассказывает он, в 1942 г. к ним в баню был послан разжалованный офицер по имени Франц. Вскоре мы узнали, что он не любил русских перебежчиков. К этому времени среди пленных, прибывших в лагерь, многие имели «пропуск» (пассиршайн). Такой пропуск, или удостоверение, командование вермахта выдавало солдатам Красной Армии, добровольно перешедшим на сторону немцев. Мы, продолжает Аникеев, отправили их к Францу, который мог бы предоставить им льготу; он отобрал пропуска, разорвал их перед глазами перебежчиков и в придачу дал еще пару ударов кнутом¹¹.

Одним из инструментов уничтожения пленных было наличие штрафной команды СС. От одной мысли попасть в бараки этой команды пленные испытывали жуткий страх. Прямой путь из них, как правило, был на кладбище или в концлагерь¹². В бараках людей не просто убивали, а была выдумана изощренная система ежедневных пыток и издевательств. Характерный случай рассказывает бывший пленный Ю.А. Сапурев, оказавшийся в лагере в феврале 1943 г. Один эсэсовский офицер имел привычку организовывать боксерские бои между пленными. Он говорил: «Ты и ты, надевайте боксерские перчатки и начинайте бой, бейте друг друга морды». Слабые и исхудалые, мы не могли боксировать. Кроме того, среди нас не было боксеров. Вся игра заканчивалась тем, что этот эсэсовский офицер надевал боксерские перчатки и бил пленных по всем правилам боксерского искусства¹³. По утверждению бывшего пленного Кондрашова Б.И., в 9-м боксе практиковались маршировка пленных с пением советских песен, которое разносились на весь шталаг.

Яркое описание издевательств над военнопленными оставил А. Шилкин, находившийся в лагере 326 с лета 1943 г. и до самого осво-

бождения. Автор часто упоминает имя фельдфебеля Бошмана, который при разводе на работу систематически избивал пленных клинком. Он заставлял пленных ползать по-пластунски от проходных ворот до блока, предварительно избив их. Особенно жестоко избивал вновь прибывших штрафников. Зимой 1945 г. солдаты СС совместно с Бошманом устроили в лагере общее избиение пленных офицеров. Причиной было, якобы, их медленное построение во время развода на работу. В ход были пущены приклады и штыки. После избиения офицеров заставили бежать от лагеря до места работы. Бошман порой расстреливал в день несколько человек только потому, что пленные ему не понравились, подняли с земли брюкву, не так приветствовали Бошмана. Далее Шилкин рассказывает о том, как молодой шеф блока № 3 (20 лет от роду, один глаз вставленный, среднего роста, на рукаве имел нашивку в виде красного и белого квадрата) избивал военнопленных палкой и всегда старался бить по голове. Были случаи, когда палки ломал об людей. Методы издевательств были различные. В 14-м бараке он совместно с другим немцем подвешивал пленных на проволоке за ноги. Часто бил клинком больных пленных, которые не могли идти на работу. Все экзекуции над пленными поручались ему. Р.А. Окунев, оказавшийся в шталаге 326 в июле 1942 г., и другие вспоминают, что им особенно запомнились бани. После прибытия пленных гоняли в баню, где купание превращалось в тяжелую процедуру - все без исключения пленные должны были пройти через нее, в том числе и тяжело больные. Проход в баню был узкий, и каждого проходящего дежурный немец бил хлыстом. Затем начинался процесс мытья, и обязательно всех заставляли бриться. Тупыми машинками и бритвами пленным удаляли волосы не только на голове, но и под мышками и на лобке, брили бороду и усы, а затем бритые места смазывали едкой жидкостью, вызывавшей сильное раздражение кожи. Далее побритые подходили к немцу, тот проверял чистоту бритья. Если оно было плохим, он поджигал зажигалкой оставшиеся волосы. Как пишет Окунев, постоянно слышались крики и стоны пленных. Некоторых из бани выносили мертвыми. Само купание длилось недолго. Но и здесь немцы «забавлялись», в холодное время выключая теплую воду и неожиданно окатывая пленных холодной. Затем следовало часовое ожидание одежды из дезинсекции в холодном помещении в дождливую и холодную погоду. Естественно, что итогом мытья было большое количество простудных заболеваний.

В шталаге эсэсовцы особое внимание уделяли офицерам Красной Армии, коммунистам, политработникам и евреям. На них устраивалась настоящая охота. Если находили кого-либо, он был тут же или убит, или отправлен в концлагерь. Только в 1941 г. в Штукенбroke было расстре-

ляно 42 офицера под тем предлогом, что они якобы отказались работать. Эти офицеры были похоронены на близлежащем общинном кладбище. После освобождения на месте их расстрела был сооружен памятник с надписью: «Здесь покоятся русские бойцы - первые жертвы фашистского плена 1941 - 1945 гг.»¹⁴. К сожалению, в 1963 г. в ходе реорганизации соседнего захоронения этот памятник был снесен. Прах расстрелянных офицеров был перенесен, а на его месте был установлен памятник жертвам трагических событий во время выселения немцев из Польши, Венгрии, Чехословакии и Восточной Пруссии.

По показаниям Шилкина, с осени 1944 г. пленные советские офицеры работали под конвоем солдат СС. Недалеко от лагеря они копали бункер. Их систематически избивали эсэсовцы. Так, от побоев в лазарете умер капитан Задорожный, отказавшийся работать на строительстве укреплений. В том же году за отказ работать на оружейном заводе были убиты Павлов и Нестеров. Офицера Станислава Драпей (поляка) били по спине палками и прикладами до тех пор, пока она не покрылась кровоподтеками, после чего его заставляли бегом таскать кирпичи (по 20 штук) на гору. В результате издевательств Драпей долгое время лежал в лазарете. Помимо палок и прикладов, охранники часто применяли штыки. Одному офицеру на работе было нанесено 10 штыковых ран. Почти каждый день двух-трех офицеров приводили с работы под руки, так как после издевательств над ними они не могли идти. На работе пленных офицеров заставляли ползать, подниматься в гору, кувыряясь через голову, некоторых оставляли без обеда.

Огромные страдания пленным приносила лагерная полиция, подбираемая из числа пленных (Hilfspolizei). По воспоминаниям переживших плен, эти полицейские проявляли нечеловеческую жестокость, избивали, издевались и нередко убивали пленных. Русские полицаи, пишут А.П. Государев и А.М. Карчевский, обращались с пленными хуже, чем немецкие охранники. От них пленные зачастую испытывали на себе произвол и несправедливость. По сути, это были аморальные люди, не знавшие ни жалости, ни сострадания к своим товарищам. Большинство лагерной полиции шталага 326 (VI K) составляли украинцы. Она создавалась «из надежных элементов» и действовала для наведения порядка и дисциплины в лагере совместно с комендатурой. Ее члены носили особую черную униформу и лучше питались, чем все остальные. «Лагерные полицаи в униформе», «предатели» - так их с презрением и отвращением называли пленные. Отношения между русскими и украинцами характеризовались как «постоянно напряженные». Иногда дело между ними доходило до массовых драк. Руководство вермахта и лагеря избрало именно украинцев в качестве «лагерной полиции» для разжигания

антирусских настроений и национальной розни. В лагере были также эстонцы, латыши, литовцы, белорусы. Их тоже старались отделить от основной массы русских пленных, чтобы «обработать» и настроить против них. Среди пленных велась активная антирусская и антибольшевистская агитация, призывавшая пленных к сотрудничеству с немцами, вермахтом в качестве «добровольных пропагандистов». Кстати, в шталаге 326 до конца 1944 г. существовал «отдел добровольных пропагандистов». Мотивы сотрудничества пленных с немцами были разные: воинствующий антибольшевизм, враждебность националистического толка против московской центральной власти, предательство своих товарищей ради личной выгоды. Все они надеялись пережить плен через коллаборационизм.

В памяти пленных лагеря самое омерзительное впечатление оставил русский пленный «Сашка рыжий» (А.И. Снегирь) - начальник лагерной полиции. Как пишут А. Шилкин, Ю. Рыбников и другие, это был зверь, а не человек, главный жестокий помощник немцев в избивании пленных. Причем почти всегда использовал клинок, не зная чувства меры: бил куда попало и всех без разбора. Пленных избивал по приказанию немцев, а чаще по собственной инициативе. Особенно сильно бил беглецов и офицеров. Последних - просто из ненависти. При переводе пленных из блока в блок не разрешал ремонтировать в бараках окна, нары, двери. Почти все продукты, которые пленные доставали на работе, лично сам отбирал на проходной. В пьяном виде вместе со своим другом Андреем ночью врвался в бараки и жестоко избивал пленных. Он был тесно связан с гестапо и систематически делал подарки офицерам гестапо в виде деревянных изделий - резные тарелки, шахматы и различные шкатулки, которые отбирал у пленных. Как видно, характер общения охранников и лагерных полицейских с пленными отражал глубину напряженности межчеловеческих отношений. Н.Ф. Колин, бывший пленный, находившийся в шталаге с августа по декабрь 1943 г., рассказывает такой эпизод. «Знакомство» с Сашкой Рыжим произошло в первый день пребывания в шталаге. В бокс, куда только что разместили группу военнопленных, вошел рыжий полицейский с немецкой овчаркой. Он познакомил пленных с порядком лагеря. Издеваясь и насмехаясь над нами, он произнес такие слова: «Вы находитесь за проволочным ограждением, но оно не для вас, а для того, чтобы воробьи к вам не залетали. Отныне вы не товарищи, а господа. Того, кто будет нарушать порядок, я буду строго наказывать. И не только я, но и мой лучший друг (указав при этом на собаку), который хорошо выполняет мою команду. Вот смотрите». Он дал собаке команду «фас». Собака бросилась на указанного военнопленного и вырвала клоч штанины.

В этой связи, хотелось бы привести куплет из лагерной песни, который отражает настроение и положение пленных.

*Ах ты Русь, ты моя дорогая,
Не вернуся я больше к тебе,
Кто вернется, тот век не забудет
Все расскажет родимой семье,
Как собаками немцы травили,
Полицейские жали в дверях.*

Судя по воспоминаниям, не все немецкие охранники избивали советских пленных. Бывший пленный Г.М. Матвеев пишет, что разные были немцы: одни били по-страшному, требуя от него, чтобы он призвал русских солдат самим сдаваться в плен, другие считали, что этого не должно быть¹⁵. Многое зависело от личного образа мыслей, религиозности, а также от установок нацистской идеологии. Некоторые охранники спокойно относились к тому, что кто-то сует пленным что-то съедобное; другие сотрудничали с группами сопротивления и помогали таким образом выжить русским пленным; третьи сочувствовали им. А.М. Карчевский, работавший в картотеке, считает, что некоторые немцы относились к пленным по-человечески. Правда, они сами боялись своих стукачей, поэтому отношения были чисто деловыми. Встречались немецкие солдаты, которые разочаровались в национал-социализме.

Снова хотелось бы вернуться к воспоминаниям И.П. Аникеева. Он пишет, что пленные интересовались событиями, которые происходили вне лагеря. Особенно их интересовали новости с фронта. Эти новости приносили им частично и непосредственно сами немецкие солдаты. Аникеев был знаком с одним немцем, санитаром, ефрейтором по имени Ф. Херман, который имел художественные наклонности, любил рисовать и был хорошим ювелиром. От него пленные узнавали очень много. Он приносил им даже немецкие газеты. Херман рассказал пленным и о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. Добрым словом вспоминает Аникеев чеха А. Либеля, который работал у немцев в санчасти в качестве переводчика. Либель говорил: «Чехи и русские - братья» и передал однажды большой пакет с продуктами¹⁶.

Известно, что всякая связь военнопленных с гражданским населением была строго запрещена, любая поддержка, контакт или помощь пленным строго наказывались. Гитлер, Геббельс, Гиммлер и Борман требовали, по меньшей мере, абсолютного запрета контактов с немец-

ким населением, отвергали любой компромисс в этом вопросе, настаивая на полной изоляции советских солдат, от которых как «большевистских подстрекателей» исходит большая опасность для окружающих. Геббельс летом 1942 г. заявил, что «впервые в этой войне немецким солдатам противостоит не только по-солдатски, но также политически обученный противник». Чтобы воспрепятствовать любому контакту с немецким населением, советские военнопленные должны были обязательно ходить сплоченными колоннами, а знавших немецкий язык избегали ввозить на территорию рейха. Нацистская пресса старалась подавить нередко наблюдаемое сочувствие населения к пленным изображением различных картин врага.

И все же запреты не могли полностью исключить проявление сочувствия, элементарных контактов и любопытства. В.И. Шиманский вспоминает, что в воскресные дни к лагерю приходила хорошо одетая публика из окрестных деревень, чтобы поглядеть на первых советских военнопленных¹⁷. Дети, например, часто подбрасывали «русским» свой хлеб через лагерное ограждение или передавали им по пути на работу что-либо съестное. Взрослые, в свою очередь, обменивали продукты питания на соломенные башмаки, сделанные пленными с поразительной ловкостью, шкатулки для драгоценностей или украшения. Исходный материал для какого-либо ремесла часто похищался с места работы. Полиция и представители вермахта, конечно, пытались воспрепятствовать этому¹⁸. Несомненно, обменная торговля для обеих сторон была связана с большим риском. Более того, несмотря на угрозу высокого штрафа и даже заключение в концлагерь в случае разоблачения, часто между «торговыми партнерами» развивались личные отношения. Любые доказанные половые связи жестоко карались либо тюрьмой, либо концлагерем для немецких женщин, а советским военнопленным выносился смертный приговор¹⁹.

Интересные воспоминания об условиях жизни и труда оставил Фридрих Каммейер, бывший инженер и заместитель директора одного из предприятий в г. Хёрфорде, где работали советские военнопленные, направляемые из шталага 326. Он пишет, что предписанный национал-социалистами запрет на общение между советскими военнопленными и немецкими рабочими и работницами почти не соблюдался. Более того, сотрудники узкоколейной железной дороги часто организовывали для пленных дополнительный небольшой рацион из продуктов питания и табака, а на рождество - пакет пряников, который «забывали» в вагоне и затем отдавали пленным. Каммейер вспоминает о том, как он одному пленному набил карманы табаком, при этом сильно боялся, как бы не

заметили: «Ох, если бы меня поймали на этом, это сразу стало бы достоянием военных»²⁰. Незамедлительно последовало бы наказание.

По мнению исследователей Хюзера и Отто, в целом можно констатировать, что нацистское мировоззренческое представление о «русских недочеловеках», «русской низшей расе» в повседневной жизни местного населения не проникло столь глубоко²¹. При этом обычно ссылаются на пленных, которые работали на крестьянском дворе близлежащих деревень. Большинство из них были батраками. И, тем не менее, их приглашали к общему столу, они вместе с членами семьи во время еды произносили застольную молитву, сидели за одним кухонным столом и ели, хотя это было запрещено лагерным начальством²². Часть жителей Зенны, преимущественно конфессионально настроенные люди, сочувственно относились к пленным. Из гуманистических соображений многие осуждали варварское отношение к ним, особенно возмущались в первое время тем, что пленные не имеют бараков и живут под открытым небом²³.

Любопытный разговор между пленными и немцами передает в своих воспоминаниях Л.С. Манаенков: «Гитлер, говорили немцы, в последнее время мобилизует всех, кто еще может двигаться. Старые люди, среди них были те, кто в годы первой мировой войны находился в русском плену. Они на собственном опыте знали, что такое война. Некоторые из них показывали нам фотографии своей семьи и говорили, что их сын погиб, а Гитлер - это дерьмо (Scheiße). Когда один товарищ спросил их, когда же закончится эта война, они ответили: если это произойдет завтра - хорошо, если это произойдет сегодня, еще лучше»²⁴. Следует отметить, что отношение к советским военнопленным со стороны военной охраны и гражданского населения Германии резко изменилось с приближением окончания войны. Были случаи, когда военнопленные давали «индальгенции» охранникам за лояльное к ним отношение. Эти «индальгенции» котиrowались весьма высоко.

ГЛАВА V.

МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ В ШТАЛАГЕ

Медицинское обслуживание военнопленных в VI военном округе передавалось четырем санитарным частям в Кельне, Дюссельдорфе, Мюнстере и Билефельде. Каждая санчасть имела в своем распоряжении около двух лазаретов для пленных с очень разным числом коек. Например, санчасть в Кельне имела один-два лазарета: в Дюрене - 800 коек и Хофнунгсштааль - 500 коек; в Дюссельдорфе: в Дорстене - 100 коек и Гересхайме - 1 190; в Мюнстере: в Хемере - 200 и Ванне-Эйкель - 500; в Билефельде: в Лингене - 630 и Штаумюле - 2 368 коек¹.

Летом 1941 г. гигиенические условия советских военнопленных были катастрофическими. Это способствовало быстрому распространению различных болезней. В августе среди пленных начала свирепствовать эпидемия дизентерии. Своей высшей точки она достигла в сентябре. Ослабленные от голода пленные умирали массами из-за обезвоживания организма и слабого кровообращения. Одновременно эпидемия дизентерии распространилась в шталагах Эмсланде и Люнебургской пустоши. Не стихала она и тогда, когда произошли первые случаи заболевания сыпным тифом. В этой напряженной ситуации и возникла мысль о создании специального лазарета для больных дизентерией, чтобы таким образом сдержать эпидемию и изолировать заболевших. В октябре 1941 г. эта идея была реализована. В местечко Штаумюле, расположенное в 15 км от лагеря 326, была направлена группа советских военнопленных для приема больных. В сопровождении двух охранников и одного немецкого санитаря группа через четыре часа прибыла на место. На этом военном объекте «Sennelager» находилась военная часть СС. С правой стороны, вспоминает М.А. Кришнов, работавший в этом лазарете санитаром с первых дней и до 1944 г., мы

увидели бараки, обнесенные колючей проволокой, и вышку с караульными. Немецкий санитар сказал нам: «Мы пришли в Штаумюле, здесь будет лазарет»². Эпидемиологический лазарет Штаумюле возник в уже существующем большом комплексе бараков, по меньшей мере, из 29. Группу советских пленных, в которую входили П. Краснов, М. Герасименко, Н. Чернышев, В. Повертайленко и др., разместили в бараке № 26. Сам М. Кришнов сначала работал санитаром в бараке № 29. Организационно лазарет в Штаумюле подчинялся не коменданту шталага 326 (VI К), а коменданту гарнизонного полигона. Кстати, и сегодня в Штаумюле находится клиника для больных туберкулезом. В каждом бараке имелось по пять комнат. В качестве кроватей служили деревянные нары в два этажа.

Уже через неделю после прибытия группы советских пленных в лазарет стали поступать первые больные дизентерией из лагеря № 326. Почти всегда среди прибывших были мертвые. В некоторые дни больные умирали по 20, иногда даже более 30 человек. Кладбище советских военнопленных находилось в 8 км от лазарета, и там хоронили умерших от дизентерии. Бараки были переполнены³. С каждым днем увеличивался поток больных, среди них очень много тяжелобольных. Начальником лазарета был унтер-офицер Дж. Гораи. В нем работал также немецкий врач, обер-лейтенант «доктор Ланцер». Советский военнопленный М. Кришнов стал лекарем, он накладывал повязки раненым и тяжелобольным, а также выдавал лекарства от дизентерии. Лекарством против дизентерии служили таблетки из угля и белой глины. Больных было много, а лекарств и перевязочных материалов едва-едва хватало. В лазарете находилось до 2 000 человек, чаще всего - и более. Несмотря на свирепствовавшую эпидемию дизентерии, немцы продолжали кормить больных водянистой похлебкой «баланда» качеством хуже, чем в лагере № 326. Вскоре в лазарет прибыл пленный польский врач Обарский, который хорошо говорил по-немецки и по-русски. Как пишет Кришнов, он через Обарского передал требование об улучшении питания, напомнив, что в противном случае смертность может резко увеличиться. Вскоре в Штаумюле была открыта столовая, на кухне которой работали русские пленные.

Больные стали каждый раз получать сухари или три раза в день белый хлеб. Питание больных оставалось очень скудным. Благодаря диете, удалось спасти многих больных от смерти. При этом, продолжает Кришнов, мы старались выздоравливающих и поправившихся оставить в лазарете как больных, чтобы они не работали на немцев⁴. С этой целью они прибегали к различным ухищрениям. Так, при обходе больных немецкий врач ставил знак о состоянии стула синим, зеленым и красным

карандашом. Кришнов и другие использовали эту маркировку для фальшивых данных, записав меньше людей здоровыми. Они оставляли после себя больше красных знаков, так как красный знак означал для немцев, что стул смешан с кровью. Кроме того, чтобы пленного дольше оставить в лазарете, русские санитары искажали данные о температуре⁵.

Судя по воспоминаниям Кришнова, он сам много раз рисковал, чтобы спасти жизнь не только русским пленным, но и полякам. Вначале трудно было различить, кто друг, а кто враг. В плену любая ошибка могла стоить жизни себе и другим⁶. Здесь хотелось бы привести еще два характерных примера из жизни больных пленных, о которых пишет Кришнов. Первый эпизод. Немецкий врач «доктор Ланцер» боялся посещать бараки больных. Он посылал Гораи, у которого был взгляд хищного зверя, орлиный нос, усы, как у Гитлера, ему было 50 лет. Во время ходьбы он вытягивал свое туловище вперед, руки закладывал за спину и при этом постоянно носил с собой резиновую дубинку. Если во время посещения барака по команде «Ахтунг! Смирно!» больные не вставали или кто-нибудь не останавливался, тогда Гораи бил дубинкой где и кого попало⁷. Второй пример. Поздней осенью 1941 г. в лазарет прибыл немецкий санитар. С ним больные столкнулись как с куратором и фельдфебелем. Пленные прозвали его «Бомбовоз». Он был среднего роста, имел одутловатое лицо, носил плохие очки и был жестоким. Его живот напоминал наполненную пивную бочку. При малейшем «нарушении правил» или «ошибке» он становился беспощадным и начинал палкой бить больных пленных⁸.

С середины 1942 г. Штаумюле становится в VI военном округе центральным Твс-лазаретом для больных туберкулезом. Сюда привозили больных главным образом из Рурской области. В лазарете было 2 368 коек, то есть почти одна треть всех лазаретных мест, имевшихся в VI военном округе. Это свидетельствовало, во всяком случае, о надрегиональном значении эпидемиологического лазарета. В нем шла борьба не только против дизентерии, но с 1942 г. началась борьба с туберкулезом и сыпным тифом. Поток больных тифом увеличивался. В этой ситуации немцы вынуждены были дополнительно прислать пленных русских врачей и увеличить медицинский персонал. В лазарет прибыли врачи С.С. Рослач, А.В. Наумов, Кутаков, В. Сайко, П. Злобин и другие. Рослач стал руководителем русского персонала. Он владел немецким языком, был энергичным молодым человеком 24-х лет. Немцы боялись заходить в тифозные бараки. Русским врачам это было удобно. Рослач, Кришнов и переводчик Б. Павлов использовали эту возможность для того, чтобы в отдельные комнаты поместить здоровых, выдав их за больных тифом или туберкулезом и таким образом оставить их на пол-

года, а то и дольше в лазарете. В итоге намного меньше пленных отправлялось в германскую военную промышленность⁹.

На кладбище шталага Оэрбке, 1941 г.

Аналогичная ситуация была в лагерном лазарете. Работать медикам было очень трудно. Их труд требовал большого напряжения сил. У них не было основных средств для лечения - медикаментов, удобств, питания. Оборудование состояло из нескольких хирургических приборов, а амбулаторные бараки появились только весной 1942 г. Крайне плохо обстояли дела с медицинским персоналом. До весны 1942 г. был один лагерный врач, которому помогали всего три санитары, поэтому стали привлекать советских военнопленных и советских врачей, без которых пленные просто не выжили бы. В силу этого оказать срочную помощь больным было невозможно. Настоящее медицинское обслуживание больных осуществлялось исключительно руками пленных советских

врачей. Их возраст составлял 30 - 50 лет. Они были опытными специалистами, хорошо образованными и работоспособными людьми. Работа советских врачей находилась под постоянным контролем немецких медиков, которые стремились ограничить прием больных в лазарет и обеспечить более раннюю выписку в рабочие команды. Советские медики в большинстве своем были патриотами, в любых условиях по возможности оказывали больным и раненым медицинскую помощь. К тому же они принимали активное участие в сопротивлении и остались верны своему долгу и своей Родине¹⁰. А ведь выполнение этих задач было связано с огромным риском для жизни. И несмотря на это, они продолжали совершать чудеса. Долг, энергия и инициатива помогали медикам и в этих особых условиях оказывать посильную медицинскую помощь военнопленным. Они оперировали не только острые аппендициты, ущемленные грыжи, но и язвенные процессы желудка и двенадцатиперстной кишки. Вовремя сделанная операция и постоянный уход давали положительные результаты. Даже военнопленные с большими голодными отеками при длительном нахождении в лазарете поправлялись, всеми правдами и неправдами для них находили лишнюю порцию баланды, хлеба, маргарина, и отеки сходили.

В лагере 326 собрался коллектив хороших специалистов: хирурги, терапевты, невропатологи и специалисты других направлений. Руководителем коллектива русских врачей был организатор и «главный врач» лагерного лазарета И.Г. Алексеев. Вскоре в лагере он стал руководить группой патриотов и активизировал Сопротивление. Алексеев многим спас жизнь. Пленных, которым угрожала опасность со стороны абвера и СС, он умудрялся «спрятать» в лазарет, где они как заразные больные находились в инфекционных бараках или отправлялись в другой лагерь, чтобы затем вновь появиться среди пленных под другой фамилией. Среди спасенных были и офицеры, и политработники¹¹. Длительное время в лазарете укрывали под видом больных полковника С.И. Курина, майора В.А. Храмова, командиров К.Я. Манушина, С.В. Вахтина, Н.К. Люсова, Г.М. Иванова, Бойко, Смирнова, Тарасова и других. Хотелось бы отметить, что многим пленным по политическим соображениям и ввиду угрожающей опасности пришлось брать другие фамилии. В лазарете был образован отдел, который способствовал концентрации пленных в спецбараках. Хирург и терапевт, имевшие большой опыт работы, консультировали менее опытных врачей. До конца 1944 г. врачи в лагерном лазарете сменялись относительно редко. Немецкий медицинский персонал занимался главным образом организационными и контрольными функциями. В 1941 г. санитарную часть шталага 326 (VI K) возглавлял немецкий врач Вихорт. Он практиковался на советских воен-

нопленных, делал ампутации конечностей без всякой на то необходимости. Некоторым больным вводил какие-то «медикаменты», после которых мгновенно наступала смерть. В 1943 г. его сменил оберфельдarzt Глёрфельд, он оставался начальником лагерного лазарета до 1945 г. Характерным в его поведении было то, что он боялся притрагиваться к советским военнопленным, обходил бараки не снимая перчаток, отеки на ногах определял при помощи палки. Глёрфельд запретил принимать в лазарет тех пленных, которые были избиты или ранены вооруженной охраной. При этом он аргументировал: «раз они наказаны за непослушание и леность, им нет места в лазарете». Эта жесткая система применялась также в отношении больных пленных, находящихся в лазарете на излечении. «За непослушание» их записывали в рабочие группы или отправляли в тюрьму и концлагерь¹².

До конца ноября 1941 г. дизентерия была, пожалуй, главной причиной смертности в лагере. В то же время обнаружились случаи сыпного тифа. Часто от него умирало по 100 человек в день. Эта болезнь переносилась через вшей. По мнению Хюзера и Отто, в отличие от почти всех других «русских лагерей» в третьем рейхе лазарету шталага 326 удалось, благодаря своевременной дезинсекции (уничтожение вшей), воспрепятствовать вспышке массового заболевания и ограничиться несколькими незначительными случаями¹³. Действительно, уже в июле и августе 1941 г. в лагерь прибыли первые вспомогательные вагоны для дезинсекции из чешского трофейного имущества. Приборов для полной дезинсекции не хватало. Вскоре началось установление мощных современных установок, которые могли производить безупречную дезинсекцию - обработать около 2 000 человек за 24 часа. Русские специалисты из числа пленных под надзором немцев обслуживали эти установки. Одежда обрабатывалась в горячих воздушных камерах, всем мужчинам состригали волосы и они принимали душ. Каждые два человека получали один кусок мыла и одно полотенце¹⁴. С середины декабря 1941 до марта 1942 г. лагерь находился на карантине.

Вспоминая о ситуации в лагере тех дней, В.И. Шиманский пишет, что немцы, очевидно, боялись возникновения эпидемии сыпного тифа, которая могла распространиться также на персонал лагеря и немецкое население. Они решили построить внутри лагеря баню силами французских военнопленных. Монтаж оборудования осуществляли немецкие мастера. Однако караульный не пускал нас ни к французам, ни к немцам. Далее он констатирует, что в лагере была создана спецгруппа пленных, которая проводила дезинфекцию и гигиенический осмотр больных красноармейцев. Лично он в этой группе работал в качестве механика и обслуживал старую дезинфекционную машину на колесах с

маленьким паровым котлом времен первой мировой войны. Машина имела много дефектов, Шиманский должен был ее ремонтировать и постоянно опасался, что она может взорваться, так как котел полностью проржавел. Несмотря на это, он чувствовал себя лучше, поскольку эта работа была легче, чем уборка грязной посуды в бараках, хотя голод его страшно мучил. Шиманский считает, что он перенес это тяжелое время и испытания первых лет плена благодаря тому, что накануне войны был спортсменом. Это помогло ему выжить¹⁵.

В 1944 г., когда положение с рабочей силой обострилось, немецкие врачи стали ставить еще больше препон для больных, не разрешая принимать в лазарет и давать заключение о необходимости освобождения от работы при остеомиелите, язве желудка, сильном истощении, с большими отеками и др. Значительно ухудшилось положение больных, находившихся в рабочих командах. Немецкие начальники команд принуждали к работе тяжелобольных, явно нетрудоспособных, не пуская их в лазарет. Иногда это приводило к смертельному исходу.

Лагерный лазарет сыграл большое значение в жизни советских пленных. Здесь не только лечили больных и раненых, но прятали тех больных, разоблачение которых угрожало их жизни. В лазарете могли лечиться истощенные пленные и ослабленные тяжелой и изнурительной работой. Немецкие врачи всеми средствами препятствовали размещению в лазарете здоровых пленных. В этих случаях пленные врачи прибегали к помощи лазаретных барачников № 4, 7, 8 и др. Например, у пленных признавали симптомы острого аппендицита и помещали в хирургический барак № 4 для «операции». Там врачи В.И. Разумовский, И.Г. Алексеев и Белитцкий инсценировали у больных «операцию слепой кишки», в области аппендицита на коже живота делали неглубокий надраз, а затем накладывали шов и бинт. Немецкий врач при проверке видел «оперированного» пленного и кроме «гут!» ничего не мог сказать. После известного времени пленных передавали в другие лазаретные бараки, и они могли оставаться на «лечении» несколько месяцев¹⁶.

С середины 1942 г. в лагере начал свирепствовать туберкулез. Это был третий вид эпидемии, охвативший тысячи советских пленных. Многие из них стали жертвой этой болезни. Недоедание, плохое размещение и беспощадная эксплуатация были главными причинами. В большом количестве больных переправляли в лазарет Штаумюле, там их изолировали, и тем не менее многих пленных туберкулез унес в могилу. В самом лагере ситуация была очень серьезной. Его руководство было напугано опасностью заражения немецких рабочих. В регистрационных листах причина смерти умерших указывалась как истощение, сердечная слабость, усталость, или, по медицинским понятиям, - дистрофия. Недоеда-

ние достигло стадии дистрофии, затем пленные попадали в лазарет, который в худшие времена вмещал до 1 000 больных¹⁷. Бараки № 7 и 8 были отделены от других колючей проволокой. Немцы страшно боялись заходить в эти бараки. В седьмом бараке лежали больные туберкулезом, а в восьмом - заразные тифозные, больные сибирской язвой и другие. Правда, пленные врачи использовали этот страх. Так, врач Гущин размещал в бараке № 7 пленных, которых разыскивали люди абвера. После определенного времени этих «больных» отправляли в лазарет Штаумюле как туберкулезных больных, где их следы чаще всего терялись. В бараке № 8 врач Сильченко «прятал» многих здоровых командиров и политработников, а в карточке болезни записывал «брюшной или сыпной тиф»¹⁸. В бараке № 6 врач К.М. Дружков накладывал гипсовые повязки на несуществующие переломы конечностей, и это помогало месяцами держать в лазарете «травматологических больных». Такую же работу в других бараках лазарета проводили врачи Зайцев, Морозов, Ступин и другие.

Так пленные врачи помогали своим соотечественникам в лагере. По свидетельству бывшего пленного Ф.И. Чумакова, прибывшего в лагерь в начале 1944 г. и работавшего врачом до конца плена, у советских пленных врачей главной целью было - всеми средствами как можно больше сохранить жизни пленным. Чумаков хорошо знал немецкий язык, делал вырезки из немецких газет, иногда удавалось подслушать разговор караульных и получить интересную информацию, которая затем передавалась другим пленным. По его утверждению, советским врачам порой удавалось заходить в ту часть лагеря, где жили иностранные пленные. Условия их жизни были намного лучше. Среди них имелись высококвалифицированные врачи. Встреча была всегда сердечной, дружественной, особенно с югославами¹⁹. К тому же Чумаков писал стихи. Многие из них посвящены трагической судьбе пленных в лагере 326. Сам он переболел туберкулезом, хотя как врач он находился в лазарете в лучших условиях, чем большинство военнопленных. К счастью, заболевание проявилось в 1945 г., уже после освобождения.

В свою очередь командование VI военного округа в своем распоряжении от 10 мая 1943 г. тоже выражало сожаление по поводу плохого состояния здоровья советских военнопленных и требовало наилучшим образом заботиться о их питании, размещении и хорошем обращении. Беда в том, что это требование выполнялось плохо.

ГЛАВА VI. РАБЫ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Жизнь пленных - тех, кто выжил, до самого освобождения протекала в условиях тяжелого труда и принудительной работы. «Основопологающим принципом» было «выжать из военнопленных такую производительность труда, какую только возможно выжать». От пленных требовалась работа и еще раз работа - при минимальных затратах на их содержание. Труд русских пленных должен быть хорошим, тяжелым и прилежным, так говорилось в официальных инструкциях и памятках. Понятие «Arbeitseinsatz» (работа) относилось только к пленным, которых шталаг после регистрации, как правило, распределял по биржам труда. «Рабы для работы» («Arbeitssklaven») советские военнопленные были источником дешевой рабочей силы и настоящего рабского труда. При этом «ценность» их беспощадной эксплуатации определялась результатом вложенного в германскую экономику труда. В воспоминаниях пленных непосильный труд в промышленности, на шахтах, рудниках, военных объектах часто характеризуется как один из методов уничтожения военнопленных. Систематическое уничтожение через труд было изобретением нацистов. Конечно, многое зависело от условий и рода выполняемой работы, от отношения предпринимателей, работодателя и лагерного руководства.

Уже через несколько недель после начала войны против СССР в руководстве нацистской Германии выявились серьезные разногласия по вопросу использования труда советских военнопленных. Спор шел между идеологами НСДАП и прагматиками в имперском руководстве и руководстве вермахта. Во всяком случае, в конце октября 1941 г. произошел поворот в политике по отношению к ним. Он был связан с огромной потребностью рабочих рук в германской экономике. Не оправдались первоначальные расчеты решить эту проблему привлечением десятков тысяч фронтовиков, подлежавших демобилизации после победы над СССР. Еще в августе 1941 г. руководство вермахта считало, что использование труда русских пленных внутри рейха следует свести до минимума¹. Верхушка нацистской Германии категорически отклоняла использование русских пленных в рейхе, опасаясь засилия «фремдфелькише» с расовой точки зрения и заражения немецкого насе-

ления вирусом большевизма. Но «блицкриг» на Востоке провалился. После поражения немецких войск под Москвой и провала «Плана Барбаросса» возникла новая ситуация. Стало ясно, что война продлится дольше, чем было запланировано. Германия переходила от концепции «блицкрига» к концепции длительной войны. Спрос на русских пленных резко увеличился. Нацистское руководство приняло решение об их массовом привлечении в немецкое хозяйство, использовании пленных в качестве «хильфсвильге» в вермахте, «полиции порядка» на оккупированной территории, в качестве солдат в неславянских «легионах», созданных из пленных, позднее также в русских и украинских военных формированиях. Это произошло только в конце 1941 г., когда выявилась крайняя нехватка рабочей силы. Правда, плохое питание и состояние здоровья пленных еще не позволяло их использовать в полной мере. К тому же существовало предубеждение, что советские пленные не смогут иметь высоких трудовых достижений, оставались предписания запрета обмена западных пленных на русских. По соображениям расовой идеологии на промышленные предприятия их старались не брать. Лишь постепенно многие немцы убеждались, что при достаточном питании и хорошем отношении советские военнопленные представляют ценную рабочую силу. В начале 1942 г. их привлечение стало общепризнанным фактом.

Непосредственную ответственность за использование военнопленных на территории рейха ОКВ делило с имперским министерством труда. Труд пленных использовался также ведомством Ф. Заукеля, занимавшего пост генерального уполномоченного по труду. Крупные концерны, мелкие предприятия, крестьяне направляли свои запросы в соответствующие инстанции, связанные в свою очередь со шталагами и военными округами. Земельные и местные управления по труду по мере надобности и поступления распределяли рабочую силу между потребителями. Таким образом, шталаги являлись базовыми лагерями для работающих военнопленных.

Советским военнопленным приходилось выполнять самые различные виды работ. Внутри рейха они трудились на многих предприятиях и объектах вермахта. Из пленных формировали невооруженные «рабочие батальоны», рабочие команды, которые направлялись на тяжелую работу в военную, угольную, горнорудную, строительную промышленность, на предприятия черной и цветной металлургии, на железные дороги и восстановительные работы. Они работали на строительстве дорог, каналов, имперских автобанов, на мелиорации, в лесу, каменоломнях, на торфоразработках и погрузочно-разгрузочных работах, на шахтах и предприятиях Рурской области. Уже во время первой мировой войны

русские пленные успешно трудились в германской экономике. Позитивный опыт того времени был использован в 1941 г., в германской промышленности, особенно военной. До поздней осени 1941 г. пленные трудились преимущественно в сельском хозяйстве. По утверждению Ганса Моммзена, несмотря на огромные усилия, в 1941 - 1942 гг. внутри рейха находились только 400 тыс. советских пленных, из них в промышленности трудились не более 167 тыс. человек, хотя к этому моменту в немецкий плен попало 3,35 млн. советских солдат². В целом же подсчитано, что при соответствующем питании производительность составляла 80%, а во многих случаях достигала уровня германских рабочих, особенно в горной промышленности³. Проблема питания и результаты труда оказались тесно связаны между собой. Сразу хотелось бы подчеркнуть, что в своем подавляющем большинстве советские пленные использовались на принудительных работах в интересах повышения экономического и военного потенциала Германии. Они вносили существенный вклад в немецкую оборонную промышленность, надолго оказавшись в качестве ее важнейшей опоры. Благодаря рабочей силе из оккупированных областей, включая военнопленных, военная промышленность нацистской Германии смогла работать на полную мощь. Без преувеличения можно сказать, что доход в государственную казну, полученный в результате труда советских военнопленных, составил сотни миллионов марок. Сотни тысяч пленных представляли значительный фактор для производства германского вооружения. Там трудилось большое количество хороших специалистов и квалифицированных рабочих. Трудно оценить и выгоду частных предпринимателей в результате применения труда пленных. Для достижения оптимальных результатов в работе советских пленных обучали и подготавливали к работе на шахтах и заводах. Конечно, германское руководство поступало так отнюдь не из гуманных соображений. Оставались идеологический догматизм и внутривластный расчет нацистских лидеров стабилизировать систему и возместить материальные жертвы, которые требует война, за счет эксплуатации немцами поработанного народа⁴. Ведь «высшим принципом» труда советских пленных в рейхе являлась «безусловная безопасность немецкой жизни и гарантия немецкого блага».

В затянувшейся войне обнаружилась чувствительная нехватка горняков и металлургов. Поэтому инициатива использования труда русских пленных исходила от тяжелой индустрии, в особенности от горной промышленности. Председатель Имперского объединения угля и руководитель концерна «Бергхютте Ост» П. Плейгер с первых дней нападения Германии на СССР требовал использовать пленных в угольной промышленности. С продолжением войны это требование усиливалось. Уже

30 июня 1941 г. Плейгер поставил этот вопрос перед начальником Отдела военнопленных в ОКВ Г. Рейнке. Просьба Плейгера в письменном виде была отправлена также генералу Томасу, шефу военной промышленности и отдела вооружений в ОКВ. Ответ был дан только 29 июля 1941 г., и Томас обещал свою поддержку. В целом в этом письме Плейгер требовал выделить 83 тыс. военнопленных⁵. Таким образом, под напором Плейгера была пробита первая брешь в сопротивлении Гитлера и партийного руководства в вопросе широкого использования советских военнопленных в немецкой угольной промышленности. И в последующие годы он настаивал и добивался предоставления рабочей силы в горную промышленность. Например, 8 июня 1943 г. начальник штаба ОКВ В. Кейтель издает секретное распоряжение о направлении в горную промышленность до 1 сентября 1943 г. 200 тыс. военнопленных, способных к работе на шахтах. Причем указывалось, что все, без исключения, советские горняки, работавшие в любых местах использования военнопленных, должны быть направлены в соответствии со своей профессией в горную промышленность⁶. В начале июля 1943 г. началась акция под лозунгами «Забойщик» («Hauer») и «Горный мастер» («Stelger») в поддержку горной промышленности. Ее главная цель - вербовка рабочих среди советских военнопленных. Изменение обстановки и растущая потребность в рабочей силе вынуждали доставлять в третий рейх все большее число военнопленных. В октябре 1943 г. последовал новый приказ об обращении с пленными. В нем уже говорилось, что обращение с военнопленными, используемыми на работах, необходимо поставить исключительно в зависимость от того, чтобы добиться наивысшей производительности. О них надо не «заботиться», а обращаться с ними так, чтобы была достигнута требуемая цель. Само собой разумеется, что наряду со справедливым обращением сюда относится также и снабжение военнопленных продовольствием и одеждой⁷. Это не означало, конечно, что в отношении советских пленных были сделаны какие-то послабления. Каторжный труд оставался средством жестокой эксплуатации. Строго наказывались небрежность, леность, непокорность и малейшая провинность. Формы наказания были разные. Беспощадно подавлялось любое сопротивление. Сохранялась изоляция советских пленных от иностранных и немецких рабочих на предприятиях. Они носили одежду с отметкой «SU» и ходили сплоченными колоннами под надзором охранника или маленькими группами под надзором десятника.

По официальным данным, осенью 1944 г. в экономике «Великогерманского рейха» трудилось 7 906 760 иностранных гражданских рабочих и военнопленных из 26 стран. Из них 2,8 млн. - из Советского Союза⁸. Более одной пятой всей имеющейся в распоряжении рабочей силы

были иностранцы. Из этого числа 45% работали в промышленности и 34% - в сельском хозяйстве. На многих военных предприятиях их было более половины коллектива, а в отдельных случаях даже 90% непосредственных рабочих на производстве⁹. Положение русских пленных было намного хуже, чем французских, бельгийских и голландских. Несомненно, советские пленные представляли для германского хозяйства выгодную рабочую силу. Рабочий день продолжался 10 - 12 часов с полчасовым перерывом пополудни, а начинался обычно в 5 часов утра. Платили им мизерную зарплату. Из 3,16 рейхсмарок, которые расходовались ежедневно на них, пленные получали, как правило, 0,20 рейхспфеннига, так называемые «лагерьгельд» - лагерные деньги, значительно меньше всех других пленных. Они могли их тратить только на территории лагеря. На эти обесцененные деньги пленные едва ли могли что-либо купить в ларьках, специально оборудованных для них. Только в октябре 1944 г. «лагерьгельд» были отменены и заменены нормальным платежным средством. По воспоминаниям самих пленных шталага 326, никакой оплаты труда вообще не производилось.

В период своего создания шталаг 326, видимо, больше трудился на себя. Настоящие функции штамлагеря он исполнял только в исключительных случаях и скорее служил в качестве дулага для приема, регистрации и «отбора» советских военнопленных. Они оставались там, как правило, несколько недель, проходили дезинсекцию, обследование на инфекционные болезни, а затем их передавали на работу в другие шталагы VI военного округа, чаще в шталаг VI А Хемер. В ноябре 1942 года руководство горной промышленности добилось от ОКВ переструктуризации системы военнопленных в VI военном округе. Шталаг VI А Хемер был объявлен как «особый лагерь рядового состава для горной промышленности» и «исключительно для приема советских военнопленных, отобранных для горной промышленности в шталагах 326 (VI K), VI D, VI F и VI J». Шталаг 326 (VI K) также получал новые функции. В VI военном округе он стал центральным приемным лагерем для всех советских военнопленных, предназначенных для Рурской горной промышленности. Пленные стали прибывать в лагерь в большом количестве. С 1943 г. шталаг 326 становится фактически «лагерем русских военнопленных», за исключением нескольких тысяч французских, бельгийских и итальянских пленных. В качестве примера можно привести такой случай. Он произошел в октябре 1941 г. На горный край Липпе обрушился снег и начались морозы. Нужно было спасать картофель, сахарную свеклу и брюкву. Казалось, что дело почти безнадежное. Удалось спасти урожай только потому, что на его спасение были брошены транспорт-

ные средства и огромное количество русских пленных. Ежедневно на эту акцию шталаг выделял 600 человек.

1 сентября 1942 г. шталаг 326 получил собственный рабочий округ. Он охватывал правительственный район Минден и край Липпе, включал в себя рабочие команды, разбросанные по краю. Это составляло около 12 тыс. пленных разной национальности. 4 сентября новым комендантом шталага 326 (VI K) был назначен полковник Эйлер¹⁰. С 1942 и до конца 1944 г. судьба шталага 326 определялась как поставщика огромной массы пленных для Рурской угольной и металлургической промышленности. До весны 1942 г. эту задачу он выполнял вместе со шталагом VI C. Кстати, в конце 1943 г. в шталаге 326 появились итальянские пленные. Число их быстро росло. Если 1 декабря 1941 г. насчитывалось 1 959 человек, то 1 апреля 1944 г. - уже 2 914, а 1 июля того же года - 3 073¹¹. Для них шталаг 326 служил также приемным лагерем и выполнял функции дулага для дальнейшей передачи в шталаг VI A Хемер. В этой связи хотелось бы отметить, что в лагере Хемер больше всего было советских, французских и итальянских военнопленных. Самая высокая цифра русских пленных падает на 1 ноября 1944 г. - 99 440 человек. В декабре того же года их насчитывалось уже 97 047. Французских пленных было в декабре 1941 г. 24 616 человек, в декабре 1944-го - уже 4 089. Итальянских пленных в декабре 1943 г. насчитывалось 12 369 человек, в декабре 1944 г. - 510, бельгийских пленных в мае 1943 г. было 1 430, в декабре 1944-го - 1 205 человек¹².

Как показывают материалы, значительное большинство советских военнопленных не выдерживало жестокой эксплуатации на Рурских шахтах, учитывая страшное недоедание, тяжелый труд (11 часов в день) и плохие условия размещения. Сколько умерло пленных после нескольких недель или месяцев такой жизни, сказать трудно. Только с 1 июля по 10 ноября 1943 г. в угольной промышленности Рура умерло 27 638 пленных¹³. Среди пленных направляемые на работу в угольной промышленности считались смертниками. Труд на заводе не мог сравниться с работой в шахте, с ее вечной чахоточной сыростью и звероподобными надсмотрщиками, специально набираемыми из уголовников¹⁴. Например, смертность среди пленных в шталаге 326 (VI K) доходила в ноябре 1942 г. до 140 человек в день, более, чем зимой 1941/42 г.¹⁵ В шталаге Хемер в среднем ежедневно умирало по 100 пленных¹⁶. Самая высокая квота смертности падает на советских пленных. Многие из них заболели туберкулезом и отправлялись в эпидемиологический лазарет Штаумюле, где немногим удавалось выжить. Вот как описывает работу в шахтах бывший пленный Ю.М. Рыбников. После недолгого пребывания в шталаге 326 его отправили в шталаг VI A Хемер, а затем в рабочие

лагеря в г. Моёрс (шахта 4 R) и г. Ботроп (шахта № 2). Труд на шахтах, вспоминает Рыбников, был очень тяжелым, а питание отвратительное. Он работал в так называемом «русском забое». Штейгером (горным мастером) был старый и страшно злой немец. Он всегда ползал по забою с рейкой, бил работающих пленных, при этом кричал: «los, los» (давай, давай!). Среди надсмотрщиков был один немец, звали его Чипс. Это был зверь, а не человек. Всегда подбирался к пленным незаметно и бил зазевавшихся. Однажды он вместе с еще двумя немцами избил Рыбникова до полусмерти. Друзья по команде вытащили на поверхность и не надеялись, что он выживет. Пленным шахтерам устанавливали такую норму выработки, которую удавалось выполнить лишь на 50 - 70%. Конечно, были пленные, выполнявшие ее на 100% за дополнительную похлебку, но таких было мало. Рыбников приводит печальные стихи, посвященные пленным шахтерам. Он записал их в апреле 1945 г. и сохранил на всю жизнь. Чувствуется, что писал человек, сам испытавший на себе все тяготы и мучения «подземки».

➤ **Погибшему**

*Пахнет газом в угольном забое,
Там стучит отбойный молоток.
Кто-то тихо плачет от побоя,
Чей-то льется слабый голосок.
Плачет пленник слабый, изнуренный
От побоев немца-палача.
Немец злой, как деспот разъяренный,
Часто бьет беднягу сгоряча.
И сидит бедняга на коленях,
Все лицо измазано в крови,
Он в лохмотьях, грязный, на коленях
И весь черный - в угольной пыли.
Он не может слабыми руками
Эти камни тяжкие носить.
Посмотрите на него вы сами -
На ногах бедняга чуть стоит.
Кто его, страдальца, приласкает
И отпустит на родной восток,
Даже мать родная не узнает,
Что в плену погиб ее сынок.
И в печали буйной и мятежной
Не узнает мать о том, где он, может, похоронен...*

На этом стихи, к сожалению, обрываются.

Такой же рассказ о работе в шахте оставили Н.И. Носов и Н.Ф. Колин. Из шталага 326 Колина и других пленных в январе 1944 г. отправили в г. Гюльц на работу в шахту. Кормили плохо, пленные трудились по 8 - 9 часов, за малейшую провинность их жестоко наказывали. Основным наказанием, например, было стояние на табуретке с бревном на плечах в течение 30 - 40 минут. Не все, конечно, могли выдержать такую форму наказания и падали на асфальт. Бывало и такое. На той же площадке стояла скамья, на нее ложился военнопленный, обнажая спину, а затем его били резиновым шлангом столько, сколько прикажет офицер. Исполнял всю эту унижительную процедуру русский полицаи. Потерявших сознание обливали водой. От таких издевательств были и смертельные случаи.

После предоставления шталагу 326 собственного рабочего округа он превратился в сеть рабочих команд для округа. Пленных брали на работу различные предприятия, фирмы, учреждения Херфорда, Падерборна, Билефельда, Лемго, общины, лесное управление Липпе, частные лица, местное крестьянство всех уровней. Много пленных работало на фабриках, железной дороге местного значения, во дворах и на полях крестьян. Они охотно шли туда. Если пленные оставались на ночь, их неплохо размещали и кормили. Некоторые фирмы в районе Штукенброка после перевода их продукции в военную промышленность нуждались в дополнительной рабочей силе. Речь идет о десятках предприятий, куда направлялись пленные. Комендант лагеря был рад, что предприятия и фирмы берут на себя часть забот о пленных. Поскольку питание советских военнопленных было плохое, там, куда их брали на работу, они получали дополнительное питание, восстанавливая таким образом свои силы. Имеются любопытные сообщения, в которых тот или иной руководитель высказывает мнение о работе «своих пленных». Так, в мае 1943 г. руководитель лесного управления Липпе информировал, что теперь производительность советских пленных удовлетворительна. И добился он этого только благодаря использованию всех возможностей, чтобы они достаточно питались. Желание русских пленных трудиться почти во всех случаях хорошее¹⁷. Аналогичные сообщения поступали из главного филиала СД Билефельда в Берлин. В одном из них приводились высказывания руководителей двух предприятий: Бентелер-верке и мебельной фабрики Хенрихсмейер (Хёфельхоф). Первый констатировал, что на его заводе работает 260 советских пленных, которых охраняют 15 человек. Результат работы удовлетворительный. Однако неко-

торые пленные настолько слабые, что падают во время работы. Относительно охраны он сообщал, что она состоит не из лучших солдат, которые не считают своим долгом наблюдать за трудовыми достижениями и при этом полагают, что они исполняют чисто военный надзор¹⁸. Второй руководитель отмечал, что на мебельной фабрике занято 100 советских пленных. Состояние питания и производительность труда удовлетворительные¹⁹. Хотя в том же сообщении говорилось, что среди населения преобладает мнение: «Палка часто делает среди русских пленных чудеса».

С целью обеспечения контроля над военнопленными в рабочих командах руководство шталага уведомляло компетентные полицейские органы о каждой новой организации, где трудились пленные, о каждом распоряжении рабочих команд с соответствующим трех или четырехзначным номером. Например, в г. Херфорд и районе Виденбрюк рабочие команды имели трехзначные номера, остальные - четырехзначные, начиная с 1 000. Летом 1944 г. в Липпе было 14 рабочих команд с общим числом 718 советских пленных, 4 рабочие команды с числом 186 французских военнопленных и 6 рабочих команд с числом 263 итальянских пленных. Все эти военнопленные подчинялись шталагу 326²⁰. Биржа труда Детмольда в своем обзоре за 11 августа 1944 г. сообщала, что рабочая команда № 1302 из 125 человек работает на фирме «Гевтобургский фанерный завод». Такие рабочие команды с различным числом пленных находились в Лемго, Бломберге, Детмольде, Бад Зальцуффелене, Хёфельхофе при заводе Геа (Geha), в замке Нейхауз, Херфорде и других местах, трудясь на различных объектах²¹. Из шталага рабочие команды направлялись в Эльзас и Лотарингию, на западную границу Франции строить укрепления. Как вспоминает Н.И. Носов, он в составе рабочей команды работал близ г. Мец на разборке печально знаменитой линии «Мажино», металл грузили в вагоны и отправляли в Германию. Рейху нужен был металл. Работа была каторжной: от темна до темна. Спали в том, в чем трудились. Одеты были в старую немецкую форму, на спине пиджака большими буквами было написано «SU». На ногах деревянные колодки. Вшей не было. Одежду сильно прожаривали как в шталаге, так и в рабочих командах. Затем его отправили на шахту в г. Минден. Спустя какое-то время работал на военном заводе. В целом же жизненные условия военнопленных в рабочем округе шталага 326 (VI K) были очень жесткими, но, по меньшей мере, они гарантировали существование в рабочих командах. Их положение и питание было намного лучше, чем в шталаге. Правда, пленных могли снять с места работы и отправить трудиться в горную промышленность, что означало для большинства больных верную смерть. Летом 1944 г., вспоминает

А.С. Васильев, когда по Германии прокатилась волна новой «тотальной» мобилизации, в Штукенброке перечистили лагерный ревир. Из признанных «годными к труду» доходяг сформировали несколько «рабочих команд», в одну из которых попал и сам Васильев²². Здесь следует отметить, что трудовые отношения в лагерях оформлялись между шталагом и работодателем, а не между пленным и работодателем. Таким образом, советский военнопленный, как правило, не получал трудового вознаграждения. За труд советских пленных в сельском хозяйстве работодатель обязан был отчислять в шталаг за рабочий день 0,54 рейхсмарки. Общины и промысловые работодатели платили шталагу 0,80 рейхсмарки. Сами советские пленные, как уже указывалось выше, не получали даже «лагерные деньги». В конце марта 1945 г., с приближением фронта, рабочие команды шталага 326 (VI К) были распущены, а военнопленных отправляли обратно на восток, на последний «марш смерти», в еще не оккупированную часть Германии.

Хотелось бы привести еще несколько эпизодов из трудовой жизни советских пленных в шталаге 326. Первый эпизод взят из воспоминаний Д.Б. Старикова о работе в отделе по вопросам труда. Сам Стариков работал лагерным писарем. С ним трудились еще 4 пленных. Стариков хорошо владел немецким языком и возглавлял группу пленных в этом отделе. Они заполняли карточки военнопленных во время их медицинского обследования. После обследования по указанию немецкого врача в карточке обязательно указывалась определенная группа: 1) «физически здоров», чтобы затем отправить его работать в угольную или металлургическую промышленность; 2) «физически здоров, но уже пожилой», его могли послать трудиться на фабрику; 3) «слабый и больной», которых отправляли преимущественно на сельхозработы²³. Помимо заполнения карточек, группа Старикова занималась сбором карточек, их сортированием по различным группам, проверкой и передачей немецкой машинистке-стенографистке для переписки на отдельные листы, предназначенные для различных команд. Проверка правильного заполнения карточки состояла в том, чтобы данные о пленном совпадали с главной картотекой, после определения места работы и отправки надо было сделать соответствующую пометку. Поэтому Д.Стариков в рамках своих полномочий мог изменить штамп о состоянии здоровья того или иного пленного и помочь таким образом получить более легкую работу. Старикову немцы доверяли, и он мог поставить вместо первой группы вторую или третью. В итоге пленных отправляли на работу в сельское хозяйство, где питание было лучше и сам характер работы иной, чем в шахтах и рудниках. Стариков вспоминает, что на первых порах, проделывая такие операции, он испытывал страх и не говорил об

этом своим товарищам. Лишь когда узнал их лучше, открыл им свою «тайну». К счастью, он нашел в них своих помощников. Эти были писари И. Горченков, А. Барышев и Л. Куценалов²⁴. В своей книге «Мемориал» писатель А.С. Васильев очень высоко и с благодарностью отзывается о Д. Старикове и А. Барышеве. Оба помогали простым и честным людям выжить в этом аду. Скольких они спасли от шахт и застенков абвера и гестапо! Ежедневно, рискуя жизнью, эти писари и мужественные люди обманывали своего «шефа», тайно заменяя лагерные номера и списывая в умершие приговоренных к каторжным работам или тюрьме. Какие только манипуляции они не проделывали с карточками. Многих они спасли от уничтожения, идя на риск, маскировали в общей массе людей, в графе «военное звание» аккуратно счищали надпись, допустим «полковник», и писали «рядовой» или «сержант»²⁵. Г.А. Хольный, отдавая должное мужеству Д.Б. Старикова, вспоминает, что для многих он стал «судьбоносцем». Одним Стариков помогал выжить, другим - мешал. Он «испортил жизнь» многим полицаям, потенциальным власовцам: их карточки неизменно оказывались среди тех, по которым составляли списки для отправки на шахты. Благодаря Д. Старикову, на Г. Хольного и М. Розанцева были составлены новые карточки, а старые, «компрометирующие», просто «затерялись». Стариков сделал их «крупными специалистами» огородного хозяйства, определил в огородную команду, работавшую за оградой основного лагеря. Появилась возможность организовать очередной побег.

Два следующих правдивых эпизода описывает В.С. Сильченко. Мы уже упоминали, что советские офицеры привлекались к самым тяжелым работам и отношение к ним было жестоким. Это мотивировалось тем, что советские офицеры якобы лишены малейшей традиции, выправки, образования и знаний, и не выделяются из массы красноармейцев. Поэтому нет причин обращаться с ними лучше, чем с нижними чинами других армий. Так вот, в 1944 г. офицеры из блока № 3 организовали голодную забастовку и не вышли на работу в знак протеста против принудительного труда и голодного пайка. Около двух суток они подвергались истязаниям. И тем не менее после этого случая немцы были вынуждены улучшить рацион питания²⁶. В декабре 1944 г. на строительстве военного объекта офицеры под руководством старшего лейтенанта Г.М. Иванова вновь отказались работать. Сначала конвоиры пытались заставить их трудиться с помощью угроз, но безуспешно. Затем решили расправиться с ними. Их избивали прикладами винтовок и палками, кололи штыками. 80 пленных были жестоко избиты²⁷. Иванов в тяжелом состоянии был доставлен в лазарет. Несмотря на это, немцам не удалось заставить работать оставшихся пленных. В.Г. Шеломов, пробывший в

шталаге 326 десять месяцев, отмечает, что ему и другим узникам приходилось трудиться вместе с французскими пленными, и те немного подкармливали русских пленных. Французы получали посылки по линии Красного Креста. Хорошие были взаимоотношения, констатирует он. При этом Шеломов вспоминает такой случай. Команда из 100 человек, куда входил и он, обслуживала лагерь, разносила бачки с баландой, работала на станции на разгрузке картофеля, свеклы и других овощей. Перебирая как-то картофель и выбрасывая гнилой, Шеломов, как только полицай отворачивался, брал картошину, обтирал о шинель и совал в рот. Если полицай замечал, то крепко бил плеткой.

В конце главы хотелось бы сказать об особом строительном и рабочем батальоне 106 Штаумюле (Ban- und Arbeitsbataillon- BAV, или БАБ). Он находился на полигоне в Штаумюле и формировался согласно приказу от 1 октября 1941 г. большей частью из пленных шталага 326. Осенью 1941 г. в VI военном округе было пять таких особых подразделений, и использовались они в различных ситуациях. Место расположения постоянно менялось, и при необходимости их передавали даже в распоряжение соседнего военного округа. Сначала БАБ 106 имел место дислокации в г. Падерборн. 13 октября 1942 г. впервые появляется обозначение «Штаумюле - лагерь» как место расположения батальона 106. На 1 января 1942 г. в нем насчитывалось 1 428 военнопленных. В последние месяцы количество пленных в батальоне колебалось от 1 100 до 1 500. Штатный состав 1800 человек так и не был достигнут за все время его существования²⁸. В начале 1945 г. штаб БАБ был переведен из Штаумюле в так называемый «Эмслагер» (Emslager). В последние дни войны название батальона было «Хёфельхоф Эмслагер». Три роты находились в границах VI военного округа. Они включали 13 рабочих команд, которые распределялись по всему военному округу, четыре из них были сосредоточены в районе Зенне-лагерь. Учитывая особые трудовые условия, БАБ 106 был необычайно мобилен, выполняя специальные задания вермахта и быстро устраняя повреждения от бомбардировок английской и американской авиации. Военнопленные БАБ 106 имели большую свободу передвижения, чем основная масса пленных шталага 326, да и питание было немного лучше. Трудно говорить о каких-то особых условиях их жизни. Военнопленные батальона, умершие в Зенне, также похоронены на советском солдатском кладбище в Штукенброк-Зенне.

ГЛАВА VII.

ПОБЕГИ. СОПРОТИВЛЕНИЕ

До конца войны проблема бегства военнопленных оставалась серьезной для вермахта, полиции, жандармерии, органов имперской безопасности и гражданского населения. Согласно Женевской конвенции, побег из плена не должен был вызывать жестоких репрессий, если беглеца ловили. Но только не для советских военнопленных писалась эта конвенция. По убеждению И.А. Дугласа и Ф.Я. Черона, побег - вынужденный опасный поступок, даже акт отчаяния, на который решались далеко не все¹. Каковы же причины, вынуждавшие военнопленных совершать побег, или как мотивировали побег сами пленные? Как реагировали на них ОКВ, служба безопасности и немецкое население?

Судя по документам и мемуарной литературе, можно выделить несколько главных причин. Прежде всего, это жизненные условия военнопленных, то есть ситуация с питанием, размещением, обхождением, а также условия труда в лагерях и на рабочих объектах. Голод был решающим фактором для побегов. Как уже отмечалось, крайне плохая ситуация с питанием относилась не только к зиме 1941/42 г., но и почти ко всему периоду войны. Только летом 1944 г. питание советских военнопленных было приведено в соответствие с питанием пленных других национальностей. Можно констатировать, что советские военнопленные на свои жизненные условия всегда реагировали попытками бегства. Побег с крестьянских дворов, где питание, как правило, было лучше, происходили значительно реже. Пленные охотнее шли работать на село: там они лучше питались. Побег происходил тогда, когда пленные узнавали, что их временное пребывание на селе скоро закончится и они должны вернуться в рабочие команды, направляемые в промышленность. Эта тенденция наблюдалась биржей труда за граница/абвер много месяцев и констатировалась весной 1943 г.² Особенно много попыток

бегства, краж со взломом в поисках продуктов питания, обуви и одежды было совершено осенью и зимой 1941 г.

Возможности побега возникли после расширения фронта работы для шталага, прежде всего во время рабочего времени из рабочих команд. На эту возможность, кстати, указывало командование VI военного округа в сентябре 1942 г. Если к маю 1942 г. случаи побегов с рабочих мест от общего числа побегов составляли 45% в месяц, то в августе того же года они увеличились уже до 67%. Побег с рабочих мест были более легко осуществимы, чем из самого лагеря, убежать из которого было невероятно трудно. Хотя и такие случаи были. Лагерь, как уже упоминалось, был обнесен двойной изгородью из колючей проволоки, к тому же ночью освещенной. Это ограждение затем было внутри усилено дополнительной проволокой, которую пленным в случае побега было трудно преодолеть.

К причинам побегов исследователи относят постоянные бомбежки английской авиацией. Они представляли для пленных опасность и были сильным физическим и психологическим напряжением, а наряду с плохим питанием воздействовали на общую жизненную ситуацию.

Особое влияние на поведение и настроение военнопленных оказала Сталинградская битва и грандиозная победа в ней Красной Армии. До этого среди пленных было широко распространено мнение, что Германия выиграет войну против СССР. Теперь возникла надежда на победу Красной Армии над жестоким врагом³. Кстати, для большинства немцев после Сталинградской битвы стало ясно, что Германия войну проиграла. Многие стали задумываться о предстоящей расплате за содеянное ими лично или Гитлером. Следует отметить, что советские военнопленные были хорошо информированы о ходе войны, многочисленные разговоры и слухи среди них влияли на поведение. Вторым крупным событием после Сталинграда, принципиально повлиявшим на настроение военнопленных, было вторжение союзнических войск в Нормандию в июне 1944 года. Увеличилось количество побегов, поведение на работе стало недисциплинированным. Эвакуация лагерей военнопленных внутри рейха, особенно в начале 1945 г., также была использована для побегов.

Нельзя исключить патриотический мотив побегов военнопленных, чаще с объектов военной промышленности, связанный с убеждением, что они работают на страну, армия которой напала на их родину, разрушает города и села, опустошает поля, уничтожает женщин, детей и стариков⁴.

По мнению Сильченко, большинство попыток бегства закончились неудачей. Пойманных жестоко били, бросали в лагерную тюрьму или отправляли в концлагерь⁵. Многие погибли. О дерзких побегах совет-

ский военнопленных из лагерей и рабочих команд постоянно сообщалось в газетах и еженедельных журналах. В некоторых сообщениях были фотографии, имена и годы рождения бежавших. О побегах немедленно извещалось руководство полиции, соответствующего округа, а также ближайший полицейский пункт. В особых случаях, например при массовом побеге или при волнении и саботаже, могли быть вызваны на помощь жандармерия или полиция. Возросшее число побегов вызывало беспокойство официальных властей. Чтобы облегчить опознание советских военнопленных и их возвращение, ОКВ в распоряжении от 16 января 1942 г. приказало клеймить пленных на левом предплечье. Другим распоряжением - от 20 июля того же года ОКВ приказывало ставить клеймо даже на ягодице, на расстоянии «примерно шириной в ладонь от заднего прохода»⁶. Несмотря на это побеги продолжались и непрерывно росли. По законам военного времени любой, бежавший из плена, считался преступником. Военнопленные это знали.

Чтобы понять проблему побегов, приведем несколько фактов и цифр. В сентябре 1942 г. ОКВ сообщало о числе бежавших за определенный период времени⁷:

	Офицеры	Унтер-офицеры и солдаты
В августе 1942 г. бежали	441 (285 советских)	14 142 (5110 советских)
Из числа бежавших вернули	142 (38 советских)	9762 (2336 советских)
Общее число военнопленных, бежавших успешно с начала войны в зоне ОКВ	1175 (678 советских)	77628 (35208 советских)

Подсчитано, что в среднем ежемесячно с начала войны успешные побеги в зоне ОКВ совершили примерно 2 400 советских пленных. По другим данным, только с 1 сентября 1942-го по 30 апреля 1944 г. предпринято 30 808 удачных попыток бегства. Это соответствует среднемесячной оценке 1 500 бежавших⁸. По утверждению известного немецкого историка У. Херберта, число побегов с осени 1943 г. примерно составило 45 000 в месяц⁹, и они стали опасной проблемой для государства. Побеги наносили вред военному хозяйству Германии. Общее же число бежавших советских военнопленных составляет, по одним данным, - 400 000 человек, по другим - 500 000¹⁰. Точная цифра, как видно, не установлена. Тем не менее по числу распоряжений ОКВ и имперских органов безопасности можно приблизительно предположить, что в ходе войны обнаружилась тенденция постоянного роста числа побегов. ОКВ

и Гиммлер были сильно встревожены подобным развитием событий и остро реагировали на это. Они принимали меры, чтобы воспрепятствовать побегам. Кроме того, нацистское руководство испытывало страх перед политическим влиянием военнопленных на немецкое население¹¹.

22 сентября 1942 г. ОКВ издало секретный приказ о побегех¹². В нем говорилось, что ежедневно из-за побегов теряется около 620 000 рабочих часов, а на большом пространстве рейха шатаются без надзора сомнительные элементы и причиняют огромный вред. На основе оценок всех происшедших побегов ОКВ составило каталог мер с целью воспрепятствовать дальнейшим побегам:

- охранникам чаще использовать огнестрельное оружие в отношении беглецов;
- чаще осматривать места расквартирования военнопленных, при этом не делать различия между жильем офицеров и рядовых;
- пленным запрещалось присваивать нужные для побега инструменты, предписывалось непосредственно после окончания работ сдавать ручные инструменты лагеря;
- с целью ужесточения контроля за настроением пленных требовалось усилить почтовый надзор.

В заключении приказа настоятельно указывалось на то, что в отношении советских военнопленных, в отличие от пленных других национальностей, при попытке бегства стрелять без предупреждения. Приказ требовал от солдат и чиновников, связанных с системой плена, ответственно и серьезно исполнять свой долг.

Руководство военных округов также принимало меры для предотвращения случаев побега и саботажа. Пленным, например, запрещалось иметь немецкую и иностранную валюту. Они носили только свою одежду, гражданская запрещалась, которая, включая рабочую, была помечена большими буквами «SU» белой масляной краской. Ночью пленным запрещалось работать, чтобы предотвратить побеги и саботаж.

Несмотря на принятые меры, число побегов росло. Исходя из этого, в декабре 1942 г. Гиммлер издал распоряжение, в котором выражалось опасение нацистского руководства в связи с растущим числом побегов, опасность угрожающая общественной безопасности. Нельзя исключить также и опасность создания банд из бежавших военнопленных. Поэтому, говорилось в распоряжении, каждый, будь то служащий, солдат или рабочий вспомогательной службы, должен участвовать в розыске бежавших пленных. Каждый должен осознать, что любой беглец означает помощь вражеской военной и экономической силе, а его потеря в рейхе вредно действует на продукцию военного характера. К тому же любой удачный побег может служить примером для других рабочих или воен-

нопленных. В рамках так называемого «боевого розыска» («Kriegsfahndung») Гиммлер потребовал от сил порядка запланировать срочные и усиленные меры по розыску военнопленных. В силу этого дополнительно в каждом военном округе 20 мужчин, бывших участников первой мировой войны, 1896 - 1899 годов рождения, призывались на караульную службу. К розыску должны подключиться гестапо и полиция. В особых акциях поиска должны участвовать члены нацистских организаций. В рамках «боевого розыска» проводился так называемый «поперечный розыск» («Riegelfahndung»), инициированный самим Гиммлером. Кроме того, при управлении Имперской криминальной полиции был образован «центр боевого розыска», служащий для координации всех мероприятий по розыску бежавших пленных, особенно офицеров. В «центре» собирались анкетные данные, фото и отпечатки пальцев всех пленных офицеров, представлявших большой потенциал сопротивления¹³.

Много побегов было совершено летом 1942 г. из рабочих команд шталага 326. Охране было дано указание: в беглых советских пленных стрелять без предупреждающего окрика и выстрела. За первый побег (если не было отягчающих обстоятельств) отправляли, практически бессрочно, в штрафную каторжную команду, за второй - полагался расстрел. Использовался любой случай к бегству, как правило спонтанно и без большой подготовки. Конечно, были случаи, когда побег заранее готовился, особенно групповой. Безусловно, он в чужой стране был сопряжен с огромными трудностями: питание, незнание языка, без денег, как избавиться от лагерной одежды, отсутствие гражданской. Пленные плохо знали страну, местность и людей. Для того чтобы бежать, нужно было обладать и другими качествами: смелостью, навыками ориентировки и хотя бы относительным здоровьем и физической выносливостью. Поэтому побеги на длинные расстояния, вплоть до своей родины, были почти исключены. Многие из них уже через несколько дней или недель были снова пойманы. Кстати, сами пленные считали попытки бегства одной из активных форм сопротивления и протеста против их угнетения и унижения. Часто униженные, отчаявшиеся пленные совершали самоубийства.

В воспоминаниях самих пленных приводятся многочисленные драматические и трагические случаи побегов. По словам В.С. Сильченко, из трудового лагеря в Билефельде бежали офицеры Г. Иванов, И.В. Мамонтов, Д.Б. Стариков. Из лагеря 326 совершили побег лейтенант В. Шиманский, старший лейтенант В. Касаткин, врачи Н. Асонов и А. Курбатов. Вскоре все были пойманы. Трагически закончился побег И. Егорова. Он был ранен, в тяжелом состоянии отправлен в лазарет, а

затем в тюрьму. Там Егоров и умер. В марте 1944 г. старший лейтенант М.А. Авилов, лейтенанты А.В. Иваницкий и Е. Бояркин, младшие лейтенанты В. Коробков и П. Сметанин за пропаганду и подготовку побегов были отправлены в концлагерь Бухенвальд. Н.И. Аллянов после второго неудачного побега оказался в лагерной тюрьме, побывал в руках гестапо, а в декабре 1942 г. был отправлен в концлагерь Бухенвальд. Чудом остался в живых.

Интересные факты приводит в своих воспоминаниях М.А. Кришнов. Он пишет о побегах пленных из лазарета Штаумюле. Осенью 1943 г. был совершен групповой побег медицинского персонала. Он был хорошо подготовлен, продуман и совершен во время обеда караульных. Это был отважный побег, проведен необычно быстро и неожиданно. Побег был обнаружен охраной не сразу, а только в часы вечерней проверки. Как констатирует Кришнов, побег был подготовлен «посвященными патриотами нелегальной работы»¹⁴. Аналогичный побег из лазарета во время обеда, среди белого дня, совершил Г. Орлов. Из самого лагеря, пройдя колючую проволоку, бежали врачи П. Злобин, В. Сайко, политофицеры Г. Кузьмин, Н. Чернышев и другие. Кришнов полагает, что бежало 10, а может и больше человек. Фамилии многих он уже забыл¹⁵. Через два месяца часть бежавших была схвачена, и они оказались в тюрьме лагеря 326. Затем их зверски избили. Палками был насмерть забит В. Сайко. Часть бежавших вернули в Штаумюле, где их так же жестоко избивали. Позднее некоторые из бежавших были отправлены в шталаг Хемер¹⁶. Несмотря на жестокость и грубость караульных, побег продолжались группами по 2-3 человека. С ростом попыток бегства немцы вынуждены были увеличить вдвое число караульных.

Весьма драматически выглядит история побегов В.И. Шиманского и его друзей. Первый побег Шиманский и Дорошенко совершили в апреле или мае 1943 г. из рабочего лагеря, оттуда легче было бежать. Побег готовился: были найдены карта Вестфалии, компас и две пары обуви¹⁷. Через неделю беглецов схватила полиция, доставила в гестапо, где их допрашивали. Им пришлось врать, доказывая, что они гражданские лица, перемещенные в Германию. Свои фамилии они исказили. Поверили ли в гестапо, Шиманский не знает, но факт тот, что они остались живые и их отправили на работу к крестьянам¹⁸. Второй побег совершили уже вдвоем с полевых работ: Шиманский, Дорошенко, и Я. Филатов. На следующий день на станции Нортхайм они натолкнулись на транспортную полицию. Дорошенко был схвачен. Шиманскому и Филатову удалось убежать под покровом ночи, хотя по ним был открыт огонь. Через несколько дней и они попали в руки ночной охраны и были отправлены

.....
в г. Гёттинген. Допрашивали в гестапо, где их сильно били палкой. Через две недели беглецы оказались в международном штрафном лагере Lahde (лагерь трудового воспитания), расположенном недалеко от сегодняшнего г. Петерсхаген. Как пишет Шиманский, в течение месяца они работали в каменоломнях в нечеловеческих условиях. Их сильно избивали, над ними издевались. Затем его и других пленных перевели в штрафной лагерь под Хильдесхаймом. Режим был в нем терпимым. Через неделю их послали работать на маленькое деревообрабатывающее предприятие в городок Lamspringe, где он снова встретился с Дорошенко. Третий, успешный, побег Шиманский и его друзья совершили в апреле 1945 г., через день после побега попали к американским солдатам, где и были освобождены. Так удачно закончились их приключения. Они вернулись в освобожденный лагерь 326 и в мае англичанами были переданы советскому командованию. В течение месяца проходили тщательную проверку, а затем вновь служили в Красной Армии, в 71-м строительном отряде в Берлине¹⁹.

В воспоминаниях бывших пленных отмечается, что весной 1945 г. совершить побег было легче. Многие из них оказались удачными. Бежали на запад, навстречу американским войскам. Американские солдаты приветливо встречали беглецов, относились к ним доброжелательно, дружески, хорошо кормили, одевали. Кстати, американцы вели агитацию среди советских военнопленных остаться на Западе, предупреждая, что их ждет на родине. В феврале - марте 1945 г., пишет Б.И. Кондрашов, всех пленных 9-го бокса СС было решено первыми эвакуировать из лагеря. В пути погибло 10 человек, в том числе четверых застрелили в лесу. Они не могли идти. Еще один военнопленный был убит при попытке побега. Самому Кондрашову и двум его товарищам побег удался, и они вышли на американских солдат. Те уже в местечке Леопольшталь собрали около 200 бежавших пленных. Из лагеря 326 бежали и тогда, когда он был, по сути дела, в руках самих военнопленных. По свидетельству И.Я. Жолобова, 1 апреля 1945 г. группа из 20 человек совершила побег из шталага, разоружив конвоира.

Хотелось бы остановиться еще на одной, весьма примечательной, истории побегов. Речь идет о Георгии Хольном. В лагере 326 он был известен под именем лихой «Жорка-Беглец», или «Жорка-Счастливчик». О том, как готовились и совершались им побеги, частично он рассказал сам в своей рукописи. Его судьба похожа на судьбы многих других военнопленных. Хольный попал в плен в августе 1941 г. в районе Смоленска, когда дивизия, в которой он воевал, попала в окружение. Тяжелые бои, контузия и плен. Временный лагерь военнопленных под Рославлем. То, что он увидел и испытал в лагере, заставило его совершить побег,

связанный с большим риском. Однако Хольный вскоре снова оказался в плену. Это лагерь военнопленных в Вязьме, где ежедневно умирало по 20 - 30 человек. В лагере царил голод. Наблюдались случаи каннибализма, издевательства охранников. По утверждению Хольного, к весне 1942 г. из 80 тыс. военнопленных в живых осталось около 10 тыс. Затем военнопленных из вязьменского лагеря транспортировали в лагерь № 352 «Масюковщина» под Минском. В нем свирепствовали тиф и воспаление легких. Переболев, едва остался живой. Летом 1943 г. была попытка еще одного группового побега - неудачного. А затем в зарешеченных товарных вагонах отправили в Германию. Еще одна попытка бежать - из вагона. Неудачная. Через несколько дней эшелон прибыл на станцию Хёфельхоф. Так военнопленный Хольный оказался в шталаге 326 VI К.

Жажда свободы, вера в жизнь и конечную победу над фашизмом заставляли его рисковать. 20 октября 1943 г. Хольный и его друзья совершили побег из лагеря. Уже стемнело, заканчивалась работа пленных огородной команды, когда Г. Хольный, М. Розанцев, М. Груздев и Н. Езенов несли очередные корзины с мусором туда, где была куча компоста. поприветствовав по лагерным правилам встретившегося немца-охранника, обойдя компостную кучу и вывалив содержимое корзин, пленные увидели, что, если присесть, то куча скрывала их от охраны на вышке. Решение о побеге было заранее продумано. Было решено бежать, используя благоприятную ситуацию. Тем более неподалеку, за кустарником, начинался лес. Бежали дотемна. Как потом оказалось - через полигон для испытания танков. На ночевку забрались в самую чащобу лесную. Принимали все меры предосторожности, чтобы не оставить своих следов. Хватились их только после окончания работ, при пересчете огородной рабочей команды. Поиск с собаками не дал результатов. Бежавшие воспользовались порошком от вшей, и собаки не взяли след.

Однако через 10 дней свободы беглецов задержали на железнодорожной станции и определили в концлагерь «Дора», филиал концлагеря Бухенвальд. Там они работали на подземном заводе, который выпускал «оружие возмездия» - управляемые снаряды «ФАУ-2». «Пустить в утиль» - называли эсэсовцы отправку заключенного в Дору. Обращение с ними было бесчеловечным. Ежедневно умирали в среднем 200 человек. По далеко не полным данным, в Доре погибло 50 - 60 тыс. заключенных. И все же в этих нечеловеческих условиях находились люди, организовывавшие и участвовавшие в Сопротивлении: саботаж и побеги. Вскоре абвер «вычислил» Г. Хольного и М. Розанцева, из какого лагеря они бежали, и вернул беглецов в шталаг 326 для «окончательного расче-

та». После возвращения в лагерь комендант сказал оберполицая Сашке Рыжему: «Они больше не должны жить». И Сашка бил их зверски, бил шашкой плашмя: 25 ударов одному, 25 - другому, приговаривая: «Я знаю, что вы коммунисты». Вдруг он прекратил порку и, свалив обоих ударом ноги в зад, вышел из подвала, прокричав: «В баню их». И вдвоем мылись они в бане. А когда пришли в барак, там стоял двадцатилитровый кубель баланды. «Это вам от Александра Ивановича», - доложил полицейский. И баланда была не общая - поварская. Что это было со стороны Сашки Рыжего? Был ли его поступок только капризом сытого зверя или и в нем оставалось что-то человеческое?

Георгий и Михаил остались живыми, до смерти не добили. Потом был подвал штрафного шталага Хемер («Яма»), а затем - каторжный карьер в Изерлоне. Во время допросов один из охранников заявил Хольному: «Я заставлю тебя, студент, работать на фюрера как следует». И заставлял... Долго рубцы на спине не заживали. Благодаря стараниям друзей, вскоре Хольный и Розанцев «умерли» для штрафного карьера и оказались в Дортмунде в обычной рабочей команде. Вот эпизод из жизни в этой команде, рассказанный самим Хольным. На окраине Дортмунда стоял барак военнопленных, работавших на заводе «Клене». Неподалеку находилась небольшая молочная лавка. Ее хозяин - молочник договорился с охраной лагеря и каждый день передавал для военнопленных бидон снятого молока (часто оно оказывалось даже цельным). Это была большая помощь для обессиливших от голода и тяжелой работы людей. Через этого же молочника пленные получали немецкие газеты «для курева». В этих газетах на картах фронтов войны были сделаны пометки, согласно радио союзников. Трудно себе представить, как рисковал наш товарищ! Его звали Отто... Последний побег Хольным и его друзьями был совершен 20 марта 1945 г. из Дортмунда, во время очередной ночной бомбежки. Охрана попряталась в убежище, и совершить побег было уже не так сложно, как раньше. Он оказался удачным. Через десять дней, 29 марта, рано утром беглецы увидели на автобане белозвездные американские машины. Так, пришло долгожданное освобождение. Как пишет Хольный, каждый удачный побег - это личная победа пленного над врагом:

*Если, проволоку прорвав,
Ты совершил побег,
Значит - ты заслужил свободу,
Значит - ты человек!*

Свобода и человеческое достоинство имели для пленных глубокий смысл. Ради этого они рисковали и расплачивались жизнью. Конечно, из всего сказанного не следует, что пленные только и думали о побегах. Безусловно, нет. Многие из них не думали и не совершали побегов. Они даже не знали о каких-либо попытках к бегству других пленных. Это признают сами бывшие узники.

Едва сообщалось о случае побега, как местные органы власти сразу объявляли всеобщий розыск. Описывались точные данные беглеца, указывался номер его личного знака. Правда, пленные его выбрасывали. Полиция, члены «Гитлерюнгенд» специализировались на охоте за беглецами. Гражданское население относилось к ним крайне отрицательно и принимало участие в поимке советских военнопленных. Оно было напугано сообщениями о побегах пленных, особенно женщины и дети. Идя в лес или поле, они боялись встретить русского военнопленного. Эта опасность усиливалась через мощную пропаганду, оказывавшую влияние на настроение и сознание немцев. Когда появились первые сообщения о побегах русских пленных, это вызвало среди населения сильный страх, который обрастал слухами о зверствах, исходящих якобы от военнопленных. Такая атмосфера специально нагнеталась органами СД. С одной стороны, населению рекомендовалось опасаться бежавших русских пленных, с другой - оказывать помощь вермахту и органам безопасности в поимке военнопленных. К тому же население было запугано суровым наказанием за укрывательство. Наглядный пример. В начале августа 1941 г., после размещения первых советских военнопленных в лагерях рейха, комендант шталага 326 майор фон Падберг обратился к местному правительству Липпе с просьбой опубликовать в ежедневной прессе следующее сообщение: «Объявление. Органы власти просят гражданское население оказать помощь при задержании бежавших русских военнопленных. Немедленно привлечь также полицию и жандармерию или звонить по телефону». При этом указывалось, что любая помощь военнопленным строго наказуема. Население просили немедленно сообщать о любом случае побега пленных²⁰. Из этого объявления следует, что уже в первые недели пребывания в шталаге число побегов было достаточно большим, и это вынудило коменданта обратиться за помощью к местному правительству. Другой характерный случай описывает Б.И. Кондрашов. Во время воздушной тревоги из 9-го блока бежали двое военнопленных. Они сумели уйти от лагеря на 18 км. Затем немецкие охотники устроили облаву, и один из беглецов был убит, другого поймали и вернули в лагерь, но он был изрешечен дробью. Фамилия его была Чуб. Помощь населения при поимке бежавших пленных поощрялась. Сначала вознаграждение было назначено в 30 рейхсмарок, позднее

..... оно поднялось до 100 рейхсмарок. К сожалению, нам не удалось выяснить случаев помощи от немецкого населения бежавшим русским пленным. Немецкий историк У. Херберт высказывает мысль, что немецкое население едва ли проявило интерес к судьбе советских «унтерменшей», потому что «практика расизма стала их бытом и ежедневной привычкой»²¹.

* * *

Штамлагерь 326 был не только местом, где умирали, он служил не только в качестве дулага, но и местом борьбы. Ввиду специфических лагерных условий эта борьба приобретала форму Сопротивления. Правда, в 1941 г., в первые месяцы плена, у значительной части военнопленных развивалась депрессия, отсутствие воли к борьбе за жизнь. Голод, болезни, грубые издевательства, убийства, тяжелый труд, жизнь, постоянно висящая на волоске, неудачи на фронте вызывали уныние. Казалось – все кончено, для них нет спасения, так зачем дальше жить? Очевидно, что основная масса красноармейцев, очутившихся в плену, тяжело переживала трагедию своей судьбы. Плен посеял в душах пленных растерянность и неуверенность в своих силах.

Но в лагерь стали проникать слухи о победах Красной Армии под Москвой, Сталинградом, обстановка и сознание стали меняться. Если в 1941 г. лишь у одиночек возникала мысль о Сопротивлении, то в последующие годы об этом думали уже многие военнопленные. Они боролись за жизнь, чтобы выжить и спасти товарищей по несчастью, не теряя надежды на освобождение. Плен показал, что можно бороться с врагом в любых условиях.

Лагерное Сопротивление принимало различные формы, проходило в разных местах. Как правило, это были лазареты, больничные бараки, рабочие команды. К формам Сопротивления относились побеги пленных, чтение иностранных газет, слушание радио, помощь в лазаретах, акции саботажа, брак на производстве, аварии, помощь в виде продовольствия, поддержка при распределении на работу и объекты, агитация против вербовки военнопленных в армию Власова, подготовка к восстанию как наиболее развитая форма Сопротивления, захват лагеря. В западногерманской историографии употребляются два понятия Сопротивления: «Widerstand» и «Resistenz» («резистенц»). В них вкладывается различный смысл. По мнению историка Ё. Остерлоха, понятие «Resistenz», возникшее в дискуссии историков ФРГ по проблемам Сопротивления, из-за своей установки кажется трудно переносимо на военнопленных и насильственно угнанных. В этом подходе недостаточно принимается во внимание фактор мотивации как критерия оценки дви-

жения Сопrotивления²². Остерлох критически относится к существующему понятию Сопrotивления военнопленных в нацистской Германии в российской историографии, поскольку трактуется слишком широко. Оно включает в себя все, что напоминает несогласие в какой-либо форме с нацистской идеологией или системой господства Гитлера. Автор полагает, что на трактовку понятия Сопrotивление в свое время сильное влияние оказали работы историка бывшей ГДР Д. Айхольца, который включал в него массу сознательных и спонтанных поступков, направленных как против политической системы германского империализма, так и против ее экономического потенциала, против террора, голода и постоянной смертельной угрозы²³. Быть может, правильнее будет, если историки будут употреблять оба понятия: и «Widerstand» и «Resistenz». Любопытный момент. Уже в приказе ОКВ от 16 июня 1941 г. «Поведение военнопленных в районе "Барбаросса"» указывалось, что от противника следует ожидать упорного сопротивления даже в плену. Поэтому в приказе требовалось объявить «большевизм смертельным врагом национал-социализма Германии». В отношении военнопленных Красной Армии, в особенности большевистских подстрекателей, предлагались исключительная бдительность, беспощадные и решительные меры при малейшем признаке неповиновения, устранение любого активного и пассивного сопротивления²⁴. Еще резче этот приказ прозвучал в «секретном приложении» к директиве Кейтеля от 8 сентября 1941 г. В нем указывалось, что особенно большой потенциал Сопrotивления находится среди пленных советских офицеров, которых следует представить как «движущую силу большевизма». Кто не будет выполнять этот приказ или недостаточно энергично выполнять, к тем применять оружие, как к нарушителям закона. По убегающим военнопленным стрелять сразу, без предупреждения²⁵.

На основании исследования воспоминаний бывших военнопленных лагеря 326 мы можем определить размеры, характер, формы и результат Сопrotивления. Несомненно, советские пленные вели терпеливую и упорную борьбу за свое выживание и, как могли, боролись против нацизма. Конечно, эта борьба не была массовой, и нам не хотелось бы ее преувеличивать. Однако в этой, на первый взгляд незаметной, борьбе погибли тысячи патриотов. Как показывают документы, в шталаге 326 военнопленные организовали подпольные группы из работавших более или менее длительное время на одном месте, в одной и той же рабочей команде и уже достаточно узнавших друг друга. В своих воспоминаниях В.С. Сильченко пишет, что сейчас трудно назвать всех участников сопротивления и раскрыть все формы сопротивления, прошло много лет. Тем более что большинство пленных, которые прибыли в шталаг в

1941 г., погибли. Те, кто в 1941 - 1942 гг. вел подпольную работу, остались неизвестными. Часть из них была арестована и отправлена в концлагеря или казнена, а другие выбыли из лагеря или умерли. Например, осенью 1941 г. в лагере был повешен комиссар, фамилия неизвестна. Он проводил агитационную работу против немцев²⁶.

Центром Сопротивления в шталаге 326 стал лазарет. Советские врачи и санитары шталага использовали любую возможность относительно самостоятельной работы по уходу за больными, чтобы помочь товарищам, которым угрожала серьезная опасность. Помощь заключалась в том, что больные товарищи дольше, чем положено, находились в лазарете. Врачи инсценировали у больных различные болезни, использовали страх немцев заходить в заразные бараки, укрывали в них тех пленных, которых разыскивали люди гестапо, СС или абвера. Врачи и санитары старались скрыть и оставить в лазарете и инфекционных отделениях активных борцов Сопротивления, которым грозила отправка в лагерь уничтожения. Так, долгое время в качестве «больных» в лазарете скрывались полковник С.И. Куринин, майор В.А. Храмов, командиры К.Я. Манушин, С.В. Вахтин, Н.К. Люсов и другие²⁷. В группу Сопротивления входили не только врачи, но и те пленные, которые трудились в отделах картотеки и рабочих командах, в мастерских и на кухне, на лагерном складе пищевых продуктов. Это давало возможность хотя бы немного дополнительно получить хлеба и жидкого супа. Вследствие этого врачи могли улучшить питание недавно оперированных и сильно истощенных больных. Кришнов в своих воспоминаниях сообщает о связи и сотрудничестве между медицинским персоналом шталага 326 и лазарета Штаумюле²⁸. Если до образования групп Сопротивления в лазарете было оставлено 600 - 800 больных, то в конце 1943 г. - от 1 400 до 1 500 человек.

Все пленные в своих мемуарах пишут о ключевой роли, которую сыграл врач И.Г. Алексеев в организации Сопротивления. Его заслуга в этом деле необычайно большая. Все они характеризуют его как человека мужественного, энергичного, инициативного и деятельного. Скольким он спас жизнь - своим «золотым» скальпелем, своей смертельно опасной деятельностью! Алексеев прибыл в лагерь в 1943 г. в транспорте штрафников. До этого он несколько раз пытался безуспешно бежать. В лагере Алексеев быстро завоевал всеобщее уважение не только у пленных, но также у немцев, которые высоко ценили его профессиональные качества хирурга. До его прибытия, считает Д.Б. Стариков, в лагере не было организованного Сопротивления. Отдельные нападения пленных на немцев не приносили существенного результата, так как эти нападения обычно заканчивались смертной казнью пленных²⁹. Вскоре Алексе-

ев стал руководить группой патриотов, активизировал Сопротивление, установил связи с другими отделами лагеря, сплотил коллектив медицинских сотрудников лазарета. Он также организовал Сопротивление в туберкулезном лазарете Штаумюле, куда были отправлены пленные под видом больных туберкулезом и которых можно было надежно спрятать от гестапо. В результате в Штаумюле активно действовала патриотическая группа, в которую входили врач лазарета С.С. Рослач, переводчик Б. Павлов, руководитель аптеки Л.А. Пузенко и другие³⁰. Всего более 10 человек. В рентгеновском отделе работал Герасимович. Немцы старались всех больных пропустить через рентгеновский аппарат, чтобы выявить здоровых и выписать пригодных на работу. И здесь они потерпели неудачу. Герасимович находил почти у всех здоровых туберкулез. В лаборатории Н. Глазунов и М. Герасименко подтверждали анализы, что такие-то и такие-то действительно больны туберкулезом, и записывали в историю болезни. Главврач С.С. Рослач всегда поддерживал членов группы Сопротивления. Помимо этого они вечерами собирались вместе в комнате № 5, где обсуждали последние новости, полученные из различных источников, включая радио и разговоры немецких солдат из лазарета. Правда, это было связано с огромным риском и приходилось расплачиваться жизнью, как это произошло с В. Романенко. Он был убит немецким офицером за прослушивание радио. И тем не менее, пленные продолжали по возможности слушать радио и получать свежую информацию³¹.

Помимо И.Г. Алексеева, В.С. Сильченко называет следующих активистов Сопротивления: Д.Б. Старикова - в лагерной картотеке, А. Пищалова - в отделе продуктов лагеря, А. Барышева - в отделе подбора пленных для рабочих команд, И.П. Аникеева, Л.С. Манаенкова и других. Они оказывали Сопротивлению огромную поддержку. Так, по требованию врачей Стариков изменял в картотеке фамилию, имя, отчество, воинское звание и номер пленного, которого разыскивало гестапо или абвер. Пленный получал номер умершего, а умершего хоронили под его номером и фамилией. Стариков делал соответствующие изменения в карточке: «умер тогда-то» и перекидывал карточку в ящик умерших, о чем делалась запись в большой книге регистрации. Так, подполковник А.И. Жук прожил в лагере около 3 лет. «Умершего» после известного времени распределяли в рабочую команду, он покидал лагерь и ускользал от абвера. Старикову иногда удавалось от вновь прибывших советских военнопленных получить русскую газету двухмесячной давности и почерпнуть новую информацию о положении на фронтах войны. Эту газету он приносил в лагерь. Вечером после проверки и отбоя многие пленные читали эту газету³². Кроме того, Д.Б. Стариков через немецко-

го шефа Х. Фаненшрайбера имел возможность получать и читать немецкие газеты. Вечером он пересказывал содержание газет своим товарищам. Как Стариков оказался в группе Сопротивления, он рассказывает в своих воспоминаниях. Как-то один из сотрудников лазарета спросил его: может ли он присоединиться к организации Сопротивления и не хотел бы принять участие в ее работе? Стариков дал свое согласие и вскоре познакомился с И.Г. Алексеевым³³. По воспоминаниям бывших пленных лагеря, Старикову многие обязаны своей жизнью. С ним в картотеке работали И. Горченков, Л. Куцевалов и Г. Хольный. В 1943 г. в группу Сопротивления влились врачи, прибывшие в шталаг из минского лагеря для военнопленных: В.И. Разумовский, А. Ступин, С. Поветкин, А. Швейкин, С. Стрелюк. Последний был известным нейрохирургом. Он восстанавливал дефекты нервных стволов конечностей, тем самым спасая людей от инвалидности.

Руководители Сопротивления смогли установить связи с немецкими антифашистами, работавшими в комендатуре, лазарете и лагерной охране. Они оказывали большую помощь Сопротивлению. Унтер-офицер А. Либель, ефрейторы Ф. Херман, Г. Вангер, К. Мюллер и санитар Ф. Штольц предупреждали пленных об обысках в лазарете и лагере, информировали о посещении руководства лагеря бараков, о предстоящей отправке пленных из лагеря и прибытии новых пленных. Они снабжали пленных немецкими газетами³⁴. Все это помогало принимать меры, чтобы для деятельности подпольных групп не было неожиданных мер со стороны немцев.

Вспоминая о Сопротивлении в лагере 326, В.С. Сильченко задает несколько острых и интересных вопросов. Первый из них: «Как было возможно проводить работу по Сопротивлению при жестком контроле со стороны гестапо и абвера?»³⁵. Отвечая на него, автор объясняет это следующими причинами. Прежде всего, до 1944 г. врачи относительно редко сменялись, так что они хорошо знали друг друга. Отсюда вытекает вторая причина. Врачи повсюду в лагере устанавливали доверительные контакты друг с другом, достойные «патриотов». К тому же немногие немцы знали и понимали русский язык и поэтому были вынуждены доверить важнейшие посты почти во всех отделениях шталага русским пленным. Очень помогло организации и то, что постепенно в лагере была установлена связь с немцами-антифашистами. Второй вопрос Сильченко сформулировал так: «Была ли деятельность организаций Сопротивления в лагере эффективной?». И отвечает - несомненно, да³⁶. Об этом, как утверждает автор, говорят директивы гестапо о предотвращении усиленной антигитлеровской пропаганды в лагере, а также, соответственно, - саботажа и актов диверсий, необходимость решительного на-

.....

ступления против советских патриотов. Усилились репрессии, а лагерная тюрьма и отдел СС были переполнены заключенными. В 1943 - 1944 гг. увеличились отправки советских патриотов в концлагеря. Гестапо и абвер не скрывали факт Сопротивления советских пленных медиков. В 1944 г. гестапо направило коменданту лагеря инструкцию о строгом контроле за работой врачей, которые пытаются скрыть в лагере здоровых пленных и, следовательно, приносят вред немецкой промышленности³⁷. Действительно, после этого немецкие врачи усилили контроль за пленными медиками.

Правда, некоторые пленные, в частности Ф.И. Чумаков, в своих воспоминаниях «Как врач, я помогал спасти людей» оспаривает понятие активная «организация Сопротивления», которое часто используют бывшие товарищи по плену. Он пишет, что ему неизвестно, имела ли в их лазарете или лагере какая-либо активная «организация Сопротивления». Однако Чумаков признает, что И.Г. Алексееву удалось сплотить медицинский персонал, члены которого крепко держались друг за друга. Мы, продолжает он, все тогда имели одну цель: всеми возможными средствами сохранить жизнь большему числу военнопленных. Этой важнейшей задаче были подчинены все наши действия³⁸. Хотелось бы отметить, что многие отвечавшие на вопрос нашей анкеты о Сопротивлении честно отвечают, что в Сопротивлении не участвовали, участников Сопротивления не знают, да и вряд ли можно говорить о Сопротивлении в лагере. В то же время они признают, что в шталаг 326 приезжали офицеры Русской Освободительной Армии (РОА), агитируя вступать в армию генерала Власова. Однако большинство военнопленных осудили сторонников Власова как «предателей Родины», хотя некоторые из них готовы были вступить в РОА.

Судя по воспоминаниям военнопленных, абверу и СС все же удалось внедрить своих агентов в группы Сопротивления. Они регулярно засылали в лазареты Штаумюле провокаторов под маской больного. Это привело к многочисленным арестам. Так, в марте 1944 г. лагерной организации Сопротивления был нанесен тяжелейший удар, который привел к провалу всей работы. Неожиданно были арестованы главный врач И.Г. Алексеев, врачи Г.Н. Сперанский, В. Серов, фельдшеры В. Ковалев, В. Повертайленко, писари И. Иванов, И. Аникеев. Аресты коснулись также врачей в лазарете Штаумюле. По доносу провокатора и предателя О. Ланге (русская фамилия - Конюшенко, он был немцем из Поволжской республики) аресту подверглись С.С. Рослач, переводчик Б. Павлов, Л.А. Пузенко, Меркулов, Н. Глазунов, Емельяненко, Губанов, Медведь, Герасимович³⁹. Часть членов группы избежала ареста: М.А. Кришнов (псевдоним - «Мишка-белорус»), М.С. Герасименко

(«Мишка-плут»), Хазов и другие. Этих данных не было в карточках, и немцы ничего не нашли. К тому же О. Ланге не знал фамилии Кришнова. После освобождения бывшие пленные добились разоблачения провокатора Ланге, и он был казнен. Всего было арестовано 20 активистов. 40 дней их содержали в лагерной тюрьме. Несмотря на пытки и голод, они не предали своих товарищей, отклоняли все обвинения, проявив мужество и стойкость. В мае того же года часть арестованных освободили и вернули на прежние рабочие места. Однако в марте и мае в концлагерь Бухенвальд были отправлены М.А. Авилов, А.В. Иваникий, Е. Бояркин, В. Коротков, П. Сметанин, В. Серов и В. Ковалев⁴⁰.

Поздней осенью 1944 г. по указанию гестапо последовало обширное «перемещение медицинского персонала между лагерями». Более 50% врачей, среди них И.Г. Алексеев, М.А. Кришнов, Морозов, Г.Н. Сперанский и другие, были отправлены из лагеря и лазарета Штау-мюле в шталаг VI Хемер, расположенный недалеко от г. Изерлон⁴¹. Пленные, как уже указывалось выше, называли этот лагерь «Ямой», или «Адом» (лагерем смерти). До освобождения американскими войсками они работали там на известковых заводах. На освободившиеся места прибыло такое же количество медицинского персонала из других лагерей. В это же время в лагерь пригнали группу военнопленных, среди которых был полковник С.И. Куринин. Он и возглавил вместо И.Г. Алексеева лагерное Сопротивление. Гестапо рассчитывало этой акцией парализовать подпольную работу медиков, но ошиблось. Перетасовка не дала должного эффекта, прибывшие в лазарет шталага 326 медики оказались такими же патриотами. Вскоре была установлена с ними общность взглядов и они стали выполнять задания лагерной организации. Так, в декабре 1944 г. из Хемера в лазарет лагеря прибыл врач Г.М. Матвеев, уже работавший в нем в конце 1943 г. После нескольких недель он в феврале 1945 г. стал главным врачом вместо И.Г. Алексеева, а затем сыграл важную роль в подготовке освобождения лагеря. Вот что он пишет в своих воспоминаниях. В лазарете действовала организация Сопротивления, в которую входили врачи, офицеры, солдаты, давно находившиеся в нем. Влияние этой группы чувствовалось во всем. Ее лидерами были В.С. Сильченко, В.И. Разумовский, С. Стрелюк и другие. Они оценили мою работу в бараках № 13 и 21 как весьма полезную Родине. При этом Сильченко и Разумовский сказали Матвееву, что русские врачи доверяют ему и что он будет главным врачом лазарета⁴². С группой сопротивления установил контакт санитар Вебер. Он приносил нужную информацию и с нетерпением ждал падения фашизма. Далее Г.М. Матвеев сообщает весьма ценные сведения. В начале 1945 г. в лагере 326 оказались пленные, которых пешком пригнали из лагерей Вос-

точной Германии. Их состояние было ужасным, они были страшно истощены. Слабых расстреливали. Всего в лагере и лазарете, по его данным, в конце марта 1945 г. было около 12 - 13 тыс. пленных, из них 1000 человек лежали в лазарете. Смертность в нем резко подскочила. В 20-х числах марта лагерное начальство приступило к формированию колонны военнопленных, чтобы отправить их в центр Германии⁴³. Борьба продолжалась и ширилась. В Сопротивлении участвовали многие сотни военнопленных. Оно перешло границы лагеря и проходило в рабочих командах Билефельда, Детмольда, Зальцкоттена, Пардерборна и других городов. Работать на заводе или фабрике значило прямо или косвенно помогать вермахту. Это сознание вело к поискам возможных мер противодействия - саботажу. Пленные обычно, несмотря на угрозы, побои и лишение пищи, работали медленно. Они старались отступать от заданных нормативов и выпускать бракованную продукцию или портить станки и инструменты. Например, в Билефельде сержант В. Павлов и младший сержант И. Романов постоянно выводили из строя 7 станков. Политрук И. Никитин в Гутерслоо неоднократно портил трансмиссию, что вело к остановке группы станков. Лейтенант С.В. Вахтин поджег склад авиационной фанеры, от пожара пострадал и цех обработки. Таких случаев было много. Виновники этих аварий гибли. Так, в Падерборне были расстреляны военнопленные Протасов, Лазарев, Березнев, Долгов, Чернышов и Пашков, в Ольденбурге - Воропли. Но люди продолжали причинять вред немецкой военной промышленности. Может быть, он был не так велик, но это была посильная лепта советских военнопленных, находившихся в неволе, и давалось это великой ценой. В 1941 - 1945 гг. тысячи советских патриотов были отправлены в концлагеря Дахау и Бухенвальд. Особенно много пострадало в 1943 - 1944 гг., когда активизировалось Сопротивление. Только немногим удалось выжить и дождаться счастливого дня освобождения.

В марте 1945 г. образовалась боевая группа из офицеров, которая подготовила пленных к захвату лагеря. После его освобождения офицеры вошли в штаб лагеря, возглавили батальоны и роты и проделали огромную работу по организации лагерной жизни до полной ликвидации лагеря.

ГЛАВА VIII.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛАГЕРЯ

На рубеже 1944 - 1945 гг. шталаг 326 выполнял, по сути дела, две новые задачи: функции приемного лагеря для пленных, которых привозили из лагерей оккупированных восточных областей и Восточной Германии; с другой стороны, он служил как опорная база для пленных из Рурской области, которых принудительно гнали на Восток. Два противоположных потока соединились в шталаге 326. До конца марта 1945 г. сам лагерь должен быть эвакуирован, хотя эвакуация так и не состоялась. Рабочие команды в ближайших и отдаленных районах, относящиеся к шталагу 326, продолжали трудиться до 29 марта 1945 г.

Последние два месяца (февраль - март) были особенно голодными: 125 - 150 граммов хлеба в день, 10 грамм низкокачественного маргарина и 2 литра зеленоватой воды с травой. Вследствие этого резко увеличилось количество отечных больных, окончательно ослабевших физически. В конце месяца немцы вообще прекратили снабжение пленных продуктами. Ненависть к ним и лагерной полиции не могла больше сдерживаться в душах пленных. Участились случаи конфликтов с полициями, заметно обозначилось брожение среди военнопленных, были отмечены случаи налета на кухню. Вокруг лагеря усиливались посты, устанавливались станковые пулеметы. Лагерное руководство отдало своим солдатам приказ стрелять с вышек из автоматического оружия, пулеметов, бросать гранаты в пленных, если они переступят границы колючей проволоки и вступят на территорию немецких казарм¹. В конце марта 1945 г. охранниками было убито и ранено 12 человек. Распускались слухи, что в случае нарушения порядка и открытого бунта в лагерь будут введены войска СС и по пленным будет немедленно открыт огонь. Однако в эти последние дни жизнь в лагере вышла из нормальной колеи. Постепенно разбегались русская лагерная полиция, офицеры и солдаты-власовцы, пропагандисты ВПР (отдел военной пропаганды), сотрудники отдела гестапо и абвера.

Кладбище советских военнопленных.

В конце марта была создана инициативная группа офицеров под руководством полковника С.И. Курина. В ее состав входили капитан медицинской службы В.С. Сильченко, лейтенант С.В. Вахтин, старший лейтенант Н.К. Люсов, полковник медицинской службы Г.М. Матвеев, майор медицинской службы В.И. Разумовский, капитан медицинской службы А.В. Игонин, лейтенант Д.В. Романов, капитан К. Цкаев и другие. 31 марта 1945 г. лагерь фактически оказался в руках военнопленных. Полицейские были разоружены и изолированы. Часть из них накануне бежала. Немцы больше не показывались в лагере, а сотрудники советской инициативной группы свободно передвигались по территории лагеря. В каждом бараке они вели беседы о сложившейся ситуации, предстоящем освобождении и необходимости быть готовыми к борьбе². Члены группы носили повязки Красного Креста и осуществляли негласную охрану госпиталя и кухни лагеря. В немецком лагере еще находилась вооруженная охрана, а с вышек на пленных смотрели пулеметы, и их нетрудно было расстрелять. Пленных, видимо, выручило то, что комендант лагеря и значительная часть немецких солдат, охранявших лагерь, уже сознавали, что наступил конец нацистской диктатуры и что они понесут ответственность за все эксцессы, которые произойдут в лагере.

Уже 1 апреля стало очевидно, что комендатура лагеря оказалась недееспособной. Ефрейтор санитарной службы Ф. Херман, как связной между комендатурой и советским лагерным руководством, информировал Л.С. Манаенкова о смятении среди немцев. Они получили от начальства противоречивые приказы и не знают, как действовать дальше. Действительно, в руководстве VI военного округа наметились два подхода к событиям. Генерал Диппольд, возглавлявший отдел военнопленных, требовал организовать защиту шталага 326 отрядами СС, которые находились в Аугустдорфе. Другую точку зрения высказывал генерал-лейтенант фон Штокхаузен. Он считал необходимым «сдать лагерь без боя»³, прибыв со своим штабом из Рурской области, в то время как генерал Диппольд накануне бежал из Зенне. По причине этих разногласий лагерь остался без руководства. Херман связался с группой офицеров С.И. Курина и договорились о совместной работе по сохранению спокойствия и порядка в лагере. Херман обещал остаться в нем, поддерживать русских делом и советом, а также вести с ними переговоры.

В этой ситуации полковник Курин просил Хермана передать коменданту штамлагеря полковнику Беренду предложения инициативной группы. В них речь шла о том, чтобы поддерживать порядок в лагере, полностью удалить лагерную полицию, обеспечить лагерь продуктами питания, а нормы питания существенно повысить, передать руководство лагерем в руки советских офицеров, снять пулеметы с вышек, убрать

немецкие посты и оставить их лишь в качестве наружной охраны, только у входных ворот, передать кухню и продовольственные склады в полное распоряжение руководства группы, для защиты лагеря⁴. В этот день соглашение между двумя сторонами не было достигнуто. Между тем в лагере находилось более 9 000 военнопленных, 1 500 из которых были в лазарете. Инициативной группе удавалось держать ситуацию под контролем.

Руководители лагеря после его освобождения.

В центре: полковник С. Куринин;

*2-й ряд слева направо: майор В. Храмов, военврач В. Сильченко, офицер
Н. Люсов*

2 апреля последовало повторное предложение коменданту, который согласился на встречу. Он через посредника Хермана пригласил советских офицеров для переговоров. При этом Херман предупредил руководителей инициативной группы, что Беренд даст свое согласие на большинство предложений. Впервые со дня существования штамлагеря представители советских военнопленных беспрепятственно и без всякой охраны отправились в немецкую комендатуру. Это были полковник С.И. Куринин, военврачи Г.М. Матвеев и Г.С. Сильченко⁵. С удивлением на них смотрели немецкие солдаты, пытаясь понять причину появления русских узников. Переговоры были короткие: открыл их комендант Беренд: «Я получил сведения, что русские солдаты хотят взять на себя управление лагерем. Могут ли русские офицеры обеспечить порядок в лагере? Но если будут попытки напасть на немецких солдат, я должен буду силой оружия пресечь их». Между тем, по сообщению Хермана, в момент переговоров создалась критическая ситуация. Зондерфюрер Вагнер с пистолетом в руке остановил его и стал угрожать ему, поскольку тот вел переговоры с русским штабом. Вагнер также хотел знать, где полковник Куринин, чтобы застрелить и его. Он вызвал солдат и офицеров, сослался при этом на исполнение приказа Гитлера и заявил, что берет на себя исполнение данного приказа, поскольку комендант Беренд будто бы отказался от него. Несмотря на угрозы, Херман все же объяснился с Вагнером и заявил, что никогда не допустит, чтобы ввергнуть лагерь в вооруженные беспорядки. Он настаивал также на том, чтобы лагерь был сдан без боя. С большим трудом ситуацию удалось нормализовать. Во время переговоров полковник Куринин сообщил, что в лагере есть штаб, которому подчиняются все военнопленные, и офицеры обеспечивают поддержание порядка, но для этого немцы должны выполнить требования инициативной группы, о которых мы говорили выше. Комендант на все предложения советских офицеров отвечал легким кивком головы и кратким «яволь» («согласен»). Только на требование о передаче оружия бывшим пленным не последовало положительного ответа⁶. Полковник Беренд сказал, что он подумает и даст ответ через три часа, около 15.00.⁷ Следует отметить, что комендант немедленно выполнил требование обеспечить пленных продуктами. В лагере уже ощущались перемены. Вскоре штаб получил от коменданта лагеря приглашение, в котором были включены все требования инициативной группы, за исключением передачи оружия.

2 апреля, в два часа дня, передовые танковые части американской армии, завершая окружение немецких войск в Рурском котле, вступили на территорию лагеря 326, то есть в тот момент, когда было подписано

.....
соглашение между комендантом и советскими офицерами и когда освобождение военнопленных уже произошло. Это было последней и удачной акцией группы сопротивления. На гул моторов приближавшихся танков из лагеря навстречу идущим машинам бросилась тысячная толпа худых, голодных, одетых в старье военнопленных. Восторженно встречая американских солдат, пленные кричали русское «Ура!», заглушая гул моторов. Так пришла долгожданная свобода не только советским, но и югославским, польским и французским военнопленным. Это было, пишет А.С. Васильев, великим, может быть самым великим, событием в жизни десятков тысяч пленных⁸. Немцы всех рангов быстро побросали оружие. Они не бежали от танков, а наоборот, тоже бежали им навстречу, чтобы сдаться в плен американцам. Так они надеялись спастись от возможной расплаты со стороны военнопленных. Хотя вопрос о физической расправе с ними инициативной группой вообще не рассматривался и не обсуждался.

Здесь хотелось бы привести некоторые эпизоды из воспоминаний американцев о событиях 2 - 3 апреля и об их впечатлении от увиденного. Эти материалы опубликованы в книге К. Хюзера и Р. Отто. Американский журналист Джон Меклин пишет, что, когда американские войска заняли штаблагерь 326, они нашли 9 000 человек, которые, как дикари, боролись за пару караваев черного хлеба. Мы видели, как люди, вцепившись друг другу в горло, дрались из-за горсти муки, разбросанной в грязи. Мы наблюдали, как безумные от голода пленные опустошали бараки от продуктов питания⁹. Обер-лейтенант Дональд Чанс вспоминает: «Войдя в лагерь, мы увидели страшную картину. Несмотря на то, что ситуация в целом находилась под контролем, люди ползали по грязи и собирали хлебные крупинки, которые были просыпаны при первом штурме барачных с продуктами питания. Один из пленных выглядел как скелет, а на его носу находился безобразный нарост. Он был передо мной, как сумасшедший. Другой пленный что-то разыскивал и, когда нашел кусок несваренной макаронины, стал запихивать ее в свой рот. Здоровенный русский пленный пил пиво, огромные запасы которого оставили немцы, подошел ко мне и попросил сигарету. Когда я дал ему, он схватил мою руку и, сжав ее двумя своими кулаками, стал покрывать влажными поцелуями»¹⁰. Как пишет Чанс, американцы неожиданно для себя осознали, что 9 000 человек чахнут в нищете и бедствии.

Далее он рассказывает, что русский военврач-полковник, который хорошо знал ситуацию в бараках лазарета, сказал ему, что более 3 000 пациентов находятся в кризисном состоянии, из них 1 300 лежат в постели. Немцы уже месяц как не дают ему никаких медикаментов. А три дня назад, когда охрана начала нервничать, лазаретные бараки вообще

перестали отапливать¹¹. Продолжая, полковник говорил нам, что 4-5 пациентов ежедневно умирало в лазарете, а в лагере - в два раза больше. В последние два дня охраной были расстреляны пленные, которые приближались к проволочному ограждению. Полковник повел нас в бараки, которые он мрачно назвал «зоной голода». Они были полны мужчин, которые были близки к смерти от голода. Особенно один из них, который встал по просьбе полковника. Это был дрожащий скелет. Увидев американскую униформу, он разразился судорожными рыданиями¹².

Свобода принесла новому руководству лагеря много забот. Прежде всего, инициативная группа переформировалась в штаб, укомплектовав его окончательно за счет привлечения офицеров: начальник лагеря - полковник С.И. Куринин; начальник штаба, а затем зам. начальника лагеря (ввиду болезни С.И. Куридина) - капитан медслужбы В.С. Сильченко; помощник начальника лагеря по строевой подготовке (позднее - начальник штаба) - майор В.А. Храмов; помощник начальника лагеря по строевой подготовке - гвардии капитан К. Цкаев; начальник отдела кадров и зам. начальника лагеря по политической части - старший лейтенант Н.К. Люсов; помощник начальника по санитарному обеспечению - полковник медслужбы Г.М. Матвеев; офицер для поручений - капитан медслужбы А.Е. Кутузов; начальник КЗО, позднее - помощник начальника лагеря по материальному обеспечению - гвардии майор В.Ф. Хоперский; начальник отдела агитации и пропаганды - лейтенант Д.В. Романов; офицер для поручений - лейтенант С.В. Вахтин. Штаб наметил планы и меры по обеспечению питания людей.

Как видно, жизнь лагеря с первых дней стала строиться по положениям и уставу Красной Армии. Весь личный состав был сведен в 16 батальонов, во главе каждого стоял опытный офицер. Война еще не закончилась. Лагерь находился в районе боевых действий. В близлежащих лесах скрывались вооруженные эсэсовцы. Некоторые пленные, самовольно покинувшие лагерь, были убиты. Нужно было поддерживать дисциплину, вести воспитательную работу и серьезную боевую подготовку для дальнейшей службы в армии. Чтобы хоть немного улучшить условия проживания военнопленных, штаб решил занять под жилье немецкий лагерь, а в бараках снять верхние ряды нар. Кроме того, он подыскал новое помещение - бывшие казармы кавалерийского полка Зенне-2, где в каменных корпусах и разместили многих освобожденных пленных. Здесь были: водопровод, хорошая большая кухня, душевые и другие удобства. Серьезная проблема возникла со снабжением продуктами и одеждой, ее нужно было срочно решать. Люди должны были получить все необходимое: белье, одежду, обувь, постельные принадлежности и др.

Обелиск с Красным знаменем СССР.

В лагере, утверждает В.С. Сильченко, находились 10 000 человек, из которых 1 500 больных, которые нуждались в медикаментах и питании¹³. Помогли американцы. Они, пишет Матвеев, сразу договорились с советским руководством о снабжении бывших пленных продуктами питания. Штаб руководства лагеря поддерживал с ними контакт, смог организовать госпиталь для больных и помочь медикаментами¹⁴. Питание стало многообразным и содержательным. Ежедневное количество калорий достигло 3 500 - 4 000. Штабу удалось установить в лагере военный порядок. В течение 4 месяцев после освобождения не было ни одного случая насильственного действия со стороны пленных, не было случая ухода из лагеря без разрешения руководства. Бывшие пленные получили единую одежду, постель и постельные принадлежности. Все больные находились в спецбольницах Лемго, Зальцкоттена и Бад-Липпшпринге. О них заботился советский медицинский персонал. Смертность среди бывших пленных снизилась и их здоровье постепенно улучшалось¹⁵. Все меры, принимаемые штабом, привели вскоре к серьезным положительным изменениям ситуации и настроения людей в лагере. Seriously проводилась политработа и строевая подготовка. Мало того, он стал как бы организационным центром других лагерей, расположенных в Руре и Вестфалии.

3 апреля руководство штаба посетило кладбище пленных в Штукенброк в 1 км от лагеря. Взору посетителей предстала страшная картина: 36 больших массовых захоронений, каждое 116 м длиной и 2 м 20 см шириной. Могильный холм составлял 10 - 12 см высоты и еле-еле возвышался над землей. Несколько могил остались не засыпанными землей, и в них были видны трупы, некоторые полностью голые, часть из них завернута в бумажные мешки. Все умершие были сложены штабелями в 6 рядов. Кладбище не было огорожено, и нацисты собирались запахать его, чтобы скрыть следы своих преступлений. Всего в этих захоронениях лежало 65 000 советских солдат и офицеров, замученных в плену¹⁶. Подсчитано, что в течение более трех лет в лагере в среднем ежедневно умирало от голода по 15 - 20 человек. Сотни пленных умерли в последние дни от болезней, незаживших ран и недоедания, когда они не получали питания и медицинской помощи. Американцы спасли изголодавших пленных от смерти. Штаб не мог оставить кладбище в том состоянии, в каком оно находилось, тем более что члены штаба понимали: скоро предстоит возвращение на родину.

Уже на следующий день после освобождения руководство лагеря решило благоустроить кладбище и увековечить память советских солдат, погибших в лагере 326. Все согласились, что сами советские военнопленные, те, кто остался в живых, будут участвовать в установлении

.....

памятника. Нашлись свои архитекторы, инженеры, скульпторы, мастера художественного литья, гранильщики камня, бетонщики. Художник А. Мордань, бывший пленный этого лагеря, предложил штабу свой проект памятника. Одновременно он стал художественным руководителем при его строительстве. Технический проект разработал инженер, майор В.Ф. Хоперский. Им помогал инженер по теплотехнике, капитан Н.П. Смирнов.

5 апреля руководство лагеря утвердило проект памятника и организовало строительную бригаду из 130 человек. Хоперский стал руководителем всех работ по строительству монумента. В установлении памятника помогал немецкий рабочий и антифашист Генрих Хенкенёхан. Несмотря на серьезные трудности, 7 апреля начались строительные работы. Те, кто был занят на тяжелых земляных работах - все недавние дистрофики, - сменялись каждые 10 минут¹⁷. Работали с раннего утра и до позднего вечера. Памятник был построен в рекордные сроки: меньше чем за месяц. Без копейки денег, на одном энтузиазме. Он был так велик, что работающих приходилось чуть ли не силой уводить на отдых. Трудная работа делалась столярами - надо было из дерева изготовить три большие, метровые в диаметре, звезды. Они справились с этой задачей. Благодаря настойчивости Л.С. Манаенкова, удалось отлить в одном литейном цехе необходимые винтовку и каску - воинскую эмблему. Лагерь несколько раз обстреливался эсэсовцами, которые прятались в лесах и населенных пунктах. Через 23 дня памятник был готов и 2 мая 1945 г. торжественно открыт: светлый обелиск высотой почти 10 метров, облицованный мрамором, гранитом и керамической плиткой. В центре по трем его сторонам были прикреплены большие красные звезды. Завершался обелиск Красным знаменем, сделанным из пластического стекла, - флагом СССР*. На обелиске на трех языках: русском, английском и французском написаны слова: «Здесь покоятся 65 000 русских солдат, смертельно замученных в фашистском плену. Спите спокойно, товарищи! 1941 - 1945 гг.».

На открытии памятника присутствовали более 10 000 человек: освобожденные пленные лагеря 326, многие советские граждане из других лагерей, польские, югославские, французские пленные, американские

* Во время «холодной войны» Красное знамя с серпом и молотом - национальный флаг СССР - было снято с обелиска, поскольку вызывало недовольство земельного правительства ХДС. Оно было заменено в конце 50-х гг. православным двойным крестом. В 1981 г. памятник был подвергнут реставрации. Бывшие пленные и многие граждане требовали восстановить памятник таким, каким он был установлен в 1945 г. Однако запрет на установление Красного знамени остался в силе.

офицеры и солдаты и немецкие жители Штукенброка. Перед памятником медленным шагом, со спущенными знаменами прошли советский и американский батальоны. Траурный митинг, пишет В.С. Сильченко, стал символом объединения народов¹⁸. Все подножие памятника покрылось венками, зеленью и ветками. Через неделю работы по благоустройству кладбища продолжились. Перед братскими могилами установили надгробные камни с надписями на русском, английском и немецком языках. Около братских могил и вокруг памятника были устроены щбенчатые дорожки. Территорию кладбища озеленили и обнесли оградой. У ограды кладбища поставили небольшой памятник первым жертвам нацизма в шталаге 326 - советским офицерам и солдатам, расстрелянным в 1941 г. 1 августа 1945г. руководитель русского лагеря Зенне-2 гвардии майор В.Ф. Хоперский и немецкий рабочий Г. Хенкенёхан заключили соглашение, по которому немецкая сторона обязывалась охранять кладбище, ухаживать за ним и за памятниками.

Вскоре обелиск в память о погибших военнопленных стал памятником всем жертвам нацизма Рура и Вестфалии и местом паломничества советских граждан и иностранцев. В начале 60-х годов кладбищу по поручению земельного правительства был придан новый вид. Оно стало центральным местом военных захоронений. Многие военные жертвы, погребенные в Ostwestfalen-Lippe, были эксгумированы и перенесены в 788 отдельных могил в Штукенброк, из них в 666 военных могилах известны имена погребенных. Таким образом, большинство добавленных жертв нацизма все же не были пленными шталага 326. После реорганизации кладбища оно 23 сентября 1964 г. было передано общественности. Следует напомнить, что кладбище и связанное с ним преступление в Штукенброке долгое время оставались неизвестными. До 1967 г. для посетителей общины едва ли было возможным узнать что-либо о кладбище и его истории. Кладбище советских солдат в Штукенброке - это достойный памятник не только жертвам войны и фашизма, но и оставшимся в живых и потомкам.

Итак, на обелиске было указано, что на этом огромном кладбище похоронено 65 000 русских пленных. Страшная цифра. И это только в одном лагере. Однако не все с ней согласны. Уже много лет исследователи спорят по вопросу о количестве погибших и похороненных. Указываются и другие цифры: 15 000, 30 000, 36 800, 40 000, 45 000 и, наконец, по британским источникам - 70 000¹⁹. Мы согласимся с тем мнением, что, когда называют цифру 65 000 человек, то речь идет об общем количестве погибших в шталаге 326 и двух лазаретах военнопленных Штаумюле и Хаустенбек. Ежедневно повозка следовала из Хаустенбека через Штаумюле в Штукенброк, собирая умерших. Извоз-

чиком этой повозки, названной «Liekenfahrer», был солдат вермахта, он пользовался дурной славой на всю округу. Он носил глазную повязку и был постоянно пьяный. При каждом рейсе он вез около 30 трупов²⁰. Дело в том, что умершие в Штаумюле не были зарегистрированы в лагерной картотеке. На этот факт обратили внимание бывшие пленные вскоре после своего освобождения. Поэтому они суммировали умерших шталага и двух лазаретов и вышли на цифру 65 000²¹.

В «Протоколах Штукенброка» говорится, что более 100 000 советских военнопленных, прошедших через штамлагерь, нашли смерть на немецкой земле²². И в наши дни споры о количестве погибших в лагере 326 (VI K) не затихают. Сомнению подвергается общее число жертв шталага: 65 000 человек. Его стараются уменьшить в 2 - 3 раза. В мае - августе 1997 г. на страницах местной печати Штукенброка развернулась оживленная дискуссия по этому вопросу. В мае в газете «Westfalen-Blatt» появилась статья В. Люке из Падерборна под названием: «Освобождение закончилось в Сибири». В ней он заявил, что в шталаге 326 во время войны погибло не 65 000, а всего около 20 000 советских военнопленных. Это, по его мнению, подтверждают якобы документы в русских архивах. Автор, правда, не указывает, о каких документах идет речь. Люке достаточно жестко ставит вопрос: почему рабочий кружок «Цветы для Штукенброка» и связанная с ним пресса открыто придерживаются фальшивого утверждения, будто в лагере 326 погибло 65 000 человек. Он приводит точку зрения некоторых ученых, доказывающих, что из 310 000 пленных, прошедших через шталаг 326 с лета 1941 по апрель 1945 г., погибло 30 000²³. В июле 1997 г. журналист Д. Кемпер в той же самой газете опубликовал дискуссионный материал по этой проблеме.

Статьи появились под громкими названиями: «Русские архивы сообщают сведения о жертвах шталага» и «Русский военный архив дает ключ к раскрытию вопроса о жертвах в лагерях». В предисловии к статьям приводится высказывание известного историка Рольфа Келлера о том, что после того как ему удалось познакомиться с некоторыми документами о военнопленных в военном архиве в Подольске, он пришел к выводу, что «число жертв среди пленных явно устарело. Первое обобщение документов показало, что количество погибших в лагерях значительно ниже». В опубликованном материале Кемпер тоже приводит оценки многих историков, включая тех, кого мы упоминаем в нашей работе и которые теперь пересматривают свои прежние взгляды. Так, К. Хюзер сейчас придерживается иного мнения. Если в своей книге в соавторстве с Р. Отто он считал, что цифра 65 000 погибших в лагере 326 - «приемлемая величина»²⁴, то ныне он утверждает: «В число 65 000

погибших нужно основательно внести поправки на понижение»²⁵. Хюзер полагает, что со времени издания их книги в 1992 г., источниковая база изменилась. К тому же, мы тогда не идентифицировали могилы умерших. Правда, он не хотел бы связывать себя одной величиной и потому предлагает число погибших в лагере 326 (VI K) - 30 000 - 35 000 как «верхнюю границу», то есть в два раза меньше по сравнению с прежней цифрой. Учитель гимназии и историк Р. Отто из Лемго разделяет точку зрения Хюзера о необходимости внести поправку в цифру 65 000 погибших в лагере 326. Сам он не называет конкретных цифр. Рабочий кружок «Цветы для Штукенброка» отстаивает цифру 65 000 человек. Его председатель Вернер Хёнер утверждает: «Число 65 000 пока является действительным. Опровержения пока бездоказательны». Он считает даже, что количество погибших значительно больше. При этом Хёнер ссылается на мнение А. Морданя, автора памятника в Штукенброке. В беседе с ним Мордань заявил: «Мы остановились на цифре 65 000 человек потому, что все исходило из того, что в действительности она может быть еще выше»²⁶. Кружок «Цветы для Штукенброка» не видит оснований для пересмотра уже устоявшейся цифры. Приведем высказывания других участников дискуссии. Майор американской армии В.Р. Калп, отвечавший в апреле 1945 г. за положение военнопленных в лагере 326, сказал автору статей Кемперу, что число жертв пленных колеблется между 30 000 и 100 000²⁷.

Интересные суждения высказали историк и руководитель правления документального центра шталага 326 Мюльдорфер-Фогт и Вернер Буш. Первый из них верно заметил, что для него сейчас важнейшим является «символическое содержание жертв». Буш, председатель «Forderverein Dokumentationsstatte Stalag 321 VI K Senne» заявил: «Мы не хотим играть в цифры»²⁸. В интервью газете «Stadtblatt» Буш вновь подчеркнул, что прежние сведения о числе жертв подтверждаются имеющимися документами. И мы сейчас не спешим заниматься арифметическими подсчетами. Для нас важным является тот факт, что кладбище военнопленных здесь, умершие тут. Если действительно удастся доказать, что число жертв шталаго 326 меньше, то я буду считать это успехом нашей работы²⁹. В данный момент Буш работает над планом кладбища с целью, чтобы постепенно изучить могилу за могилой и привести их в порядок. Он принимает участие в подготовке документального центра шталага 326 (VI K) во всемирной выставке «Экспо-2000» в Ганновере.

В июне и июле 1945 г. почти все оставшиеся в живых советские военнопленные вернулись в Советский Союз. Последний транспорт с бывшими пленными шталага 326 покинул Зенне 28 июля. Лагерь рус-

ских пленных был ликвидирован. Перед тем как отправиться в путь, они пришли на кладбище, чтобы проститься со своими погибшими товарищами, которые никогда больше не увидят своих родных и свою родину. На кладбище бывшие пленные дали клятву: «Мы всегда будем хранить память о наших товарищах, погребенных в Штукенброке. Мы будем прилежно трудиться, чтобы помочь родине быстрее залечить раны, нанесенные ей войной. Мы будем рассказывать будущим поколениям об ужасах войны. Мы обещаем активно бороться против любых попыток развязать новую войну и возродить нацизм»³⁰.

Следует упомянуть, что после освобождения в лагере еженедельно издавалась газета на русском языке, которую раздавали всем советским репатриантам. Газета называлась «Советская Родина», и выпускали ее в Варендорфе офицеры штаба связи. Ведущими работниками газеты были капитан В.А. Родников и лейтенант А.С. Васильев. Она издавалась тиражом 7 тыс. экземпляров. До конца репатриации было издано 110 тыс. экземпляров газеты, 6 бюллетеней и 2 листовки. Газета информировала солдат о ситуации в Советском Союзе, о восстановлении народного хозяйства и также о возвращении пленных на родину. Так, в номере от 29 июля 1945 г. говорилось: «17 июля было эвакуировано 37 940 советских граждан... Немного позже на родину вернулись остальные советские граждане (50 000). Советские военнопленные были эвакуированы, в первую очередь, из таких промышленных городов, как Дорстен, Реклингхаузен, Гладбек, Воттроп, Гельзенкирхен, так как здесь возникли серьезные трудности с питанием и размещением»³¹.

После эвакуации русских пленных американцы использовали лагерь как лагерь пленных для бывших солдат вермахта. Годом позже, в середине 1946-го, его передали британским войскам как лагерь для интернированных немецких военных преступников. Позднее там была создана организация «Социальная работа Штукенброк». Сегодня в этом месте находится земельная полицейская школа. Из старых бараков штаб-лага 326 сохранился только один, остальные были снесены. Из того, что мы видим на фотографиях 40-х гг., уже ничего не осталось. Много заросло лесом и кустарником. Много новых построек. Все неузнаваемо изменилось. Даже трудно представить, что здесь когда-то был огромный лагерь советских военнопленных, испытывших на себе за годы горького плена столько мучений и страданий.

ГЛАВА IX.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАГЕДИИ

Есть раны, которые не должны заживать.

В. Вайнберг

Справедливо отмечается, что советские военнопленные оказались жертвами двух диктатур: сталинской и нацистской. В соответствии с идеологическими догмами сталинского режима пленение военнослужащего Красной Армии рассматривалось как преднамеренно совершенное преступление, независимо от обстоятельств, при которых это произошло. Оказавшихся в плену подозревали в измене и предательстве Родины, а статьи Уголовного кодекса 1938 г., касающиеся воинских преступлений, носили ярко выраженный обвинительный и репрессивный характер. Согласно этим статьям, военнопленные и «окруженцы» (то есть военнослужащие, попавшие в окружение, но не попавшие в плен) попадали под действие ст. 193 УК: «самовольное оставление части или места службы» (193-7), «побег из части» (193-8), «самовольное оставление части в боевой обстановке» (193-9). Вышедших из окружения офицеров судили по ст. 193-21, а в ст. 193-22 говорилось: «Самовольное оставление поля сражения во время боя, сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля, влекут за собою - высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества»¹. Хотелось бы напомнить о трагической судьбе 5,5 тыс. военнослужащих Красной Армии, как пленных, переданных финской стороной после окончания советско-финской войны в 1940 г.

Пленение огромной массы солдат и офицеров Красной Армии в 1941 г. объясняется многими причинами. Главные из них - внезапность

ударной мощи опытной, хорошо выученной и вооруженной немецкой армии, быстрое продвижение противников в глубь страны, неготовность Красной Армии к оборонительной войне и ее плохая боеспособность, длительные отступления и огромные по масштабам окружения, крупные просчеты и ошибки политического и военного руководства, паника, растерянность, дезорганизация, иной раз по вине неумелых командиров. Много бойцов и командиров Красной Армии попадали в плен безоружными, будучи ранеными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев, больными, лишенными продовольствия, отдыха и боеприпасов, то есть оказавшимися в крайне сложной, безнадежной и безвыходной обстановке, находясь в окружении, исчерпав все возможности дальнейшего сопротивления германским войскам. Справедливо писал поэт И.А. Медведев, сам бывший узник лагеря Мегордена (Норвегия):

*Нет! Без вести я не пропал.
Я ранен был и в плен попал,
И я не сдался, видит Бог!
Старался я, покуда мог.*

В последнее время в нашей печати, да и в исследовательской литературе, утверждается тезис, что с первых дней войны значительное число красноармейцев и командиров шло в плен добровольно, придерживаясь антисоветских и пораженческих настроений и отказываясь защищать коммунистическую власть. По мнению этих авторов, переход на сторону врага был якобы массовым, потому что люди верили, что Гитлер и немцы помогут им освободиться от большевиков². Никто не отрицает, что были и перебежчики, и случаи сдачи в плен и добровольного перехода. Однако считать это одной из главных причин массового пленения неоправданно и необоснованно. В архивных документах нам не удалось обнаружить доказательств «массового перехода на сторону врага» и «организованного перехода целых воинских частей со своим оружием и во главе со своими командирами». Одному из авторов этой книги приходилось беседовать со многими бывшими военнопленными по этому вопросу. Все отрицают факты массовой добровольной сдачи в плен и массового перехода на сторону врага. Их оскорбляет сама постановка подобного вопроса.

Существуют документы, свидетельствующие о том, что по отношению к так называемым «изменникам Родины» жесткие меры Советским правительством планировались буквально с первых дней войны. Расширялась практика заочного осуждения военнопленных, оказавшихся за линией фронта, как изменников Родины. Наиболее чудовищным престу-

плением был совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР (от 28 июня 1941 г.). Он предусматривал привлечение к ответственности членов семей заочно осужденного изменника Родины либо через Военные трибуналы, либо через Особые совещания при НКВД СССР³. Затем последовал печально знаменитый приказ Наркома обороны И.В. Сталина № 270 (от 16 августа 1941 г.), который объявлял советских воинов, находившихся в руках врага, «злостными дезертирами» и изменниками Родины. В нем особенно обращают внимание слова об уничтожении пленных всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи пленных красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Генералы, попавшие в плен, заочно осуждались к расстрелу, а их жены и родители привлекались к уголовной ответственности и ссылались в отдаленные местности СССР⁴.

Как видно, принятые приказы до крайности ужесточили репрессии, санкционировали внесудебные расправы с военнопленными, «окруженцами» и членами их семей. В измене и предательстве подозревались военнослужащие, которые, рискуя жизнью, в тяжелейших условиях пробивались с боями на соединение с Красной Армией, и даже те, кто на непродолжительное время оказался за линией фронта. И, наконец, в декабре 1941 г. вышло Постановление ГКО № 1069 сс, которое регламентировало порядок проверки и фильтрации вышедших из окружения и освобожденных из плена «бывших военнослужащих Красной Армии» с целью выявления среди них изменников Родины, шпионов, диверсантов. Создавались сборно-пересыльные пункты, куда должны были направлять при освобождении городов и сел «бывших военнослужащих Красной Армии»⁵. По сути дела, они ставились вне рядов Красной Армии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, создавались спецлагеря НКВД для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии». Они «обслуживали» различные участки советско-германского фронта. Парадокс состоял в том, что партийно-государственное руководство страны рассматривало военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или окружении, как пленных солдат вражеской армии.

Сталину, похоже, судьба попавших в плен соотечественников была глубоко безразлична. Хорошо известны его высказывания, что «в Красной Армии нет военнопленных. Есть только предатели и изменники Родины», «Советский Союз не знает пленных, он знает лишь мертвых и предателей». Подобные высказывания относились и к другим деятелям партии и государства. Небезызвестный начальник Главного политического управления Л.З. Мехлис считал даже, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством⁶. Судьба тысяч и тысяч пленных была предопределена, а

последующие действия вполне объяснимы. Это было чудовищно не только в юридическом, но и в нравственном отношении. По международному праву военный плен не считался преступлением. Кроме того, есть большая разница между понятиями «попасть в плен» и «сдаться в плен». Большинство из пленных в 1941 - 1942 гг. именно попали в плен. Позорность формулы Сталина и других заключалась в несправедливом предположении, что все солдаты и офицеры попали в плен из-за собственной трусости. Фактически отказавшись от своих бойцов, Сталин способствовал их массовой гибели.

Особые отделы НКВД передавали военным трибуналам, а во многих случаях расстреливали без суда и следствия не только настоящих изменников, трусов и дезертиров, но и всех подозрительных и сомнительных лиц из числа вышедших из окружения или отставших от своих частей. Многих военнослужащих, пробивавшихся в одиночку или малыми группами на соединение с частями Красной Армии, как уже указывалось, судили за самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке. Большое количество командиров, вышедших из окружения, было осуждено по ст. 193-21 УК РСФСР - «за самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, в целях способствования неприятелю». В 1941 - 1945 гг. только военными трибуналами было осуждено 994 270 советских военнослужащих, из них свыше 157 тыс. приговорены к расстрелу⁷. А ведь большинство бывших пленных и «окруженцев» не совершали на деле никаких преступлений. Печальной оказалась судьба многих советских генералов. В плен попало 80 человек. Из них 23 погибли. Бежали из плена 5, на сторону противника перешли 12. Все генералы были пленены в 1941 - 1943 гг., в основном в 1941-м. Они были заочно осуждены к расстрелу. Известна судьба бывших генералов красной Армии А.А. Власова, Ф.К. Трухина, В.Ф. Малышкина, Д.Е. Закутного, И.А. Благовещенского, бригадного комиссара Г.Н. Жиленкова, после пленения активно сотрудничавших с нацистами, создававших антисоветские воинские формирования. После войны в 1946 г. их как изменников Родины приговорили к смертной казни через повешение⁸.

С января 1942 г. бывшие военнопленные и «окруженцы» направлялись после проверки и фильтрации в специальные лагеря НКВД СССР на пополнение трудовых армий, фактически эти спецлагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима. Заключенные там именовались «бывшие военнослужащие Красной Армии». Им запрещался выход из зоны, общение друг с другом, переписка и свидание с кем бы то ни было. На запросы семей о судьбе этих людей руководство отвечало, что сведений нет. Лишенные, без суда и следствия, воинских званий, выслу-

ги лет, денежного и вещевого довольствия, они привлекались в обязательном порядке к тяжелому принудительному труду в шахтах, на рудниках, в металлургической промышленности, на лесозаготовках и строительстве военных объектов. Формально начислявшаяся зарплата почти полностью шла в доход НКВД.

Советское правительство не поддержало инициативу Международного Красного Креста об оказании гуманитарной помощи своим военнопленным и о содействии в организации помощи связи с ними через нейтральные страны. Это стало весьма подходящим поводом для ужесточения немцами обращения с советскими военнопленными⁹. Таким образом, советское правительство проявило преступное равнодушие к судьбе военнопленных, не захотело добиваться улучшения положения своих солдат в немецком плену, не подняло голос протеста против их бедственного состояния и несет ответственность за их гибель. Наоборот, оно сообщало только о плохом обращении немцев с пленными. Более того, мир узнал, что в своей стране пленные рассматриваются как предатели и трусы, и немцы данный факт не скрывали от пленных.

Сталин оказался последовательным в исполнении собственных приказов и в своем отношении к военнопленным. Он не сделал исключения даже в отношении своего сына Якова Джугашвили, который в июле 1941 г. попал в плен. Вскоре была арестована его жена и освобождена лишь в 1943-м, когда Яков был уже мертв. Сталин отклонил предложение немцев обменять своего сына. Это был не единичный случай. Как известно, в 1947 г. была создана Международная ассоциация бывших узников фашистских концлагерей. В ней объединились граждане всех стран, пострадавших от фашизма. Эти люди по сей день получают от ФРГ значительную денежную компенсацию. СССР в эту ассоциацию не вошел. И. Сталин изрек что-то в том духе, что нам чужих денег не надо. И вообще: предателям платить?!

Для большинства военнопленных наших союзников освобождение из немецкого плена означало возвращение к нормальной жизни. Более того, по английским законам, оказавшимся в плену английским солдатам и офицерам за все время пребывания в плену продолжали начислять положенное им жалованье, причем даже с надбавкой, связанной с тяжестью положения, в котором они находились. Судьба советских военнопленных сложилась иначе, жестокое отношение к ним сохранялось и многие годы после победы. Для многих из них страдания не закончились и после 1945 г. Весной победного года им и в голову не могло прийти, что впереди их ждут тщательные проверки органами СМЕРШ, различные ограничения, унижения и ущемления в правах. Филтрационные лагеря стали для возвращающихся на родину пленных ежеднев-

ной жизнью. Кстати, они были распущены только в 1947 г. В бесконечных допросах разыскивали шпионов и предателей. Так могло продолжаться много недель и месяцев. Проверка в системе СМЕРШ, конечно, была унизительна и оскорбительна. Каждый допрос начинался с вопроса: «Где сдался?». Причем требовался ответ: «да» или «нет». В самом вопросе крылся и ответ. Раз ты был в плену, значит сдался, тогда где? А если следует ответ, что не сдавался, тогда почему ты оказался в плену. Значит, сдался. За попыткой объяснить положение, в котором ты оказался, когда попал в плен, следовал окрик: «Отвечай на вопрос!». Бывшие военнопленные осуждались как изменники Родины за то, что выполняли в плену обязанности врачей, санитаров, переводчиков, поваров и различные работы, связанные с бытовым обслуживанием самих военнопленных. Их наказывали на определенный срок за то, что работал у бауэра или еще где-то, что не бежал из плена. Бывших пленных ограничивали в правах на выбор профессий, места жительства, на получение образования, беспрестанно вызывали в органы НКВД для выяснения каких-либо обстоятельств пребывания в плену, для регистрации и постановки на спецучет, снимали отпечатки пальцев. Поражает тот факт, что в июле 1945 г., уже после Великой Победы над врагом и освобождения пленных, издается приказ НКВД СССР «Об объявлении инструкции о порядке учета и регистрации репатриированных советских граждан». Согласно этому приказу репатрианты, военнопленные и гражданские лица рассматривались как враги государства. Сталинский режим не мог признать, что большое количество людей попало в плен по его вине. Все возвращающиеся военнопленные подвергались проверке и фильтрации, их могли использовать на принудительных работах. Многие бывшие пленные были зачислены в рабочие батальоны НКО, других в соответствии с возрастом демобилизовали, третьих после проверки призвали для продолжения службы в рядах Красной Армии, офицеров, находившихся в плену, а также «власовцев», полицейских и служивших в немецкой армии, в ее строевых и трудовых формированиях, направляли в спецлагеря НКВД. Сотни тысяч бывших советских граждан остались за границей, составив так называемую «вторую миграцию». Общая цифра определяется в 451 561 человека. По утверждению бывшего пленного В.Г. Шеломова, во время прохождения проверки в Бранденбурге летом 1945 г. многие военнопленные вновь бежали на Запад. Причина была одна: грубое и подозрительное отношение к бывшим пленным со стороны советских органов. Сам Шеломов репрессиям не подвергался, но нигде не указывал, что после удачного побега осенью 1944 г. до конца войны служил в американской артиллерийской части. Если бы органы СМЕРШ узнали об этом, то арестовали и посадили бы в тюрьму как

шпиона. Вплоть до смерти Сталина все разговоры о трагедии плена расценивались как «клевета на Советскую Родину». Существует точка зрения, что после окончания войны советское руководство более гуманно относилось к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена¹⁰.

Приведем печальный рассказ бывшего пленного Н.Ф. Колина. В апреле 1945 г. он совершил со своими товарищами удачный побег из плена, встретился с американскими солдатами. После окончания войны американцы передали пленных советской стороне. Всех проверяли, обыскивали, а с офицеров срывали погоны. На каждого была заведена новая карточка. Во время пути на родину, до «места дислокации», проводилось еще три проверки. Сначала эшелон с бывшими пленными прибыл в г. Алкино-2, что под Уфой. Разместили в землянках с двухъярусными нарами. Мы, пишет Колин, снова почувствовал себя пленным. Опять тщательная проверка. Затем работа на уборке картофеля из-под снега. Начался «второй плен». В ноябре 1945 г. бывших пленных отправили в г. Коркино Челябинской области на шахтострой. Здесь им сказали, что теперь этот район будет их постоянным местом жительства. Выезд и переписка запрещены, паспортов не имели. Жили в бараках, кто работал на шахте, кто на стройке. Отношение к бывшим пленным со стороны руководства предприятий было недоверчивым. Только в 1951 г. Колина разрешили вернуться в родные места, к родственникам. Человек, по сути дела, отбывал наказание за несовершенное преступление. И такое бесправие испытали многие.

В Алкино после возвращения на родину оказался и Н.И. Носов, пробывший в плену в шталаге 326 с сентября 1943 г. и до самого освобождения в апреле 1945 г. Но его быстро освободили, в ноябре 1945 г. Вернувшись домой, стал работать учителем недалеко от г. Минусинска. Однако, как он пишет, с 1946 по 1956 г. он ходил с опущенными глазами, никогда никому не говорил, что был в плену. Нередко вызывали в КГБ г. Минусинска. Испытал на себе унижения, оскорбления, проверки...

О своей тяжелой судьбе поведал нам и В.А. Токарский. Четыре года фашистского плена, перебрасывали из одного лагеря в другой, где и кем только не работал. В 1946 г. их, репатриантов, отправили в Сибирь, в Иркутскую область. Сам он работал в котельной завода в г. Черемхово, остался там до конца жизни. Достаточно было одного факта пленения, чтобы перечеркнуть всю жизнь человека. Как-то Токарский зашел в кабинет директора завода и попросил перевести его в дневную смену. Директор ответил: «Вас (бывших пленных) привезли сюда для того, чтобы вы искупили свою вину тяжелым физическим трудом. Иди!». Да, быв-

шим военнопленным на службе или работе часто приходилось слышать: «Не забывай, кто ты есть». В ответах на вопросы, поставленные в нашей анкете (см. приложение), бывшие военнопленные пишут, что до сих пор не могут избавиться от ощущения, что они неполноценные граждане. Ведь долгие годы на них смотрели, как на людей второго сорта. Синдром плена, отмечает П.В. Заболотнов, остается по сей день, при одном только напоминании о плене бросает в дрожь.

Плен был не только проклятием, но и суровой проверкой людей. Он казался серьезным нравственным и политическим фактором, который давил на наше общество вплоть до середины 90-х гг. Таким образом, жестокое, бесчеловечное отношение к военнопленным сохранялось многие годы. До 1992 г. просуществовал пункт в анкете по учету кадров, свидетельствовавший о пребывании в немецком плену. В СССР понятия «плен», «репатриант», были долгое время позорным клеймом, которое по возможности старались скрыть. В любое время этот позор ввиду произвола сталинского режима мог послужить предлогом для наказания за преступление. Читая письма бывших военнопленных, поражаешься, что многие из них были арестованы и осуждены в 1946, 1947, 1948 и 1950 гг., в основном по ст. 58-Б, 58-1Б, на 10, 15 и 25 лет. Затем их высылали в Сибирь, Коми, Воркуту, Карелию, Магадан, на Дальний Восток и Колыму, то есть география высылки была весьма обширна. Осуждали и высылали даже тех, кто после побега из плена участвовал в югославском, итальянском и французском партизанском движении. Рубежом, когда советское законодательство в отношении военнопленных превратилось из репрессивного в правовое, стал 1956 г. 29 июня этого года появился первый документ об амнистии бывших военнопленных. Речь идет о секретном Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490с. «Об устранении последствий грубых нарушений советской законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»¹¹. Оно было принято по итогам работы специальной комиссии под председательством маршала Г.К. Жукова. Он был первый, кто решительно выступал за пересмотр взглядов по отношению к бывшим военнопленным. В этом документе впервые признавалось, что в годы войны и в послевоенный период были допущены грубые нарушения советской законности в отношении военнослужащих Красной Армии и Флота, оказавшихся в плену или в окружении противника. Осуждались проявления огульного политического недоверия к бывшим военнопленным, применение к ним необоснованных репрессий, незаконное ограничение прав, провокационные методы следствия НКВД и необоснованное привлечение к уголовной ответственности бывших пленных, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену.

Объявлялись незаконными репрессии в отношении семей военнопленных, правда, в документе партии и правительства ничего не говорилось о их реабилитации. Осуждалась практика незаконного разжалования без суда офицеров, бывших в плену и окружении. Впервые партия и правительство признавались в нарушении элементарных прав в отношении военнопленных, в произволе и беззаконии. В Постановлении констатировалось, что после 1945 г. органы безопасности продолжали незаконные ограничения в области трудового устройства, общественной деятельности, при поступлении на учебу, при перемене местожительства. Многим отказывали в восстановлении в рядах КПСС, отчисляли из институтов, не принимали в аспирантуру. Страдали родственники и дети.

Как пишет бывший пленный А.П. Государев, после демобилизации он не был восстановлен студентом геологического факультета Казанского государственного университета, три курса которого окончил до начала Отечественной войны. В 1951 г. он не был принят на факультет иностранных языков Казанского пединститута, хотя успешно сдал вступительные экзамены. "Подпорченная" биография с позорной отметкой «был в плену» сказывалась негативно в трудовой жизни многих бывших пленных. Все это порождало среди бывших военнопленных и членов их семей настроения обиды и недовольства. Добавим, что во время борьбы с космополитизмом в конце 40-х годов недоверчивое отношение к бывшим пленным и репатриантам еще более возросло. При этом высшие эшелоны власти, прежде всего лично Сталин, питали болезненную подозрительность ко всем, кто побывал за границей, то есть к репатриантам. В Постановлении 1956 г. говорилось об амнистии тех военнопленных, которые добровольно сдались в плен, о пересмотре и отмене всех ранее изданных НКВД и НКГБ приказов и инструкций в отношении бывших военнопленных. Следует отметить, что это Постановление претворялось в жизнь с большим трудом. Оно носило отпечаток настроений того времени и не до конца решало проблемы, связанные с военнопленными и военнообязанными из числа гражданских репатриантов. Постановление было секретным и широкой огласке не подлежало, и многих бывших военнопленных, подпадавших под его действие, оно, к сожалению, так и не коснулось. Не случайно, когда в 1998 г. был проведен опрос бывших военнопленных, то выяснилось, что о Постановлении 1956 г. знали всего 5% опрошенных. Считалось, что амнистия 1956 г. решала все проблемы, и о них старались не говорить. Между тем многие бывшие военнопленные лишались льгот, военной инвалидности и не были упразднены другие ограничения. Да и процесс реабилитации проходил медленно и противоречиво. Он растянулся на 30 с лишним лет, до

.....

начала 90-х гг. Поражает другое, что в 80-е гг. у многих бывших военнопленных были отняты удостоверения «Участник ВОВ».

Только в 1991 г., уже после распада СССР, Верховным Советом России был принят закон «О реабилитации жертв политических репрессий», определяющий порядок рассмотрения вопросов реабилитации незаконно репрессированных по политическим мотивам граждан (в том числе бывших военнопленных). К сожалению, даже после принятия этого Закона не были решены все проблемы бывших советских военнопленных, многие из них не имели льгот участников или инвалидов войны. Поэтому очень важным шагом руководства России по восстановлению законности прав бывших военнопленных стал Указ Президента РФ № 63 от 24 января 1995 г.¹² Итак, через 50 лет после окончания второй мировой войны в России бывшие военнопленные были юридически полностью реабилитированы. Однако и об этом «гласном» Указе Президента РФ знают менее 20%. К сожалению, приходится констатировать, что сейчас, когда в России функционирует фонд «Взаимопонимания и примирения», предусматривающий денежную компенсацию, предоставленную правительством Германии разным категориям советских граждан, попавших в фашистскую Германию в годы войны, бывших военнопленных, за исключением тех, судьба которых соответствовала статусу «узников фашистских лагерей и тюрем», лишили этой компенсации. Несправедливость в отношении их была и осталась. Они до сих пор сталкиваются с рецидивами бюрократического равнодушия к себе, обращаясь в военкоматы и органы социальной защиты, в другие государственные организации. Бывшие военнопленные справедливо добиваются решения проблем материальной и моральной компенсации за нанесенный им ущерб в годы фашистского плена и в годы «второго плена» - после возвращения на родину. А ведь в живых бывших военнопленных, дважды прошедших круги ада, осталось немного, да и те - инвалиды I и II группы.

Глава X.

КРУЖОК «ЦВЕТЫ ДЛЯ ШТУКЕНБРОКА»

В этом разделе книги нам хотелось бы познакомить читателей и кратко рассказать о деятельности, месте и роли рабочего кружка «Цветы для Штукенброка». Как уже указывалось выше, в 1967 г. в г. Лемго собралась небольшая группа мужчин и женщин: коммунисты, социал-демократы, беспартийные, деятели профсоюзов, евангелические священники, адвокаты, учителя и служащие. Они заявили, что «на месте убийства советских военнопленных "Штукенброк" должны объединиться граждане различных политических направлений, исповедующих разное мировоззрение, чтобы выразить свою волю против войны и фашизма». И был основан антифашистский и антивоенный рабочий кружок «Цветы для Штукенброка». Члены его не хотели предать забвению то, что происходило в шталаге 326 (VI K) в 1941 - 1945 гг.

Это был период «холодной войны», противостояния двух общественных систем, двух военно-политических блоков. Возникнув в таких условиях, кружок сразу выступил за мир и примирение народов. Это было определенным мужеством. Один из основателей кружка, священник Г. Дистельмайер, назвал кружок первым «островком памяти в море забвения». Несмотря на различия во взглядах, его членов объединяло общее стремление установить хорошие отношения немецкого народа с народами Советского Союза, сделать все, чтобы никогда больше не повторилась война и не возродился фашизм. Свою главную задачу рабочий кружок видел в том, чтобы показать на примере массовой гибели советских военнопленных ужасы войны, в агитации против милитаризма, реваншизма, национализма и неонацизма, в разъяснении немцам политики нацистской Германии, которая привела к войне, огромным человеческим жертвам, страданиям и разрушениям.

Лозунг кружка «Никогда снова!» стал платформой для его деятельности. Заветом умерших не может быть месть. Он много сделал в плане антивоенной и антифашистской пропаганды. Эмблема кружка «Цветы для Штукенброка» - изображение памятника погибшим военнопленным. Это та же эмблема, что была изображена на бланке «Ассоциации бывших военнопленных», показывая тем самым решение общих задач. Кружок независим от партий и других организаций. Его бессменным руководителем является Вернер Хёнер.

С самого начала его деятельность проходила в условиях клеветы, нападок и враждебности со стороны реакционных, консервативных кругов и официальных органов власти. Ведь многим немцам тогда казалось, что прошлое с его чудовищными преступлениями, как это было в лагере 326 (VI K), позади. Они не хотели думать о их причинах и следствии. В школьных учебниках по истории невозможно было найти что-либо о Штукенброке. Лишь немного говорилось о других лагерях военнопленных в Германии. И все же кружок выдержал, не распался и устоял. Идеи и дела его получили поддержку общины Шлос Хольте-Штукенброк. Члены кружка взяли на себя нелегкую миссию: поддерживать в порядке кладбище и памятник, содействовать посетителям кладбища советских военнопленных в получении правдивой информации о событиях в лагере 326 (VI K) и о самом кладбище. Они опубликовали брошюру «Протокол Штукенброка», которая выдержала несколько изданий, и обратили внимание прессы на исторические и актуальные события Штукенброка.

В том же 1967 г. впервые тысячи красных гвоздик были возложены как символ примирения к памятнику и на могилы советских военнопленных Штукенброка. С тех пор по инициативе кружка ежегодно в день поминовения погибших советских воинов в первую субботу сентября проводятся массовые антивоенные дни. Разными годами помечены круглые знаки с изображением обелиска. С такими значками на груди выходят на манифестацию в Штукенброке тысячи людей, сочувствующих идеям кружка, идеям покаяния за совершенное немцами в годы нацизма, возлагая к обелиску 65 000 гвоздик, по гвоздике каждому замученному солдату. К каждому антивоенному дню кружок издает листовки с призывом к гражданам принять участие в массовой манифестации. В них также напоминает о значении дня памяти жертвам фашизма.

Сейчас рабочий кружок и его члены широко известны как в Германии, так и за рубежом, получив международное признание. О его благой деятельности написаны книги, созданы фильмы. Он находит поддержку многих немцев не только в земле Северный Рейн-Вестфалия, но и в других землях Германии. Кружок многими людьми воспринима-

.....
 ется как символ единой воли к миру и примирению всех народов, как символ борьбы против ненависти и враждебности к другим народам. Антивоенный день 3 сентября 1994 г. был проведен под лозунгом «У ненависти нет шанса». Он получает большую финансовую и иную помощь от многих «маленьких людей» из региона, и его работа строится исключительно на пожертвованиях.

Можно определенно сказать, что если бы не кружок и его добрая воля и забота о кладбище советских военнопленных, памятник, построенный на кладбище, со временем превратился бы в руины, а могилы заросли бы травой забвения. Активисты кружка приводили в порядок места захоронения жертв фашизма, ставили надгробия. Именно трудом кружка при поддержке широкой общественности, в том числе церкви, создан прекрасный мемориал на месте захоронения военнопленных. Местный скульптор И. Рикус спроектировал, а община помогла возвести входную часть мемориального кладбища. За рядом могил была поставлена скромная часовенка. На одной из ее стен надпись:

*И позаботьтесь вы,
 оставшиеся в живых,
 чтобы сохранить мир,
 мир между людьми,
 мир между народами.*

И действительно, помнить о погибших могут только живые.

В конце 80-х гг. мемориал был взят под охрану государства как памятник, как «выразительный мемориал» и «необычное для Европы сооружение». Члены кружка смогли установить памятный знак на здании маленькой станции Хёфельхоф, куда во время войны приходили эшелоны с советскими военнопленными, - бронзовый горельеф кричащего человека с надписью: «Напоминание о лагере военнопленных "шталага 326"».

Кружок издает документальный и информационный материал о шталаге 326, а его члены ведут исследовательскую работу о судьбе советских военнопленных и насильственно угнанных в Восточную Вестфалию/Липпе. В своей деятельности они постоянно обращают внимание на актуальные внутриполитические и общественные события в Германии, напоминают немцам об опасности происков правого экстремизма, направленных на изменение общественного климата и обострение противоречий, призывают к политике терпения, благоразумия, уважения жизненных интересов других людей и народов, навсегда исключить войну как средство политики. На рубеже 70-х гг. рабочий кружок вы-

.....

ступал с требованием политической разрядки напряженности, за признание послевоенных границ в Европе, нормальные отношения с СССР и другими странами соцлагеря. Он осудил американскую войну во Вьетнаме, выразил свою солидарность с вьетнамским народом, активно выступал против неонацистских сил, запрета на профессии, гонки вооружений между Западом и Востоком, за сокращение военных расходов. По мнению членов кружка, НАТО как военная организация изжила себя и должна быть распущена. В свете балканских событий весны 1999 г. это звучит актуально. И в последние годы кружок активно выступает за устранение массовой безработицы, социальные гарантии всем, за спасение окружающей среды. Как видно, он откликается на все важные внутригерманские и международные проблемы и всегда четко выражает свою позицию, которая находит отклик у германской общественности.

Особо хотелось бы отметить, что рабочий кружок оказывает моральную и материальную поддержку бывшим военнопленным, прошедшим ад лагеря в Штукенброке, организует их поездки в Германию, приглашает участвовать в антивоенных днях. В 1991 г., например, он организовал поездку группы бывших узников и членов их семей на отдых в живописные окрестности города Лонне. Члены кружка постоянно обращаются к депутатам парламента и правительству - выполнить в конце концов обещание и предоставить бывшим военнопленным шталага 326, которые принудительно трудились в промышленности и сельском хозяйстве, возмещение ущерба.

После долгих усилий рабочего кружка в июне 1996 г. был открыт документальный центр шталага 326. Он расположен в здании, которое было построено в 1942 г. как гауптвахта лагеря. Документальный центр имеет ряд отделов: 1) Причины установления нацистского режима в Германии; 2) Лагерь в рамках войны мировоззрений; 3) Лагерь в рамках труда; 4) План Барбаросса; 5) Жизнь в лагере и вне его. Таким образом, центр может информировать посетителей об истории шталага 326, о военнопленных и его жертвах. Кроме того, члены кружка продолжают до сих пор поиски пропавших без вести людей, выясняют судьбу отдельных лиц, собирают документы, фотографии, воспоминания бывших узников, пополняя фонды центра. История лагеря советских военнопленных не забыта. Центр посещают дети и школьники, и он имеет большое образовательное и воспитательное значение.

В сентябре 1997 г. отмечалось 30-летие рабочего кружка «Цветы для Штукенброка». На торжественном заседании, посвященном этой дате, присутствовали многочисленные гости, в том числе члены земельного правительства, делегации из России, Украины, Белоруссии, Италии и Франции. Все ораторы отмечали, что работа кружка была и остается по-

лезной и необходимой. Руководитель кружка Вернер Хёнер, говоря о его месте и роли, отметил, что «мы своим призывом в 60-е дали импульс к миру и разрядке напряженности... Мы заботимся о том, чтобы цветы для Штукенброка никогда не увядали». Это место до сих пор является «важнейшим напоминанием о прошлом»¹. Высоко оценила деятельность кружка председатель окружного совета Урсула Больте. Она сказала, что «мы (немцы) не должны забывать историю, обязаны извлекать уроки из прошлого и делать выводы на будущее». Особенно Больте подчеркнула, что «ужас и жертвы шталага перед нашей собственной дверью не забыты»².

На торжественном заседании выступил также заместитель главы земельного правительства М. Веспер. Он выразил благодарность основателям кружка, который «решающим образом способствовал тому, чтобы избавить немцев от неспособности скорбеть». Веспер говорил также о бесчеловечности национал-социалистической диктатуры: «Мы должны сделать все, чтобы такие события не повторились». Заместитель главы земельного правительства потребовал, чтобы посещение документального центра стало обязательным для учащихся школ и было включено в программу обучения³.

Хотелось бы остановиться на анализе призыва рабочего кружка от 5 сентября 1998 г., приуроченного к очередному антивоенному дню. Оно носило характер программно-заявления накануне парламентских выборов. В нем высказываются интересные идеи, предлагается решение некоторых проблем, выражается озабоченность за судьбу Европы и ее безопасность. В призыве отмечается, что Европа до сих пор остается расколотой не только в социальном и экономическом отношении, но и в плане политической безопасности. После роспуска Варшавского пакта идея европейской системы безопасности отошла на задний план. Вместо этого границы НАТО расширяются на Восток. Это вызывает страх и беспокойство народов России, Украины и Белоруссии. Кружок в этой связи призывает политиков ФРГ не забывать трагических уроков германской истории, сделать верные выводы и отказаться от ложных подходов к международным делам.

В своем призыве кружок сформулировал ряд важных пунктов, на которые, по мнению его членов, должно обратить внимание новое правительство, возглавляемое социал-демократами, при выработке и проведении своей политики:

- конкретные шаги по разоружению;
- ориентация бундесвера исключительно на оборонительные цели;
- конкретные шаги по созданию европейской системы безопасности, которая охватила бы весь континент;

- укрепление международных прав через усиление роли ООН и ее организаций;
- без опеки над другими странами и народами. Невмешательство во внутренние дела;
- мероприятия по примирению немцев вместо раскола - сюда относится окончательное политическое, экономическое и юридическое равноправие всех людей на Востоке и Западной Германии и преодоление все еще имеющих остатков «холодной войны»;
- финансовая компенсация всем живущим мужчинам и женщинам, которые находились в Германии как военнопленные или насильственно угнанные во время второй мировой войны;
- активная борьба с нацизмом в старой и новой форме⁴.

Нам кажется, что эти требования весьма актуальны и злободневны. Они предостерегают от диктата в международных делах и выступают за равноправные отношения между народами и странами.

Члены кружка постоянно предупреждают о необходимости помнить о Штукенброке, заботиться о мире между людьми и народами. А расположенное там кладбище советских военнопленных стало местом встречи многочисленных людей, которые призыв «Никогда снова!» хотят воплотить в жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьба советских военнопленных оказалась связанной с историей двух диктатур. Они стали жертвами диктатуры Гитлера и диктатуры Сталина. Жертвы войны и деспотизма исчисляются миллионами. Это не только солдаты и офицеры, но и гражданское население всех воюющих государств. Война велась немецкой стороной с необычайной жестокостью и имела ужасные последствия для народов Советского Союза. Эта жестокость непостижима без знания расовой идеологии национал-социализма, полной презрения к людям и усиленно пропагандировавшей искаженный облик «русского недочеловека». Но и сталинский режим беспощадно преследовал своих попавших в плен солдат. Война и плен оставили в сознании и памяти людей глубокий след. Они десятилетиями отравляли отношения между людьми и государствами. Бывшие узники лагерей, пережившие преследования национал-социализма и сталинизма, по сей день страдают от физических и психических последствий.

Шталаги в «третьем рейхе» и на оккупированной территории, а не только концлагеря, являются символом злодеяний нацистского режима в отношении иностранных, в особенности советских, военнопленных. Их страдания и смерть были величайшей трагедией. В лагерях погибли сотни тысяч русских пленных. Даже короткий перечень названий шталагов и цифр погибших свидетельствуют о том, что там совершались страшные государственно организованные преступления.

На кладбище Берген-Бельзен покоятся от 30 до 50 тыс. человек в братских могилах, в Витцендорфе - 16 тыс., Фаллингбостеле-Оэробке - от 30 до 40 тыс. советских пленных, Штукенброке - 65 тыс., шталаге 304 (IV Н) Цейнтхайн умерли более 70 тыс. солдат и офицеров, Зандбостеле - 18 800, по другим сведениям, - 46 тыс., в Хемере, по официальным данным, - 23 500, шталаге II А Нойебрандербург - 47 203 человека. Немало умерло пленных в шталаге VI D. А ведь это далеко не полный пе-

речень шталагов. Сколько красноармейцев погибли в бесчисленных специально созданных рабочих командах в Вестфалии, прежде всего в Рурской области, никто не определит. Смерть от голода, холода и эпидемий была запланирована. В целом сейчас очень трудно установить реальные цифры. Перед воссоединением Германии в свыше 3 500 городах и деревнях одиннадцати земель Западной Германии насчитывалось более 8 400 кладбищ, в которых похоронены жертвы войны и деспотизма. Огромное количество погибших военнопленных на советских кладбищах в Германии остаются безымянными. Посещая эти кладбища, слишком часто встречаешь надпись «Unbekannter Russe» («Неизвестный русский»).

Эти могилы являются напоминанием об отказе от насилия и о мире. В мае 1985 г., федеральный президент ФРГ Р. фон Вайцеккер произнес хорошие слова: «Все мы, виноваты мы или нет, стар или млад, должны помнить прошлое. Все мы пострадали от его последствий и отвечаем за них. Молодое и старшее поколение должны и могут друг другу помочь понять: почему так жизненно важно не забывать прошлое».

Действительно, страдания жертв призывают нас к памяти о них.

¹¹ Stalag VI A Hemer. Kriegsgefangenenlager 1939 - 1945. Dokumente. Augenzeugenberichte. Analysen. Meinungen. Hemer, 1994; Stalag VI A Hemer. Kriegsgefangenenlager 1939 - 1945. Eine Dokumentation. Hrsg. H.-H. Stopsack und E. Thomas. Hemer, 1995. Osterloh J. Sowjetische Kriegsgefangene 1941 - 1945. Forschungserblick und Untersuchung von Beispielen. Hannover, 1994.

¹² Das Lager 326. Augenzeugenberichte. Fotos. Dokumente. Hrsg. Arbeitskreis Blumen für Stukenbrock. Porta Westfalika, 1988.

¹³ Аанёёуää Ä.Ñ. Iäiïðëäë. I., 1986.

¹⁴ Wassiljew A. Rückkehr nach Stukenbrock. Erinnerungen eines russischen Kriegsgefangenen. Köln, 1989.

¹⁵ Aslanow A. Von der Wolga an die Ruhr. Begegnungen mit Deutschen in Krieg und Frieden. Köln, 1987.

¹⁶ Schockenhoff V. «Dem SS-Einsatzkommando Überstellt». Neue Quellen zur Geschichte des Stalag 326 (VI K) Senne im Mockauer Staatarchiv. Eine Dokumentation // Geschichte im Westen. Halbjahres- Zeitschrift für Landes- und Zeitgeschichte. 1993. Heft 1.

¹⁷ Protokoll Stukenbrock. Hrsg. Arbeitskreis Blumen für Stukenbrock. Porta Westfalika. Bielefeld, 1985.

¹⁸ 50 Jahre danach. Erinnerungen an das Kriegsgefangenenlager. «Stalag 326». Hofelhof, 1991.

¹⁹ «Лишь одиночки оказались изменниками» // Источник. Документы русской истории. 1996. № 2. С. 52-66.

²⁰ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91-112.

➤ Глава 1

¹ Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 268.

² Гитлер А. Моя борьба. «Т-ОКО», 1992. С. 556.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 429-430.

⁴ Цит. по: Военная история Отечества с древних времен до наших дней. М., 1995. Т. 1. С. 318; Шифер У. Крах нацистской империи. М; Смоленск, 1998. С. 465-466.

⁵ «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 115-120; Безыменский Л. Человек за спиной Гитлера: Мартин Борман и его дневник. М.: Вече. 1999. С. 78-82.

⁶ Der Untermensch. Berlin, 1942. S. 10, 13.

⁷ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 29; Военно-исторический журнал, 1994. № 4. С. 72

⁸ Кейтель В. Размышления перед казнью: Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. М., 1998. С. 235-236, 244; Гальдер Ф. Указ. соч. С. 430-431.

⁹ Нюрнбергский процесс: Сб. матер.: В 8 т. Том 4. М., 1990. С. 207-208.

¹⁰ Там же. С. 214; Шифер У. Указ. соч. С. 485.

¹¹ Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. S. 126; Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941 - 1945. Rurup R. (Hrsg.) Berlin, 1991. S. 110-111.

¹² Преступные цели - преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 - 1944 гг.) М., 1985. С. 130-131.

¹³ Нюрнбергский процесс. С. 98; Война Германии против Советского Союза. 1941 - 1945: Документальная экспозиция г. Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. М.; Берлин, 1994. С. 110.

¹⁴ Нюрнбергский процесс. С. 98.

¹⁵ Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 35-39. В этом журнале впервые полностью опубликован приказ № 8 от 17 июля 1941 г.; Кейтель В. Указ. соч. С. 475-476; Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente 1941 - 1945. Heidelberg, 1982. S. 202-206.

¹⁶ Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangenez im «Fall Barbarossa». Eine Dokumentation. Heidelberg; Karlsruhe, 1981. S. 322.

¹⁷ Bundesarchiv/ Militararchiv; R 58/272, Bl. 89-94.

¹⁸ Ibid. Bl. 99-104.

¹⁹ Sowjetische Kriegsgefangene 1941 - 1945. Leiden und Sterben in den Lagern Bergen - Belsen, Fallingbostel, Oerbke, Wietzendorf. Hannover, 1991. S. 18.

²⁰ Освенцим. Гитлеровский лагерь массового уничтожения. Варшава, 1988. С. 96.

²¹ 50 Jahre danach. S. 10.

²² Prorokoll Stukenbrock. S. 30.

²³ Huser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VI K) Senne. S. 63.

²⁴ Siltschenko W. S. Das Lager 326 // Das Lager 326. S. 32.

²⁵ Андреев В. Все круги ада. Советские военнопленные во второй мировой войне // Независимая газета. 1999. 7 мая.

²⁶ Deutschland 1933 - 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, 1992; Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. Hannover, 1991; Der Deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941. Fr.a.M., 1991; Erobern und vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941 - 1945. Berlin, 1991; Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland. 1933 - 1945. Die Entfesselung der Gewalt: Rassismus und Krieg. F.a.M., 1996.

²⁷ Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944: см. также: Борозняк А.И. 22 июня 1941 года: взгляд с «той» стороны // Отечественная история. 1994. № 1; Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. (Hrsg.) H. Heer und K. Naumann. Hamburg, 1995.

➤ Глава 2

¹ Schockenhoff V. Op. cit. S. 202.

² Huser K., Otto R. Op. cit. S. 30.

³ Starikow D.B. Der Aufbau und die Organisation des Lagers // Das Lager 326. S. 63.

⁴ Ibid. S. 64-65.

➤ Глава 3

¹ Siltschenko W.S. Das Lager 326 // Das Lager. S. 29.

² Huser K., Otto R. Op. cit. S. 42.

³ Jankowskij P.T. Der erste Tag des Aufenthaltes im Lager Stukenbrock // Das Lager 326. S. 57-58.

⁴ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 40.

⁵ Schimanckij W. I. Ich entkam dem Todeslager // Das Lager 326. S. 96-97.

⁶ Schockenhoff V. «Dem SS-Einsatzkommando Überstellt». S. 202.

⁷ Siltschenko W.S. Op. cit. S. 30; Protokoll Stukenbrock. S. 29.

⁸ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 73.

⁹ Siltschenko W.S. Op. cit. S. 29.

¹⁰ Pieper V., Siedenhans M. Die Vergessenen von Stukenbrock. Die Geschichte des Lagers in Stukenbrock-Senne von 1941 bis zur gegenwart. Bielefeld, 1988. S. 55; 50 Jahre danach. Erinnerungen an das Kriegsgefangenenlager «Stalag 326». Hovelhof, 1991. S. 3.

¹¹ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 211.

¹² BA/MA RW 6/v. 450, Bl.5.

¹³ 50 Jahre danach. S. 3.

¹⁴ BA/MA RW 6/v. 450; v. 451.

¹⁵ BA/MA RW 41/13, Bl. 270.

¹⁶ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 31, 45.

¹⁷ Васильев А.С. Мемориал. М., 1986. С. 44.

¹⁸ Jankowskij P.T. Op. cit. S. 61.

¹⁹ Krischnow M.A. Meine Erlebnisse im Seuchenlazarett Staumühle // Das Lager 326. S. 326.

²⁰ Schimanckij W. I. Op. cit. S. 99.

²¹ Borgsen W., Volland K. Stalag X B Sandbostel. Bremen, 1991. S. 133; Streit Ch. Die Behandlung und Ermordung der Sowjetischen Kriegsgefangenen. Gegen das Vergessen: der Vernichtungskrieg gegen Sowjetunion 1941 - 1945. F.a.M., 1992. S. 93-94.

²² Преступные цели - преступные средства. С. 142.

²³ Borgsen W., Volland K. Op. cit. S. 137-138.

²⁴ Jankowskij P.T. Op. cit. S. 61.

²⁵ Siltschenko W.S. Op. cit. S. 30.

²⁶ Schimanckij W. I. Op. cit. S. 97-98.

²⁷ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 90.

²⁸ Krischnow M.A. Op. cit. S. 87.

➤ Глава 4

¹ Нюрнбергский процесс. Сб. матер.: В 8 т. Т. 4. М. 1990. С. 208-209.

² Protokoll Stukenbrock. S. 29.

³ Siedenhans M. Stalag 326 in Stukenbrock. Provinz unterm Hakenkreuz. Diktatur und Widerstand in Ostwestfalen -Lippe. W. Emer/ U. Horst/ H. Schuler-Jung, Hrsg. Bielefeld, 1984. S. 216.

⁴ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 66.

⁵ Protokoll Stukenbrock. S. 25.

⁶ Siedenhans M. Stalag 326 in Stukenbrock. S. 216.

⁷ Siltschenko W.S. Das Lager 326. S. 30.

⁸ Protokoll Stukenbrock. S. 29.

⁹ Ibid. S. 30.

¹⁰ Jankowckij P.T. Op. cit. S. 60.

¹¹ Anikejew I.P. Informationsquelle Radio // Das Lager 326. S. 69.

¹² Schimanskij W.I. Op. cit. S. 101-102.

¹³ Protokoll Stukenbrock. S. 31.

¹⁴ Ibid. S. 8.

¹⁵ Matwejew G.M. Ich erlebte die Befreiung des Lagers // Das Lager 326. S. 109.

¹⁶ Anikejew I.P. Op. cit. S. 70-71.

¹⁷ Schimanskij W.I. Op. cit. S. 97-98.

¹⁸ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 101.

¹⁹ Ibid. S. 102.

²⁰ Krull R. Angefaulte Steckzuben werden verabreicht. Kriegsgefangene bei der Reichsbahn und der Herforder Kleinbahn. Erinnerungen von Friedrich Kammeyer und Hedwig Kluter // Deckname Genofa. Zwangsarbeit im raum Herford 1933 bis 1945. Kohne und Ch. Laue. Bielefeld, 1992. S. 124-125.

²¹ Ibidem.

²² 50 Jahre danach. S. 13.

²³ Ibid. S. 12-13.

²⁴ Protokoll Stukenbrock. S. 30.

➤ Глава 5

¹ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 76.

² Krischnow M.A. Meine Erlebnisse im Seuchenlazarett Staumühle // Das Lager 326. S. 77-78.

³ Ibid. S. 78.

⁴ Ibid. S. 79.

⁵ Ibid. S. 81.

⁶ Ibid. S. 80.

⁷ Ibid. S. 81.

⁸ Ibid. S. 81-82.

⁹ Ibid. S. 82.

¹⁰ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 37.

¹¹ Anikejew I.P. Op. cit. S. 70.

¹² Siltschenko W. S. Op. cit. S. 32.

¹³ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 70.

¹⁴ Idid. S. 82.

¹⁵ Schimanckij W. I. Op. cit. S. 98.

¹⁶ Siltschenko W. S. Op. cit. S.39.

¹⁷ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 89.

¹⁸ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 39

¹⁹ Tschumakow F.I. Als Arzt half ich, Menschen zu zetteln // Das Lager 326. S. 117-119.

➤ Глава 6

¹ Bundesarchiv / Militaraarchiv. RW 19 W 1/ 1F5 / 1189/ Befehl OKW / KgF. vom 2.8.1941.

² Mommsen H. In deutscher Hand. Der Arbeitseinsatz sowjetischer Kriegsgefangenen - 1941 - 1945 // Kriegsgefangene - Военнопленные. S. 146. В работе П. Полян приводятся другие цифры: во второй половине октября 1941 г. в рейх было доставлено 360 тыс. советских военнопленных. По крайней мере, 185 тыс. русских в начале ноября уже работали, в частности, в авиационной промышленности // Полян П. Жертвы двух диктатур. С. 77.

³ Mommsen H. Op. cit. S. 147.

⁴ Streit Ch. Keine Kameraden. S. 14-15.

⁵ BA / MA RW 19/ 2148.

⁶ Преступные цели - преступные средства. С. 151-152.

⁷ Там же. С. 153.

⁸ Europa und der «Reichseinsatz»: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938 - 1945. U. Herbert (Hrsg.). Essen, 1991. S. 7, 8.

⁹ Weider M. Nur Graber als Spuren: Das Leben und Sterben von Kriegsgefangenen und «Fremdarbeitern» in Munster Während der Kriegszeit 1939 - 1945. Munster, 1984. S. 12.

¹⁰ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 12.

¹¹ BA/MA RW 6/v. 450; v. 451; v. 452; v. 453.

¹² Stalag VI A Hemer. S. 14-15; Stalag VIA Hewan. Eine Dokumentation. S. 68 - 69.

¹³ Stalag VI A Hewan. S. 20.

¹⁴ Васильев А.С. Мемориал. С. 46.

¹⁵ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 113; Otto R. Lager für sowjetische Kriegsgefangene in Westfalen (1941 - 1945) // Jahrbuch des Vereins für Orts- und Heimatkunde in der Grafschaft Mark. Hrsg. H. Schoppmeyer. Witten, 1993. S. 176.

¹⁶ Stalag VI A Hemer. S. 21.

¹⁷ Цит. по: Huser K., Otto R. Op. cit. S. 114.

¹⁸ Ibid. S. 118.

¹⁹ Ibid. S. 119.

²⁰ Schockenhoff V. Vom «fremdvolkischen Arbeiter» zum «landfremden Banditen»? // Detmold in der Nachkriegszeit. Dokumentation eines stadtgeschichtlichen Projekts. Bielefeld, 1994. S. 202.

²¹ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 116-117; 50 Jahre danach. S. 14; Schockenhoff V. Op. cit. S. 202-205.

²² Васильев А.С. Мемориал. С. 73.

²³ Starikow D.B. Der Aufbau und die Organisation des Lagers. S. 65-66.

²⁴ Ibid. S. 66.

²⁵ Васильев А.С. Мемориал. С. 110.

²⁶ Siltschenko W. S. Das Lager 326. S. 36.

²⁷ Ibid. S. 36-37.

²⁸ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 122.

➤ Глава 7

¹ Дуглас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. С. 233.

² Osterloh J. Sowjetische Kriegsgefangene 1941 - 1945. S. 101.

³ Ibid. S. 104.

⁴ Ibid. S. 106.

⁵ Siltschenko W.S. Op. cit. S. 34.

⁶ BA/MA RH 53-17/184.

⁷ BA/MA RH 49/ 112.

⁸ Osterloh J. Op. cit. S. 128.

⁹ Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft der Dritten Reiches. Berlin; Bonn. 1985. S. 310.

¹⁰ Steinbach P. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Ein Beitrag zur deutsch-sowjetischen Beziehungsgeschichte // Aus Politik und Zeitgeschichte. 7. Juni. 1991, B 24/ 91. S. 41.

¹¹ Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und sowjetischen Kriegsgefangenen 1941 - 1945. 2. Auflage. Bonn, 1991. S. 192-193.

¹² BA/MA RH 49 /112.

¹³ Osterloh J. Op. cit. S. 114-116.

¹⁴ Krischnow M.A. Op. cit. S. 82.

¹⁵ Ibid. S. 82-83.

¹⁶ Ibid. S. 84.

¹⁷ Schimanskij M.I. Op. cit. S. 104.

¹⁸ Ibid. S. 105.

¹⁹ Ibid. S. 106.

²⁰ Osterloh J. Op. cit. S. 125.

²¹ Herbert U. Fremdarbeiter. S. 358.

²² Osterloh J. Op. cit. S. 92.

²³ Ibid. S. 90.

²⁴ BA/MA RH 4/v. 578.

²⁵ Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941 - 1945. R. Rurup (Hrsg). Berlin, 1991. S. 110-111.

²⁶ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 33.

²⁷ Ibid. S. 38.

- ²⁸ Krischnow M.A. Op. cit. S. 79-80.
²⁹ Starikow D.B. Op. cit. S. 67.
³⁰ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 40.
³¹ Krischnow M.A. Op. cit. S. 85-86.
³² Starikow D.B. Op. cit. S. 66-67.
³³ Ibid. S. 68.
³⁴ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 41.
³⁵ Ibidem.
³⁶ Ibidem.
³⁷ Ibid. S. 41-43.
³⁸ Tschumakow F. J. Als Arzt half ich, Menschen zu retten. S. 117.
³⁹ Krischnow M.A. Op. cit. S. 89-90.
⁴⁰ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 36, 43.
⁴¹ Ibid. S. 44; Anikejew J.P. Op. cit. S. 74.
⁴² Matwejew G. M. Ich Befreiung des Lagers. S. 111-112.
⁴³ Ibid. S. 113.

➤ Глава 8

- ¹ Matwejew G.M. Op. cit. S. 113.
² Siltschenko W. S. Op. cit. S. 45-46.
³ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 72; 50 Jahre danach. S. 16.
⁴ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 46.
⁵ Ibidem.
⁶ Ibidem.
⁷ Matwejew G.M. Op. cit. S. 114.
⁸ Васильев А. Указ. соч. С. 126.
⁹ Цит. по книге: Huser K., Otto R. Op. cit. S. 175-176.
¹⁰ Ibid. S. 179-180.
¹¹ Ibid. S. 180.
¹² Ibidem.
¹³ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 47.
¹⁴ Matwejew G.M. Op. cit. S. 115.
¹⁵ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 47-48.
¹⁶ Ibid. S. 49; 50 Jahre danach. S. 19.
¹⁷ 50 Jahre danach. S. 19.
¹⁸ Siltschenko W. S. Op. cit. S. 51.
¹⁹ См.: Huser K., Otto R. Op. cit. S. 188.
²⁰ 50 Jahre danach. S. 19.
²¹ Protokoll Stukenbrock. S. 6.; Huser K., Otto R. Op. cit. S. 190.
²² Protokoll Stukenbrock. S. 6.
²³ Westfalen-Blatt. 23.05.1997.
²⁴ Huser K., Otto R. Op. cit. S. 190.
²⁵ Westfalen-Blatt, Nr. 171. 27.7.1997; Nr. 175. 31.7.1997.
²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid. 27.7.1997.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Stadtblatt. 28.8.1997.

³⁰ Protokoll Stukenbrock. S. 13.

³¹ Ibid. S. 14.

➤ Глава 9

¹ Уголовный кодекс. С изменениями на 1 июля 1938. М., 1938.

² Дуглас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 17, 29; Андреев В. Все круги ада. Советские военнопленные во второй мировой войне.; Zeidler M. Feindbild «Unternehmen». NS-Propaganda innerhalb der Wehrmacht und gegenüber der Roten Armee // Kriegsgefangene - Военнопленные. S. 40.

³ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996., № 2. С. 93.

⁴ Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 28; Там же. 1988. № 9. С. 28.

⁵ Полян П.М. Жертвы двух диктатур. С. 46-48.

⁶ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 339.

⁷ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. С. 101.

⁸ Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 436.

⁹ Конасов В.Б. Судьба немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 35-43, 48-51; Bonwetsch B. Ein Sieg mit Schattenseiten. Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg // Kriegsgefangene - Военнопленные. S. 136-137.

¹⁰ Семиряга М.И. Военнопленные - изменники Родины или жертвы войны? Размышление о судьбе советских военнопленных в годы второй мировой войны // Проблемы военного плена. С. 8.

¹¹ Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 3. Ярославль, 1995. С. 489-491; Бывшие советские военнопленные. Нормативные акты, справочно-информационные материалы. М., 1999. С. 5 - 9.

¹² Бывшие советские военнопленные. С. 19 - 21.

➤ Глава 10

¹ Westfalen-Blatt. 8. September 1997.

² Ibidem; Neue Westfälische. 8. September 1997.

³ Westfalen-Blatt. 8. September. 1997.

⁴ Blumen für Stukenbrock, Antikriegstag. 5. September. 1998.